

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

3(55)
2025

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ
ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Наш журнал можно заказать
в интернет-магазине
издательства «Учитель»:
www.uchmag.ru

Подписка на журнал
осуществляется на сайте
«Объединенного каталога «Пресса России»»
www.pressa-rf.ru
и через интернет-магазин
«Пресса по подписке»
www.akc.ru
Подписной индекс 80840

Заказы и информацию можно послать
по электронной почте: peruch@mail.ru
Сайты: www.socionauki.ru
www.uchitel-izd.ru

Журнал можно приобрести
в г. Москве:
Факультет глобальных процессов
МГУ имени М. В. Ломоносова
(Ленинские горы, д. 1, стр. 13А)
Тел: 8(495) 939-43-23
Сайт: www.globalistika.ru

Издательство «Учитель»

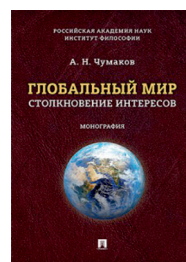
Россия, 400079,
Волгоград,
ул. Кирова, 143

Тел. (8442) 42-04-08

I ISSN 1994-9065

9 771994 906005

Чумаков А. Н.

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР:
СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ

М.: Проспект, 2018. 512 с.

ISBN 978-5-392-27416-1

МОНОГРАФИЯ

Рекомендовано к изданию
Институтом философии РАН

Монография является заключительной частью трилогии, посвященной авторской концепции общей теории глобализации. Опираясь на проведенные ранее исследования природы и направленности глобальных процессов, автор показывает многоплановую структуру и динамику развития современного мира, анализирует международные отношения в условиях всеобщей взаимозависимости. Особое внимание уделяется противоречивой природе как самого человека, так и общественных отношений, что лежит в основе столкновения различных интересов и непрекращающихся социальных конфликтов. Рассматриваются вероятные сценарии исторического развития и предлагаются наиболее оптимальные пути решения актуальных социально-экономических и политических проблем как для отдельных стран, так и для мирового сообщества в целом.

Подробнее см.:

http://www.globalistika.ru/Globalistika/globalny_mir_stolknovenie_interesov.htm

<http://rfo1971.ru/a-n-chumakov-globalnyiy-mir-stolknovenie-interesov/>

<http://rfo1971.ru/knigi-stati/>

Книгу можно приобрести в книжных магазинах или по Интернету

Journal of Globalization Studies

Издается на английском языке.

Выходит с 2010 г. Периодичность – 2 раза в год.
Журнал предлагает многосторонний анализ глобализации, основанный на перспективах и результатах исследований авторов, работающих в разных культурных и научных традициях. Среди тем публикаций: экономические, политические, социальные, экологические, научно-технические, культурные, религиозные, этические и другие аспекты процессов глобализации; глобальные кризисы и проблемы современности; локальные решения в глобальном пространстве; философские аспекты глобализации и др.

Подписаться на журналы можно в любом почтовом отделении или через издательство.
Подробнее см. на сайте: www.socionauki.ru

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994-9065

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ
ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

3

2025

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ

СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ:
КОЛОНИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО «Я»

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ
ГЛОБАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

МИРОВОЙ МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС:
СТОЛКНОВЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ И СМЫСЛОВ

ФАКТОРЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ
УСТОЙЧИВОСТИ: ГЛОБАЛЬНЫЕ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

Издательство
«Учитель»

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994–9065

**3(55)
2025**

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)

Выходит 4 раза в год

Издается с 2008 г.

Редакционная коллегия:

Шеф-редактор

Л. Е. Гринин, *д.ф.н., г.н.с.*

Главный редактор

А. Н. Чумаков, *д.ф.н., проф.*

Алешковский И. А., *к.э.н., доц. (Россия)*; Ивахнюк И. В., *д.э.н., проф. (Россия)*; Калачёв Б. Ф., *к.ю.н. (Россия)*; Калининченко П. А., *д.ю.н., проф. (Россия)*; Кацура А. В., *к.ф.н. (Россия)*; Кефели И. Ф., *д.ф.н., проф. (Россия)*; Лось В. А., *д.ф.н., проф. (Россия)*; Мамедов Н. М., *д.ф.н., проф. (Россия)*; Махаматов Т. М., *д.ф.н., проф.; (Россия)*; Митрофанова А. В., *д. полит. н., проф. (Россия)*; Режабек Б. Г., *к.б.н. (Россия)*; Рыбальский Н. Г., *д.б.н., проф. (Россия)*; Снакин В. В., *д.б.н., проф. (Россия)*; Стычинский М. С., *к.ф.н. (Россия)*; Шестова Т. Л., *д.ф.н., проф. (Россия)*.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И., *д.и.н., проф. (Россия)*; Акаев А. А., *д. физ.-мат. н., акад. РАН (Киргизия)*; Ань Цинянь, *Ph.D., Prof. (Китай)*; Ближковский П., *Dr.Sc. (Бельгия)*; Бурьянов С. А., *к.ю.н. (Россия)*; Грачев В. А., *д.т.н., чл.-корр. РАН (Москва)*; Гэй У., *Ph.D., Prof. (США)*; Данилов-Данильян В. И., *д.э.н., чл.-корр. РАН (Россия)*; Дафферн Т., *Ph.D. (Великобритания)*; Ильин И. В., *д. полит. н., проф. (Россия)*; Киш Э., *Ph.D., Prof. (Венгрия)*; Коппула В. Б., *Ph.D., Prof. (Индия)*; Коротаев А. В., *д.и.н., проф. (Россия)*; Кучуради И., *Ph.D., Prof. (Турция)*; Лисеев И. К., *д.ф.н., проф. (Россия)*; Мазур И. И., *д.т.н., проф. (Россия)*; Сабден О. С., *д.э.н. (Казахстан)*; Сергеев М. Ю., *Ph.D., Prof. (США)*; Теймури В., *Ph.D., Prof. (Иран)*

Адрес редакции:

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А,
МГУ, факультет глобальных процессов.
Тел.: 8(495) 939-43-23. E-mail: chumakov5@yandex.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru. Сайт: www.socionauki.ru
DOI: 10.30884/vglob/2025.03.00

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Щелкунов М. Д., Краснов А. С., Волчкова О. О. Современный капитализм: колонизация человеческого «Я» 3

Стожко Д. К. Геополитические идеи Е. В. Тарле и современность..... 13

Чумаков А. Н., Краснов А. С., Гринин Л. Е. и др. Философские проблемы современной глобализации (материалы круглого стола)..... 25

В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Никулин Н. Н. Экономическая глобализация и экономический суверенитет в условиях многополярного мира 45

Юрченко П. С. Африканский вектор турецкой геополитики: проблемы и перспективы их решения..... 59

Гребнев Р. Д. Децентрализация глобального регулирования международных отношений в контексте формирования многополярного миропорядка 71

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Махаматов Т. М. Проблемы эволюции искусственного интеллекта в аспекте неоглобализации..... 85

Лошкарёв И. Д. Цифровые диаспоры: тенденции развития идентичности 93

Напсо М. Б. Глобальная трансформация качества и оборота информации..... 106

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Файзуллин Ф. С., Дзюба Е. И. Сильная внутренняя политика современной России – залог успеха на пути к многополярному миру ... 119

Русакова О. Ф., Русаков В. М. Мировой миграционный кризис: столкновение ценностей и смыслов..... 130

Митрофанова А. В., Рязанова С. В. Материальность времени: политика темпоральных групп..... 145

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Ромашкин Р. А., Рыбальский Н. Г. Продовольственная безопасность Евразийского экономического союза: достижения и перспективы интеграционного взаимодействия 155

Ненашева М. В. Резилиентность как новая политическая стратегия в условиях изменения климата 176

Васильев В. П. Факторы экологической устойчивости: глобальные и национальные приоритеты 186

ТЕОРИЯ

СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ: КОЛОНИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО «Я»^{*}

Щелкунов М. Д., Краснов А. С., Волчкова О. О.^{**}

Рассматриваются изменения человеческой субъективности под влиянием неклассических форм эксплуатации человека, порождаемых капитализмом. Современный капитализм, используя ризоматический способ экспансии, проникает во все поры общественной жизни, захватывает сферу цифровой коммуникации, колонизирует индивидуальное бытие людей ради получения прибыли. С помощью манипуляционных технологий конструируется социально привлекательный образ капиталиста в качестве лидера общественного прогресса. Происходят коммодификации пространства и времени как условий жизнедеятельности личности. Бинарное существование человека в реальном и виртуальном пространствах провоцирует формы деятельности, негативно влияющие на развитие личности. Такие растиражированные капитализмом феномены, как культура успеха, тайм-менеджмент, биохакинг,

^{*} **Для цитирования:** Щелкунов М. Д., Краснов А. С., Волчкова О. О. Современный капитализм: колонизация человеческого «я» // Век глобализации. 2025. № 3. С. 3–12. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.01.

For citation: Shchelkunov M. D., Krasnov A. S., Volchkova O. O. Modern Capitalism: The Colonization of the Human Self // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 3. Pp. 3–12. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.01 (in Russian).

^{**} Щелкунов Михаил Дмитриевич – д. ф. н., профессор, академик Академии науки Республики Татарстан, заведующий кафедрой общей философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: mikhail.schelkunov@rambler.ru.

Mikhail D. Shchelkunov – Dr. Phil., Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Head of the Department of General Philosophy at the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications of the Kazan (Volga Region) Federal University. E-mail: mikhail.schelkunov@rambler.ru.

Краснов Антон Сергеевич – д. ф. н., профессор кафедры общей философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: anton-krasnov1987@yandex.ru.

Anton S. Krasnov – Dr. Phil., Professor of the Department of General Philosophy at the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications of the Kazan (Volga Region) Federal University. E-mail: anton-krasnov1987@yandex.ru.

Волчкова Ольга Олеговна – к. ф. н., доцент кафедры религиоведения Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: adelaida389@mail.ru.

Olga O. Volchkova – Ph.D., Associate Professor of the Department of Religious Studies at the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications of the Kazan (Volga Region) Federal University. E-mail: adelaida389@mail.ru.

мотивационные практики и др., приводят к расщеплению сознания и ухудшению психологического состояния личности, а в конечном итоге к размыванию идентичности человека, ее тотальному подчинению императивам капитализма.

Ключевые слова: капитализм, коммодификация, культура успеха, манипуляция, медиа, ресурс.

MODERN CAPITALISM: THE COLONIZATION OF THE HUMAN SELF

The article examines changes in human subjectivity under the influence of non-classical forms of human exploitation generated by capitalism. Modern capitalism, using the rhizomatic method of expansion, penetrates all pores of public life, captures the sphere of digital communication, and colonizes the individual existence of people for the sake of profit. With the help of manipulation technologies, a socially attractive image of a capitalist is constructed as a leader of social progress. There is a commodification of space and time as conditions of individual life. The binary existence of a person in real and virtual spaces provokes the forms of activity that negatively affect the development of the personality. Such phenomena replicated by capitalism as the culture of success, time management, biohacking, motivational practices, etc. lead to a split in consciousness and a deterioration in the psychological state of the individual, and ultimately to the erosion of human identity, its total subordination to the imperatives of capitalism.

Keywords: capitalism, commodification, culture of success, manipulation, media, resource.

Ризоматическая форма экспансии современного капитализма

Современный капитализм трансформировался в тотальную систему организации общественного бытия. Современная форма капиталистической формации углубляет негативные коннотации, что составляют его имманентную природу: глобализация усиливает процессы эксплуатации рабочего класса, релоцируя производственные мощности в страны с минимальной оплатой труда и практическим отсутствием правовых гарантий для трудящихся; основные структурные единицы финансово-экономической системы – риски, будущие доходы, долги и т. д. – сами становятся товаром в рамках глобального рынка; цифровая разновидность капитализма генерирует новые формы эксплуатации, обращая в товар эмоции, внимание, пользовательские и личные данные работников. Нарастает тенденция к прекаризации¹ труда, оборачивающаяся неклассическими формами пролетаризации.

Сегодняшний капитализм в качестве способа организации отношений в обществе представляет нелинейный, децентраванный, множественный процесс, который в философском дискурсе метафорически интерпретируется некоторыми исследователями как ризома² [Berardi 2009: 109]. В этой метафоре капитализм пред-

¹ Прекаризация – массовый переход от гарантированных работодателем трудовых отношений к ненадежным формам занятости с потерей социально-трудовых прав и гарантий.

² Термин был заимствован авторами из ботаники, в которой существует представление о «ризоме-клубне». Клубневое растение произрастает не вертикально, а горизонтально, распространяясь под поверхностью земли, пуская корни то в одном месте, то в другом, при этом основная его часть всегда есть «где-то еще». Таким образом, ризоматическое движение под по-

стает в виде наличного бытия, в котором элементы разнородных сфер общественной жизни (экономической, политической, социальной, духовной) «схватываются» капиталистическим рынком, конфигурируются в горизонтальную сетевую децентрализованную структуру и обретают возможность к поглощению и преобразованию внешних факторов, включая антикапиталистические движения [Делез 2010: 312]. Эта рыхлая, постоянно изменяющаяся структура становится проводником капиталистических установок и отношений в общественном пространстве. При этом сущность самого капитализма остается прежней: товаризация всего и вся с целью извлечения прибыли. Более того, ризоматическая форма экспансии капитализма во все поры общества не способна завуалировать социальное расслоение, которое продолжает воспроизводиться им в форме иерархической вертикали неравенства людей.

Аморфная форма экспансии современного капитализма, выраженная в отсутствии некоего единого начала, лишает смысла любые попытки выделить четкий объект его критики, а апроприативность³ обесценивает любые средства борьбы с капитализмом. Символы этой борьбы незамедлительно обращаются в товарную форму, становятся элементами глобального рынка и начинают действовать в интересах капиталистического актора.

Из вышесказанного вытекает, что критика современного капиталистического общества малоэффективна в рамках классических подходов, подразумевавших его жесткую иерархичность в плане отношения людей к средствам производства (собственники и несобственники), классовой социальной стратификации, политической идеологии. «Ризоматическая» экспансия капитализма, «прорастание» его во все сферы общественного и – что особенно важно – индивидуального бытия показывает, что сам капитализм не может мыслиться как нечто внешнее для индивида, внесубъектное явление. Требуется новый подход, в котором центром критики капитализма становятся не собственно финансовые элиты или капиталистические институты, а положение человека в современном капиталистическом обществе.

Как известно, индивид не может существовать вне общества. Посредником между ними выступает особая реальность, именуемая «социальное». Социальное постоянно воспроизводится путем взаимодействия индивидов в системе объективных (материальное производство, общественные институты, социальные нормы) и субъективных (индивидуальные особенности – телесность, эмоции, чувства, рефлексия, индивидуальные ценности) условий. Социальное постоянно рефлексивируется сознанием индивида.

Согласно марксистской традиции, социальное определяется главным образом объективными, то есть предзаданными человеку условиями существования. Однако формирование социального невозможно без участия субъекта – его способ-

верхностью земли произвольно создает второстепенные и не принципиальные для всего растения – почти игровые – корни и кроны. Метафору «ризомы-клубня» Ж. Делез и Ф. Гваттари перекладывают на развитие всех сфер жизни общества в эпоху постмодерна [Делез, Гваттари 2010].

³ Апроприативность (от англ. *appropriate*) – способность социальной группы, первоначально созданной для одних целей или сформировавшейся для оптимизации своих социально-экономических интересов в определенных условиях, трансформироваться в группу, преследующую другие цели.

ности проявлять волю, испытывать чувства, эмоции, рефлексировать и – как результат – наделять социальное смыслами.

Есть основания утверждать, что главной мишенью современного капитализма становится субъективная (индивидуальная) сторона социального. Перманентное вовлечение индивида в смешанное пространство объективной и виртуальной реальности порождает ситуацию, когда основные стороны существования человека подвергаются обоюдному воздействию этих реальностей. Каждая из них, используя собственные возможности, формирует у человека экзистенциальные потребности и устремления на основе имплементации в его психику императивов, нормативов и ценностей капитализма. Рассмотрим некоторые примеры.

«Герои нашего времени», или новый имидж капиталиста

Децентрализованная система современного капитализма лишена своего «лица», как это было присуще классическим формам капитализма. Последние оказывались на поверку «центрированными» не только географически, но и личностно – имена Г. Форда, Дж. Рокфеллера, Дж. Моргана и др. стали символами классического капитализма. Напротив, современный капитализм обезличен, и даже те фигуры, которые стояли у истоков поставленной капиталом на службу цифровизации, – Б. Гейтс, С. Джобс, С. Возняк, И. Маск, Дж. Безос – на сегодняшний день в социальном смысле не являются капиталистами. Они стали поп-идолами, своеобразными «святыми» и «пророками» от мира IT-технологий, продвигающими бренды.

Или вспомним миф о том, что Рокфеллеру шесть раз (!) делали операцию по пересадке сердца. Естественно, этот «факт» в большей степени выступал аллюзией на «бессердечность богачей» и менее всего относился к достижениям кардиохирургии и трансплантологии. В настоящее время, напротив, фигуры капиталистов уже не артикулируются в качестве «эксплуататоров», «магнатов», «баронов-разбойников» и т. п. Образ Рокфеллера как символа алчности для XX столетия уступил место образу Маска – визионера, ведущего человечество к новым технологическим свершениям.

Подобного рода трансформации отчасти стали следствием противостояния капиталистическим элитам со стороны рабочего (профсоюзного) движения, деятельности социал-демократических партий, а также законодательных ограничений капиталистов в средствах эксплуатации (закон о запрете детского труда 1833 г. в Англии; антимонопольное законодательство 1890 г. в США). Однако основной причиной утверждения нового имиджа капиталистических элит оказался переход от индустриальной к постиндустриальной стадии развития, в которой прямые формы эксплуатации заменялись на латентные. И если негативные образы капиталистов XIX – середины XX столетия навсегда запечатлены в неприглядном виде на скрижалях истории, страницах философских произведений (марксизм, неомарксизм, постмодерн), то современные фигуры упомянутых Маска и Безоса ассоциируются с решением глобальных проблем, стоящих перед лицом всего человечества, – климат, медицина, искусственный интеллект, колонизация ближнего космоса и т. д.

Своим новым обликом капиталистические элиты обязаны в первую очередь глобальному Интернету и социальным сетям, где они представлены публичными

фигурами, чей имидж в глазах миллиардов пользователей формируется лучшими имиджмейкерами. В этом свете владельцы капитала выступают амбивалентными социальными акторами: будучи реальными лицами современного капитализма, в массовом сознании они таковыми не являются. Зато их медийный образ-симулякр⁴ успешно продается.

Рассмотренные примеры свидетельствуют, насколько умело медиакорпорации колонизируют умы и воображение пользователей в информационных пространствах, где они (медиакорпорации) доминируют. Неслучайно исследователь Дж. МакГиган еще в 2001 г. отмечал, что слова «общественное достояние» (*commons*) и «коммуникация» (*communication*) имеют единый корень, что олицетворяет стремление капитала к захвату цифровых территорий, превращение их в пространство коммерции и накоплений, растущих в геометрической прогрессии [Dyer-Witheford 2001: 281].

Таким образом, капитализация киберпространства влечет формирование нового, социально привлекательного имиджа владельцев глобального капитала в цифровых медиа. Помимо улучшения репутации капиталистов в общественном сознании, эксплуатация этого имиджа одновременно служит инструментом вовлечения новых масс пользователей в виртуальное рыночное пространство и в конечном итоге – увеличения прибыли медиакомпаний вследствие монетизации подконтрольного им информационного пространства.

Коммодификация пространства и времени

Статус режима капитализма позволяет ему трансформировать объективные условия человеческого существования – пространство, время – в товар, который К. Маркс определял как «прежде всего внешний предмет, вещь, которая благодаря ее свойствам удовлетворяет какие-либо человеческие потребности» [Маркс 2014: 21].

Казалось бы, объективные (физические) пространство и время как атрибуты мироздания внесубъектны и не могут принадлежать никому. Но, увы, в настоящее время и они оказываются подверженными капиталистическому влиянию в той мере, в какой жизнедеятельность людей протекает в пространственно-временном континууме.

Пространство, в соответствии с этой логикой, является ресурсом, оно коммодифицируется⁵, например через урбанизацию, которая становится неотъемлемой частью разрастания капитализма, превращающей города в своего рода «машину производства». Реальное пространство воспринимается как недвижимость, «по умолчанию» представляющая с экономической точки зрения реальный (физический) вид капитала. В такой ситуации человек теряет свою взаимосвязь с природой, которая в качестве ресурса заменяется в индивидуальном бытии на пространства из стекла и бетона.

⁴ Образ-симулякр – знак, несущий внутреннее символическое наполнение, который при этом не отображает и не скрывает реальность, а живет в качестве самостоятельной формы бытия.

⁵ Коммодификация – индуцируемый капитализмом процесс придания товарно-денежной формы нематериальным (социальным, духовным) феноменам человеческой жизнедеятельности с целью вовлечения их в рыночный оборот.

Что касается виртуального пространства, то оно содержательно полностью соответствует библейской метафоре «что вверху, то и внизу» [Гермес Трисмегист 2011: 38]. Бинарное существование человека в двух – реальном и виртуальном – измерениях приводит к его «цифровому расщеплению», пространственной дезориентации, утрате восприятия объективной реальности.

Теперь о времени. В классическом капитализме время рабочего разделялось на время труда на капиталиста и время, в которое рабочий мог не трудиться, посвящая его себе. Современные эксплуатационные механизмы капитализма не только захватывают, децентрируют и дестабилизируют использование личного времени, но подменяют его сущность, превращая даже отдых в возможность получения прибыли. Достаточно указать на простое «пролистывание» страниц социальных сетей, наполненных рекламой.

Современный мир постоянно внедряет в сознание индивиду императив: быть постоянно активным не только в труде и занятости, но и общении с другими людьми. Модное понятие «тайм-менеджмент» не только является вербальным выражением капиталистического «захвата» человеческой жизни, но и подталкивает индивида к постоянному ускорению темпов как личной, так и общественной жизнедеятельности. Так, в Японии известен социальный феномен, который именуется «кароси» – смерть от постоянных затяжных переработок. Другой пример – явление профессионального выгорания, которое есть не что иное как форма сопротивления психики работника чрезмерным нагрузкам на рабочем месте. Однако парадокс заключается в том, что все это результаты человеческой психики, сформированной в капиталистическом режиме деятельности и эксплуатирующей в итоге самое себя.

Время, с точки зрения современного капитализма, должно быть использовано как ресурс, который постоянно нуждается в оптимизации: чем больше индивид сможет сократить свое личное время, тем большего возможного «успеха» он сможет достигнуть в дальнейшем. Время – товар, который можно купить, продать, использовать, утратить. Культура многозадачности, когда современный работник может одновременно отвечать на телефонные звонки, вести интернет-переписку, участвовать в конференции на онлайн-платформе, представляется чем-то естественным, несмотря на ее негативное влияние на психическое состояние человека. Так, в частности, пребывание в режиме постоянной многозадачности напрямую коррелирует с дезориентацией человека во времени [Абросимова 2023: 38].

Логика современного капитализма, требующая от субъекта непрерывного ускорения, заставляет его испытывать постоянный недостаток времени. Здесь нарушается экзистенциальная связь между человеком и другими людьми. Время «сжимается» в одну точку сингулярности, которая не знает ни прошлого, ни будущего, она есть перманентное «сейчас». Отсюда – утрата модальности времени в прошлом (история становится атавизмом предшествующих эпох) и в будущем (безразличие к долгосрочным перспективам).

Человек как капиталистический проект

Классический индустриальный капитализм эксплуатировал прежде всего телесные возможности индивида, его физическую выносливость. Это оправдывалось тем, что машины не могли работать без человеческого физического труда, они оказывались попросту металлом, в который вдохнуть «жизнь» мог только

человек. Напротив, современный, ризомоподобный по характеру экспансии капитализм эксплуатирует прежде всего психические функции индивида: внимание, эмоции, желания, интеллект, креативность [West 2017]. Ведь именно в них кроются возможности его профессионального роста, а значит, заложен потенциал дальнейшего развития капитализма, приращения его богатства.

Левый социальный теоретик и активист Франко «Бифо» Берарди ввел в академический оборот термин «семиокапитализм» (*semiocapitalism*). Автор экстраполирует выводы и принципы семиотики на экономическую сферу, при этом акцентируя внимание на полном вовлечении и интеграции лингвистической деятельности в капиталистический процесс. В русле логики «нового капитализма» Берарди отмечает влияние современных форм цифрового производства на психику человека, а также расщепление сознания человека под влиянием семиотического перепроизводства: «Семиокапитал, по сути, связан не с производством материальных благ, а с производством психической стимуляции» [Berardi 2009: 153]. Другими словами, сама сущность современного капитализма неразрывно связана с механизмом манипулятивного воздействия на сознание массового потребителя.

Широко растиражированной идеологемой современного капитализма является «культура успеха», которая индоктринируется в головы людей как нечто естественное, изначально присущее человеку. А именно, чем больше усилий индивид тратит для достижения «успеха», тем более перспективным он кажется другим. По сути, в этой идеологеме внутренние, экзистенциальные желания человека подменяются внешними для него долженствованиями, что провоцирует постоянный конфликт между «хочу» и «должен». Исследователи отмечают, что, например, творчество перестает быть экзистенциальным переживанием, а превращается в постоянный конвейер, участие в котором становится гарантом стабильной занятости. Экзистенциальный творческий поиск, требующий свободы «внутри и снаружи», становится практически невозможным, так как оказывается подчиненным критериям эффективности и продуктивности [Слюсарев 2018: 147]. Современный человек все в большей степени ориентируется на бренд, а не на содержание; на образ, но не сущность. Это те «потoki» (термин Ж. Делеза и Ф. Гваттари) капитализма, которые извращают отношение человека к себе и своему окружению.

В условиях «культуры успеха» глубоко гуманистическое утверждение Ж.-П. Сартра «Человек – это проект» [Сартр 1989] обретает совершенно чуждые мыслям философа коннотации: человек – это проект, который необходимо постоянно дорабатывать, улучшать, подобно вещи. Индивид воспринимает самого себя как вещь, которая совершенствуется через постоянное присутствие в социальных сетях; перманентно сравнивает себя с другими, что зачастую порождает у него чувство собственной неполноценности. С целью достижения «перфектного» состояния он прибегает к использованию препаратов медицинского назначения (лекарственные средства, биологически активные добавки, стимуляторы телесной и умственной деятельности), вовлекает себя в специализированные психологические практики (консультации, тренинги).

Показательно на этот счет такое явление, как биохакинг – поиск и использование способов увеличить продолжительность и качество жизни, продлить молодость и замедлить процессы старения организма. Сама по себе идея «апгрейда»

организма не нова. Представления о возможностях создания «сверхчеловека», обладающего огромным запасом энергии, выносливости, интенсивной работой головного мозга и улучшенным функционалом всех систем организма, появились еще во второй половине XX в., но длительное время оставались уделом теоретиков. С появлением биохакинга «апгрейд» организма стал повседневной практикой его adeptов. Биохакеры скрупулезно следят за своим биоматериалом: ежедневно сдают по несколько клинических анализов, потребляют большое количество лекарственных препаратов, тщательно следят за фазами сна, непременно посещают психологов, медитируют и переходят на формы альтернативного питания. По сути, разумную заботу человека о своем физическом здоровье биохакеры превращают в единственную цель жизни. Тем самым последняя редуцируется до средства физического существования, поскольку биохакинг резко суживает – вплоть до полного исключения – возможности людей к социализации, разворачиванию своих надприродных (деятельностных, социальных, культурных, духовных) сторон. В этом смысле он противочеловечен, так как потенциально чреват низведением полноценного человеческого бытия до полуживотного существования. Таков закономерный результат «культуры успеха», превращающей индивида в заложника интересов капитала, весьма далеких от идеалов гуманизма и человечности.

Оборотная сторона «культуры успеха»

«Культура успеха» не содержит в себе никаких иных измерений, кроме карьерных достижений и материального благополучия. Поэтому человек, который, например, не может претендовать на занятие высокооплачиваемой должности, чувствует себя неполноценным, не достойным чего-то лучшего. Это прямой путь к депрессии, могущей впоследствии стать прологом к алкогольной или наркотической аддикции.

Но было бы ошибочно полагать, что те, кто вполне эффективен с точки зрения «культуры успеха», не подвержены психическим репрессиям со стороны капиталистической системы. Ведь в условиях постоянной текучести рынка рабочей силы и малой предсказуемости трендов занятости профессиональное положение работника не является стабильным: эффективные контракты, срочные трудовые договоры – все это лишает индивида возможности самостоятельно распоряжаться своей жизнедеятельностью. Он находится в постоянной тревоге, что нередко приводит к ряду фобий, связанных прежде всего с трудом и занятостью.

Современное общество строится на жесткой конкуренции, перманентном давлении на мотивацию, продуктивности, эффективности деятельности социальных акторов. Эти факторы активируют у последних процессы хронизации стрессовых механизмов, порождают депрессивные расстройства, что можно квалифицировать как выражения экзистенциального кризиса индивида [Абросимова 2023: 38]. Так, в частности, одним из современных типов фобий является номофобия – страх индивида остаться без смартфона, то есть лишиться возможности постоянно поглощать контент, который увеличивает выработку дофамина – «гормона счастья» для «цифрового человека». Следствием номофобии становится психическое расстройство, именуемое «информационным выгоранием» [Новикова и др. 2020: 105].

Дает о себе знать и цифровая зависимость человека. Он все больше общается с другими только посредством социальных сетей и испытывает серьезные труд-

ности в «живом» общении с людьми. Такое поведение вряд ли можно назвать нормальным, оно скорее свидетельствует об отклонениях и даже о нарушениях психического плана.

Все эти факты наводят на мысль, что в настоящее время именно психика человека является началом экзистенциального сопротивления капиталистической системе. В этом свете депрессия представляется формой внутреннего отказа от главной мифологемы современного капитализма – «гонки за успехом»; тревожное расстройство или выгорание являются неосознаваемыми реакциями на несправедливость и эксплуатацию или невозможность самому распоряжаться собственной жизнью; цифровая зависимость видится проявлением эскапизма⁶, неприятием окружающего мира. Другими словами, экзистенциальная дисфункция современного человека есть форма выражения имманентного протеста против капиталистической системы, в которой психика – это не более чем ресурс, управляемый извне инструментами виртуальной реальности. А именно, поведение субъекта контролируется через алгоритмы Big Data и социальные сети; эмоции коммодифицируются на рынке лайков и репостов, которые суть ресурсы для получения прибыли; наконец, постоянное присутствие онлайн приводит человека к состоянию, в котором теряется способность к эмпатии и появляются психопатические черты поведения в реальной жизни.

Современный продукт и товар – это уже не просто вещь, рабочая сила, через которую человек теряет собственное «Я», как это было показано К. Марксом. История показала, что это было лишь началом. Сегодня естественное, внутреннее человеческое «Я» и есть товар, который модифицируется, дорабатывается, трансформируется в зависимости от запросов капиталистического рынка.

Таким образом, современный капитализм, развиваясь в логике ризоматической структуры, вовлекает в процесс коммодификации все сферы общества. Захватывая общественное пространство, включая виртуальную реальность, превращая цифровые платформы в площадки конкурентной борьбы, новые формы капитализма порождают расщепление сознания человека, размывают идентичность и индуцируют неврозы, которые существенно ухудшают качество жизни людей. Несмотря на разнообразие представлений относительно изменения сущности капитализма, на сегодняшний день отчетливо наблюдается формирование поля противостояния его экспансии с целью сохранения человеческой экзистенции и социальных смыслов, которые размываются в условиях экспансии виртуальных форм общения и деятельности.

Возможные сценарии общественного развития крайне сложно прогнозировать. Тем не менее, по оценке социальных теоретиков, внедрение цифровых технологий, искусственного интеллекта и информационных инструментов в жизнь и сознание человека – неизбежная реальность. Вопрос о том, как в таких условиях сохранить человечность, истинные смыслы человеческого бытия, остается открытым. Обнадеживает тот факт, что, помимо западной логики коммодификации всех сфер жизни, мерилom которой остается достижение максимальной прибыли любым путем, существует цивилизационная логика других, незападных государств. Она опирается на сохранение традиций и исторических смыслов жизни человека

⁶ Эскапизм – физический или внутренний, духовный уход (бегство) человека от существующей реальности в иной мир вследствие ее категорического неприятия.

и общества. Возможно, обращение к цивилизационному культурному богатству человечества, традиционным ценностям и уникальным смыслам человеческой жизни позволит инкорпорировать цифровые технологии в жизнь современного общества, сохраняя при этом человеческое «я», не утратив традиционных смыслов жизни и деятельности.

Литература

Абросимова Е. А. Экзистенциальный взгляд на депрессию // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 4(24). С. 36–45.

Гермес Трисмегист. Книга двадцати четырех философов / Вступительная статья, пер. с лат. В. Н. Морозова, М. В. Семиколенных, А. А. Элкера // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (2). 2011. Т. 2. С. 35–40.

Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, М. : Астрель, 2010.

Маркс К. Капитал: критика политической экономии: в 3 т. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014.

Новикова И. И., Зубцовская Н. А., Лобкис М. А., Юрк Д. Е., Савченко О. А. Оценка динамики психоэмоционального состояния детей в условиях ограничения использования мобильных устройств связи в школе // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2020. Т. 14. № 3. С. 100–108.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / сост. А. А. Яковлев М. : Политиздат, 1989. С. 319–344.

Слюсарев В. В., Хусяинов Т. М. Цифровая революция и экзистенциальный кризис личности // Век глобализации. 2018. № 4. С. 145–151.

Berardi F. Precarious Rhapsody. Semiocapitalism and the Pathologies of the Post-Alphageneration. London : Minor Compositions, 2009.

Dyer-Witthford N. Nintendo Capitalism: Enclosures and Insurgencies, Virtual and Terrestrial // Canadian Journal of Development Studies. 2001. No. 4(2). Pp. 965–997.

West S. M. Data Capitalism: Redefining the Logics of Surveillance and Privacy // Business and Society. 2017. No. 58(1). Pp. 20–41.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ Е. В. ТАРЛЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ*

Стожко Д. К.**

В современных условиях глобального геополитического кризиса и перехода от модели однополярного мира к модели двуполярного мира особый интерес вызывают идеи геополитики. Как система научных взглядов геополитика начала формироваться давно. Однако ее история, в том числе и возникновение геополитических идей в России, пока что остается далеко не полной. Среди крупных ученых, внесших свой вклад в развитие геополитической мысли в XX в., со всей определенностью можно назвать выдающегося отечественного историка Е. В. Тарле (1874–1955). В настоящем исследовании проведен анализ и дана оценка таких его геополитических идей, как роль пространственного фактора в развитии человечества, значение экономического фактора в процессах глобализации, а также развернутой критики германской (нацистской) геополитики 30–40-х гг. XX в. и выдвинутых ее представителями конкретных идеологем (о расовом превосходстве, тотальной войне, «жизненном пространстве», «натиске на Восток» и др.). Целью исследования является определение актуальности и содержания вклада Е. В. Тарле в развитие отечественной геополитической мысли с учетом той «новой реальности», которая формируется в настоящее время.

Ключевые слова: география, геополитика, геополитический кризис, глобализм, история, новая реальность, политика континентальной блокады, пространственный фактор, теория морского могущества, цивилизация.

GEOPOLITICAL IDEAS OF E. V. TARLE AND MODERNITY

In modern conditions of the global geopolitical crisis and the transition from a model of a unipolar world to a model of a bipolar world, the ideas of geopolitics are of particular interest. As a system of scientific views, geopolitics began to take shape a long time ago. However, its history, including the emergence of geopolitical ideas in Russia, remains far from complete. Among the major scientists who contributed to the development of geopolitical thought in the twentieth century, we can definitely name the outstanding Russian historian E. V. Tarle (1874–1955). This study analyzes and evaluates his geopolitical ideas such as the role of the spa-

* **Для цитирования:** Стожко Д. К. Геополитические идеи Е. В. Тарле и современность // Век глобализации. 2025. № 3. С. 13–24. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.02.

For citation: Stozhko D. K. Geopolitical Ideas of E. V. Tarle and Modernity // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 3. Pp. 13–24. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.02 (in Russian).

** Стожко Дмитрий Константинович – к. ф. н., доцент кафедры креативного управления и гуманитарных наук Уральского государственного экономического университета. E-mail: d.k.stozhko@mail.ru.

Dmitry K. Stozhko – Ph.D., Associate Professor of the Department of Creative Management and Humanities at the Ural State University of Economics. E-mail: d.k.stozhko@mail.ru.

tial factor in the development of mankind, the importance of the economic factor in the processes of globalization, as well as a detailed critique of German (Nazi) geopolitics of the 30s and 40s of the twentieth century and specific ideologies put forward by its representatives (about racial superiority, total war, "living space," "pressure on the East," etc.). The purpose of the study is to determine the relevance and content of the contribution of E. V. Tarle in the development of domestic geopolitical thought, taking into account the "new reality" that is currently being formed.

Keywords: *geography, geopolitics, geopolitical crisis, globalism, history, new reality, policy of continental blockade, spatial factor, theory of "sea power", civilization.*

Введение

Есть ученые, чей вклад в историческую науку оказывается настолько интересным и настолько же сложным, что его глубокое осмысление занимает некоторое, порой достаточно продолжительное время. И хотя при жизни ученого его авторитет и его научные работы представляются значительными, со временем, по мере изменения страны и общества, происходит их верификация, прежде чем о них сформировается уже более или менее устойчивое, полное и объективное представление.

Это в полной мере относится к выдающемуся российскому (советскому) историку академику Евгению Викторовичу Тарле (1874–1955), со дня рождения которого в 2024 г. исполнилось 150 лет. Об ученом, о его биографии и его научном творчестве существует большое количество исследований, написанных в разное время. Однако, при всей изученности биографии и творчества ученого, в науке до сих пор нет единства мнений, а существующие оценки по большей части отражают идеологические или научные пристрастия исследователей.

Личностный подход к истории – вещь очень полезная, поскольку позволяет понять сам дух той или иной эпохи, мысли и взгляды конкретного исторического персонажа. Но в то же время этот подход связан с опасностью субъективного взгляда на объект (предмет) анализа и, соответственно, может существенным образом повлиять на искажение объективной картины. Вопросы оценки жизни и творчества Е. В. Тарле это касается непосредственно. Даже год его рождения порой указывается неверно [Ревуненков 2004; Троицкий 1977]. Это можно было бы отнести к разряду недоразумений, но существует и довольно широкий разброс в оценках самой фигуры Е. В. Тарле в отечественной науке. Одни авторы считают его чуть ли не сталинистом; другие полагают, что он просто «подлаживался под вкусы и требования Сталина», но «очень об этом переживал» [Чапкевич 1977: 53]; третьи видят в ученом представителя старой российской дореволюционной школы; четвертые – марксиста, которому с молодости импонировали марксистские идеи [Цфасман 2012: 126]. Есть мнение, согласно которому Е. В. Тарле «скептически относился к различным социологическим и философским теориям своего времени, претендовавшим на универсальность», и даже не принадлежал к так называемым «легальным марксистам» [Каганович 2014: 39]. Есть и противоположные суждения, согласно которым «Тарле пошел к социал-демократам», занимался «агитацией и пропагандой идей легального марксизма» [Сироткин 2005: 91].

По этому поводу можно рассуждать достаточно долго, но более взвешенным и адекватным будет представление о том, что с изменением страны и общества менялись в определенной мере и взгляды ученого, что он никогда «профессионально» не занимался политикой, хотя много о ней писал, и даже «попал в поле зрения репрессивных органов, но противоправной деятельностью не занимался» и вовсе «не был участником революционного движения» [Ахтамзян 2011: 288].

Вполне можно согласиться с суждением о том, что Е. В. Тарле был и остается «выдающимся ученым, политическим мыслителем, высокочлассным специалистом по истории и теории международных отношений, политической и экономической истории Европы, специалистом по внешней политике и дипломатии России» [Сапко 2012а: 152]. В контексте современной ситуации и формирования новой реальности особый интерес представляют теоретико-методологические подходы Е. В. Тарле к анализу и оценке крупных геополитических событий прошлого (Северная война, Великая французская революция, Наполеоновские войны, Континентальная блокада, Крымская война и т. д.), его взгляды на роль личности в истории (Петр I, Наполеон I, Ш. М. Талейран-Перигор, адмирал Ф. Ф. Ушаков, С. Ю. Витте и др.), а также концепция сильного государства, согласно которой «энергетическая воронка государственного могущества втягивает в себя воли и силы индивидов, наполняет смыслом их существование» [Сапко 2012б: 89]. Признано, что Е. В. Тарле «как никто другой в свое время умел оценить место и роль личности в истории» [Ахтамзян 2011: 288].

Эпический и глубокий характер научных работ Е. В. Тарле, его фундаментальные исследования были и остаются как никогда актуальными и значимыми с учетом того, что и сегодня на «историческом фронте» далеко не все благополучно. Об этом свидетельствуют многочисленные попытки переписывания и искажения истории в угоду различным политическим силам, да еще в условиях идеологического многообразия, закрепленного в период господства либеральной идеологии в ст. 13 Конституции Российской Федерации, где четко определено, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве обязательной и государственной». Важно отметить, что «сложившиеся в застойные годы представления о Е. В. Тарле как исключительно “благополучном” официальном историке, находившемся в полной гармонии с властями предержащими» сегодня признаны не соответствующими действительности [Академик... 2001]. При этом справедливо мнение о том, что «труды академика Е. В. Тарле не то чтобы незаслуженно забыты, но находятся как-то вне контекста современных политологических и исторических исследований. Но совершенно очевидно, что изучение творчества Евгения Викторовича Тарле может дать очень многое для понимания современной кризисной политической ситуации не только в России, но и в Европе» [Сапко 2012б: 158].

Целью исследования является анализ и оценка научного вклада Е. В. Тарле в развитие отечественной и мировой геополитической мысли с учетом той «новой реальности», которая формируется в настоящее время.

Результаты

Среди заслуг Е. В. Тарле перед отечественной и мировой наукой особое место занимают его идеи в области геополитики. В связи с тем, что интерес к геополитике не иссякает до сих пор, особенно в условиях современного геополитического

кризиса и растущего противостояния коллективного Запада и других центров мирового развития (Глобальный Юг, Россия, Китай и др.), этот аспект «незаслуженно забытого вклада» [Сапко 2012б: 156] ученого представляет особый интерес. Тем более что «диапазон возможных сценариев развития для современного мира в целом находится в пределах между плохим и худшим» [Чумаков 2018: 13]. Стоит также отметить: хотя за последнее время «многие аспекты геополитики “подверглись тщательному анализу российских исследователей”, в ней все еще остаются “значительные лакуны”» [Гиниятов 2012: 26]. К числу таких «белых пятен» в современной геополитике можно отнести вопросы, связанные с природой и возможностями решения современных межэтнических конфликтов, формирования многополярного мира, роли идеологии в жизни современного общества и т. д. Все еще относительно слабо изучены геополитические факторы, предопределившие поражение наполеоновской Франции и правильность внешнеполитического выбора России [Шведов 2009: 71].

Германский концепт «динамичной» геополитики

Е. В. Тарле был прекрасно знаком с геополитическими идеями германских «ученых». Об этом можно судить по его работе «Восточное пространство и фашистская геополитика», в которой автор дает следующее определение: «“Геополитика” в ее нынешнем фашистском значении – это один из псевдонаучных терминов, которые с давних пор применялись с большим или меньшим успехом германской националистической наукой» [Тарле 1939: 259]. Или, иными словами, нацистская геополитика «есть учение о том, почему современному германскому фашизму желательно урвать у соседей данные территории, какие из них следует урвать в первую, а какие – во вторую очередь и как наиболее ловко и целесообразно подготовить идеологическую почву и благоприятную атмосферу для успешного проявления “расовой воли” к ограблению соседей» [Сапко 2012б: 157]. Отмечая агрессивный и пропагандистский характер взглядов германских представителей геополитики, Е. В. Тарле писал о них: «Ведут фашистскую пропаганду демагоги, которые из истории извлекают, сознательно фальсифицируя ее, то, что им нужно; в плане этой фашистской пропаганды имеет широкое хождение историко-философская теория, официально признаваемая в германских университетах, в тех самых университетах, где учили Ранке, Гервинус, Моммсен и другие звезды исторической науки. Известно также, что говорит Карл Гаусгофер и другие официальные германские публицисты и так называемые историки. История, заявляют они, так же как и география, не должна быть статической наукой, а они обе должны быть науками “динамическими”» [Тарле 1962а: 51].

Расшифровывая эту мысль немецких геополитиков 30–40 гг. XX в., Е. В. Тарле показывает ее агрессивный и совершенно антинаучный подтекст: «География не должна учить о том, что есть, а должна учить о тех желательных границах, которые можно обозначить “пунктиром”» [Там же]. Ссылаясь на германскую карту России 1934 г., ученый обращает внимание на «большое пространство, заверченное зеленой краской с коричневыми кружками», и отмечает, что территория самой Германии отмечена на карте коричневым цветом. «Что это значит? Поясняется это совершенно открыто: коричневой краской обозначены те места, где германский дух в своем будущем победном шествии к Уралу может найти опору и

отдохновение» [Тарле 1962а: 51]. Эти самые «отдохновение» и «опора» – это «сознательно и заблаговременно организованные немецкие шпионские гнезда на территории СССР, разбросанные по “зеленому пространству”» [Там же].

Согласно идеологам германской геополитики, история также должна быть «динамичной». И смысл этого ее «динамического характера» как раз и связан с расширением своего «жизненного пространства» и, если быть конкретнее, с историей Тевтонского ордена, который еще в XII–XIII вв. показал немцам главное направление этого расширения: на восток. Таким образом, суть германских геополитических идей состояла в расширении за счет славянских стран собственного «жизненного пространства», в лозунге «*Drang nach Osten*» – «Натиск на Восток». А собственно идейные корни германской геополитики состояли в пангерманизме, сложившемся еще раньше, и его крайне агрессивном национализме [Олейников 2019]. Как известно, основные идеи пангерманизма были после поражения Германии в Первой мировой войне восприняты национал-социалистами и составили идеологическую основу их геополитических проектов.

Особо в геополитических взглядах Е. В. Тарле заметно его внимание к тому способу, которым должна была осваиваться и осваивалась завоеванная немецкими захватчиками территория (земля). Этот способ сложился еще в XII–XIII вв., когда тевтонские рыцари «осваивали землю совершенно определенным путем (первый раз в истории Европы это проведено в таких размерах), истребляя физически все то население, которое им было не нужно в качестве рабочего инвентаря» [Тарле 1962а: 45]. И здесь ученый прослеживает особенность и историческую связь в германских попытках «освоения» нового «жизненного пространства»: «Тевтонские рыцари вели “тотальную войну”: у них, заявляют фашистские “историки”, был “верный принцип”: надо не побеждать врага, а истребить его или обратить в рабочий скот. Этот принцип в точности перешел во всю гитлеровскую политическую систему» [Там же]. Суть данного «принципа» состояла в следующем: «Германизировать русских нельзя... да и не только нельзя, но и не нужно. Немцам нужна земля, но не народ» [Там же].

Однако в природе германской геополитики лежат и другие, в том числе психологические основания. Одно из них связано с самой психологией германских завоевателей, которые, мечтая о новых землях, хотели бы заполучить их «целиком и сразу». Эта скоротечность и легковесность представлений о возможностях расширения своего «жизненного пространства» как раз и оказалась связанной с жестокостью и цинизмом, изначально заложенными в германской геополитике. Ссылаясь на известного немецкого фельдмаршала Г. Мольтке, бывшего также и военным теоретиком, Е. В. Тарле отмечает, что в психологии германского солдата присутствовал «ужасающий яд, который может ее (армию. – Д. С.) разложить, и уничтожить всю ее силу неожиданно и бесповоротно. Этот яд, проникающий в германскую армию иногда медленно, иногда быстро, называется сознанием бесперспективности. Вот почему долгая война, если ей не видно конца, всегда приводила германского солдата в состояние апатии и маразма, даже если в войну он вступал полным самоуверенности и даже если в первый период ее одерживал победы» [Тарле 1962б: 90].

Эта же характеристика относится и к французской армии, которая во время похода в Россию (1812) поняла, что наскоком и с легкостью завоевать себе победу ей не удастся. Эйфория после вступления в Москву очень скоро сменилась осмыслением реальности и катастрофой. Об этом Е. В. Тарле пишет, отталкиваясь от первоисточников, в частности давая оценку мемуарам А. Коленкура, которого Наполеон назначил послом при петербургском дворе. По свидетельству А. Коленкура, французский император как-то произнес такие слова: «Русский солдат – не человек, а *крепость*. Взять их нельзя. Это *цитадели, которые надо разрушать пушками*» [Тарле 1962в: 86]. Из этих слов можно сделать вывод о том, что французские интервенты точно так же, как затем и их германские последователи, слишком слабо представляли себе возможности расширения собственного «жизненного пространства» за счет России и опрометчиво надеялись на легкое «завоевание». Эту же ошибку допускает и современная европейская геополитика и евроатлантический блок.

Политика континентальной блокады *contra* морского могущества

Среди довольно известных геополитических концепций особо стоит назвать теорию морского могущества, автором которой считается А. Т. Мэхэн (1840–1914), хотя, справедливости ради, отметим, что представления о морском могуществе как геополитическом факторе существовали задолго до него. И хотя сам термин «геополитика» появился только в 1897 г., когда его в своей книге «Политическая география» впервые употребил шведский социолог и политолог Р. Челлен (1864–1922), сути дела это никак не меняет. Еще в Древней Греции получила свое распространение (в том числе и практическое) идея афинского морского господства, которая затем была воспринята Древним Римом. Это объясняется просто: и Древняя Греция, и Древний Рим относились и относятся до сих пор к категории так называемых морских цивилизаций. Согласно классификации А. Дж. Тойнби, такими цивилизациями являются те, чье существование определяется их географическим месторасположением (это прибрежные страны, имеющие широкий выход к морям), состоянием морской торговли, морского флота, морской инфраструктуры. Аналогично и все иные (всего английский историк выделял 21 цивилизацию) имели свои географические и природные детерминанты (речные, степные, горные и т. д.) [Тойнби 1996].

Известно, что такое морское могущество позволяет конкретным странам, прежде всего, преодолевать свою изолированность, как это произошло, например, с Британией. Но следующим этапом обретения морского могущества становится накопление богатств, концентрация капиталов, экономический подъем. И, наконец, завершающим этапом обретения морского могущества становится формирование своей гегемонии на море. А поскольку большая часть нашей планеты покрыта морями и океанами, то и в мире в целом.

После разрома испанской Непобедимой армады в 1588 г., победы в англо-голландских войнах за первенство на море и принятия в 1651 г. так называемого Навигационного акта Британия не только преодолела изоляцию и отставание от континентальных стран, но и вырвалась в число первых европейских экономик. Но к началу XIX в. идея о морском могуществе получила свое развитие в новомодной идее о «Британии как владычице морей», ставшей популярной после зна-

менитой морской битвы – Трафальгарского сражения 21 октября 1805 г., когда английский флот под командованием вице-адмирала Г. Нельсона разгромил франко-испанский флот. Соответственно, контент этой идеи со временем изменился: создав самую большую колониальную империю на планете, Британия предприняла попытки превратиться в мирового гегемона, наподобие современных США. Чем эта попытка закончилась, известно: развалом самой империи и угрозой внутреннего раскола между Англией и Шотландией, не говоря уже об Уэльсе или Северной Ирландии. Аналогичные тенденции сегодня наблюдаются и в США, где обостряется конфликт между «федеральным центром» и конкретными штатами (Аляска, Техас, Флорида и др.), что также несет в себе угрозу для их собственной государственности.

Что же касается художественного прочтения идеи морского могущества, то достаточно вспомнить об образе «владычицы морской» – «золотой рыбки» А. С. Пушкина. Здесь следует обратить особое внимание на интенцию данной идеи, которая в странах Европы ассоциировалась: в древности – с преодолением изоляции, в новое время – с установлением гегемонии ради собственного обогащения за чужой счет; тогда как в России она была и остается связанной исключительно с обеспечением собственной безопасности от внешней агрессии и обеспечением благосостояния за счет освоения собственных ресурсов. Европейские страны, как известно, практически никакими более или менее значительными природными ресурсами не обладают. Именно этим обстоятельством в первую очередь и объясняется создание ими собственных колониальных империй и тот агрессивный характер, который свойствен европейской геополитической мысли и ее современному евроатлантическому формату.

Следует отметить, что с собственными геополитическими идеями морского могущества, помимо А. Т. Мэхэна, выступали и другие авторы (С. Г. Горшков, Н. Л. Кладо, Ф. Х. Коломб и др.). Так что идея А. Т. Мэхэна «о влиянии морской силы на историю» «в общем-то насколько новая, настолько же и старая» [Гиниятов 2012: 35].

С этой идеей оказалась связана противоположная идея – о континентальной блокаде, которую сформулировал и пытался проводить в своей политике Наполеон I. Анализу этой идеи и основанной на ней политике посвящена специальная работа Е. В. Тарле «Континентальная блокада» [Тарле 1958]. Здесь можно отметить, что обе идеи – и о морском могуществе, и о континентальной блокаде – это сугубо геополитические идеи, направленные на изменение существующей реальности не естественными, а сугубо искусственными, в первую очередь военными, политическими и экономическими, методами и средствами. И обе они – свидетельство психологии гегемонизма. И в том и в другом случае в качестве военных инструментов служило (и служит до сих пор) морское пиратство, в качестве политических инструментов – дискриминация и пропаганда, в качестве экономических – рейдерство, санкции (секвестр, эмбарго и проч.).

Е. В. Тарле дает подробный анализ содержанию и последствиям составленного Наполеоном декрета о блокаде Британских островов, принятого в Берлине 21 ноября 1806 г. Много позднее, уже находясь в ссылке на острове Святой Елены, бывший император отзывался об этой блокаде как о «вынужденной и ответной военной мере» [Там же: 195]. И отчасти это действительно было так: еще

Ж.-Б. Кольбер (1619–1683), первый министр Франции при Людовике XIV, в своей внутренней политике делал акцент на формирование торгового флота своей страны, понимая, что без этого ни торговля, ни процветание государства невозможны. Естественно, что между Францией и Великобританией началась самая жесткая конкуренция. Но Наполеон «перевел» эту конкуренцию из экономической области в сферу военного и политического противостояния, придав ей глобальный характер. Он не ограничился освобождением территории собственной страны от иностранных армий, он пошел намного дальше, решив установить собственную гегемонию на Европейском континенте и, как следствие, над колониями европейских государств в мире. Это была уже имперская геополитика в ее самом очевидном выражении. Так, по сути, начинался век глобализации.

В развитие Берлинского декрета о блокаде Британских островов издаются Миланские декреты (1807) и устанавливается известный Трианонский тариф (1810), в разы повышавший пошлины на все колониальные товары. По мнению Е. В. Тарле, континентальная блокада Британских островов не была исключительно попыткой изоляции самой Британии от европейских государств. Это была глобальная попытка изолировать Британию и от ее же собственных колоний, а также попыткой бойкота колониальных, в подавляющем числе английских товаров в Европе, поскольку, как считал Наполеон I, «всякая морская торговля есть скрытая английская торговля» [Тарле 1958: 201].

По существу, это была одна из первых в истории человечества глобальная торговая война, к которой вынужденно, после переговоров в Тильзите (1807) и Эрфурте (1808), на некоторое время присоединилась и Россия. И геополитический контекст этой войны Е. В. Тарле объяснил тем, что Наполеон, который в 1804 г. был коронован как «император всех французов», уже через несколько лет замыслил создать «всемирную монархию» и считал себя «императором Запада» [Его же 1992: 544]. Историк оценивает эту политику морской блокады Британских островов как ошибочную не только для самой Франции, но и для других стран и показывает то, каким неблагоприятным образом она сказалась на развитии собственно французской экономики, оказавшейся из-за этой политики в серьезном торгово-промышленном кризисе (1811). В проведенном Е. В. Тарле масштабном анализе причин и характера этого кризиса получила свое развернутое доказательство мысль о том, что «политика – это концентрированное выражение экономики», а попытки подчинять экономику каким-то или чьим-то политическим представлениям и интересам – это самое очевидное политиканство, которое практически всегда заканчивается одинаково: экономическими кризисами, военными поражениями и политическими катастрофами.

Так случилось и с политикой континентальной блокады Наполеона. Е. В. Тарле пишет: «Английское правительство решило отомстить за полученный удар. В Англии уже давно намечались меры борьбы» [Его же 1958: 197]. И далее автор доказывает, что смысл «ответных» со стороны Британии действий состоял в том, чтобы уничтожить всю экспортную и импортную морскую торговлю Франции. Именно эти действия и привели сначала к упадку местной промышленности, затем – национальной промышленности в целом, распространению контрабанды, дефициту необходимого для промышленных предприятий сырья (привозившегося из колоний), росту цен и т. д.

Анализ и оценка исторического опыта и последствий этой «торговой войны», или, как ее называют, «политики континентальной блокады», составляет безусловную научную заслугу Е. В. Тарле и его вклад в развитие геополитической мысли. Это относится как к прекрасно аргументированной идее о том, что политика блокады – это также политика изоляционизма, идущая вразрез с объективными тенденциями в развитии мировой интеграции и кооперации, так и к анализу характера, причин и последствий одного из первых экономических кризисов эпохи перерастания капитализма в империализм, логическим завершением которого в будущем станут две мировые войны в XX в. То обстоятельство, что такая трансформация берет свое начало как раз с Наполеоновских войн в Европе, вряд ли может быть подвергнуто сколько-нибудь аргументированному сомнению. И хотя роль личности в истории никто не отменял, но основные векторы геополитики того времени и в Британии, и во Франции уже определяли не аристократия и дворянство, и даже не монархи, а промышленные и финансовые круги, то есть капиталисты.

Экономический фактор и геополитика

В контексте предмета нашего исследования необходимо отметить, что заслугой Е. В. Тарле является его вклад в развитие научных представлений о роли экономики в решении геополитических проблем. Ученый отмечал, что уже с первых десятилетий XIX в. особое значение в программах прежних политических партий стала приобретать «экономическая сторона общественной жизни» [Тарле 1957: 299]. Отмечая рост промышленного пролетариата в европейских странах и его влияние на общественно-политические процессы, историк обращался к конкретным проблемам экономической истории.

Такое внимание к экономической истории было связано, помимо всего прочего, с развитием мировой экономики и ее глобализацией. Появление крупных международных компаний – предшественниц современных транснациональных корпораций (ТНК) началось еще в XVII в. Его предвещали процессы концентрации капитала, углубления международного разделения труда, развития международной торговли. Известно, что еще в XIV в. возникла Ганза – союз немецких городов, а точнее, международный европейский купеческий (торговый) союз, в который входили многие города Германии и некоторых прибалтийских государств. О дате появления этого международного экономического «проекта» существуют некоторые расхождения: одни авторы считают датой создания Ганзы 1242 г., когда два крупных немецких города (Любек и Гамбург) заключили между собой торговый договор, другие – 1299 г., когда сразу несколько немецких городов договорились о единых условиях навигации, третьи – 1356 г., в котором состоялся съезд в Любеке, где была образована структура управления Ганзейским союзом. В дальнейшем глобальные тенденции к концентрации капиталов и торговли привели к появлению новых ТНК: в 1602 г. была создана Ост-Индская компания, в 1621 г. – Вест-Индская компания и т. д.

Обращая внимание на исторические корни и причины появления глобальных экономических тенденций, Е. В. Тарле ссылается на работы известных ученых (Э. Гиббон, Г. Кнапп, К. Маурер, Г. Мэн, О. Тьерри, Ф. де Куланж и др.). При этом в сочинениях отечественного историка можно отметить сопоставление эко-

номической глобализации и ее военно-политического варианта, который в своей наиболее концентрированной форме выразил прусский король Фридрих II в собственном сочинении «Политические грезы». Е. В. Тарле пишет: «Страшными были эти “грезы”, больше смахивавшие на бред маньяка, стремящегося во что бы то ни стало завоевать всю планету» [Тарле 1962г: 387].

Оценки и суждения Е. В. Тарле во многом созвучны той новой реальности, которая разворачивается буквально у нас на глазах. Разница состоит лишь в масштабах действия: новые «грезы» планетарного гегемонизма отстаивает теперь уже не отдельно взятая Германия (не на уровне конкретного государства), а целая англосаксонская цивилизация, весь коллективный Запад. В условиях, когда существует ядерное оружие – оружие массового уничтожения, подобные «грезы» могут иметь фатальный результат. Именно поэтому научное наследие Е. В. Тарле представляет собой не только познавательный, но и вполне практический интерес. Прежде всего для выработки идеологии, адекватной новой реальности, идеологии, имеющей государственный ранг и являющейся обязательной для граждан конкретной страны, идеологии, основанной на ценностях гуманизма.

Выводы

Если обобщить вклад Е. В. Тарле в развитие геополитической мысли, то можно сделать несколько выводов: *во-первых*, особое место в нем занимает научная критика германской геополитической идеологии, основанной на тезисах о превосходстве одной расы над другой, завоевании «жизненного пространства» за счет других народов и стран, уничтожения автохтонного населения в захваченных территориях и т. д. В современных условиях, когда нацизм и русофобия вновь оказались «символами веры» политических элит коллективного Запада, эта критика представляется не только актуальной, но и полезной для преодоления того идеологического плюрализма, который был навязан российскому обществу представителями господствовавшего в начале 90-х гг. XX в. либерального европоцентризма и который на 30 лет стал «конституционной нормой» в нашей стране.

Во-вторых, крайне интересной выглядит и предложенная Е. В. Тарле концепция научного анализа и оценки политики континентальной блокады (1806–1814), которая основана в первую очередь на изучении тех негативных социально-политических и историко-экономических последствий, к которым она привела (экономический кризис во Франции 1811 г.; распространение практики контрабанды в сфере международных связей и т. д.). Этот анализ сохраняет свою актуальность и в нынешних условиях, когда теми или иными государствами или даже блоками государств используется практика введения разного рода санкций против неугодных им стран, в том числе и таких санкций, которые наносят ощутимый урон прежде всего своим инициаторам (современный экономический кризис в США и странах Евросоюза, начало продовольственного и углубление экологического кризиса и т. д.).

В-третьих, особого внимания заслуживает предпринятая Е. В. Тарле попытка рассмотреть и психологическую сторону отдельных геополитических идей, поскольку психологическая сторона вопроса играла прежде и продолжает играть и в нынешних условиях определенную и немалую роль. «Дух эпохи», «дух народа», «дух нации» – это понятия, довольно часто встречавшиеся в сочинениях по исто-

рии и геополитике. И стоит отметить, что свойственная взглядам некоторых геополитиков прошлого и настоящего времени психология насилия, «тотальной войны», «выжженной земли», физического уничтожения этносов в условиях растущего противостояния коллективного Запада и других центров мирового развития все чаще проявляется в горячих точках планеты. Большинство таких проявлений имеют под собой этнические противоречия, которые появились давно и достались в наследство от прежних колониальных режимов. Тем самым значительная часть таких конфликтов является проявлением (рудиментом) колониализма, но уже со своей собственной осовремененной «начинкой» – психологией неоколониализма. А потому эта психология должна быть осмыслена и усвоена во всей ее сложности и конкретике. И в этом смысле суждения Е. В. Тарле о той «легкости», «безответственности», «скоротечности», присутствовавших в психологии, связанной с решением геополитических проблем, которая формировалась на различных этапах мировой истории (в период наполеоновского нашествия на Россию 1812 г., в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и т. д.), представляют серьезный гносеологический (познавательный), научный (исторический и геополитический) и идеологический (идейно-теоретический) интерес.

Литература

Академик Е. В. Тарле и власть. Письма историка И. В. Сталину и Г. М. Маленко-ву 1937–1950 гг. [Электронный ресурс] : Интеллигенция и власть. 2001. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/histarchive/2001/3/98-110.pdf> (дата обращения: 24.03.2024).

Ахтамзян А. А. Академик Е. В. Тарле в МГИМО // Вестник МГИМО. 2011. № 2. С. 287–292.

Гиниятов Ф. М. Геополитика. Казань : Изд-во Казанского федерального университета, 2012.

Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб. : Изд-во Европейского университета, 2014.

Олейников А. В. «Дранг нах Остен» 1914 года // Военно-исторический журнал. 2019. № 3. С. 57–61.

Ревуненков В. Г. Е. В. Тарле (1875–1955) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: История. 2004. № 3–4. С. 104–108.

Сапко И. В. Концепция сильного государства в политической истории Е. В. Тарле // Власть. 2012а. № 6. С. 86–89.

Сапко И. В. Некоторые аспекты исследования роли Е. В. Тарле в развитии политических наук // Вестник Пермского университета. Сер.: Политология. 2012б. № 2. С. 150–159.

Сироткин В. Г. Исследователь прошлого – заложник настоящего // Наука в России. 2005. № 5. С. 90–94.

Тарле Е. В. «Восточное пространство» и фашистская геополитика // Против фашистской фальсификации истории: сб. статей / под ред. Е. В. Тарле, А. В. Ефимова. М. : Изд-во АН СССР, 1939.

Тарле Е. В. Чем объясняется современный интерес к экономической истории / Е. В. Тарле // Соч.: в 12 т. Т. 1. М. : Изд-во АН СССР, 1957. С. 298–304.

Тарле Е. В. Континентальная блокада / Е. В. Тарле // Соч.: в 12 т. Т. 3. М. : Изд-во АН СССР, 1958.

Тарле Е. В. Тевтонские рыцари и их наследники / Е. В. Тарле // Соч.: в 12 т. Т. 12. М. : Изд-во АН СССР, 1962а. С. 44–58.

Тарле Е. В. Неизбежный перелом / Е. В. Тарле // Соч.: в 12 т. Т. 12. М. : Изд-во АН СССР, 1962б. С. 88–92.

Тарле Е. В. Книга о наполеоновском походе в Россию / Е. В. Тарле // Соч.: в 12 т. Т. 12. М. : Изд-во АН СССР, 1962в. С. 84–88.

Тарле Е. В. Поворотный пункт в истории Европы / Е. В. Тарле // Соч.: в 12 т. Т. 12. М. : Изд-во АН СССР, 1962г. С. 387–390.

Тарле Е. В. Наполеон. М. : Пресса, 1992.

Тойнби А. Дж. Постигение истории. М. : Прогресс, 1996.

Троицкий Н. А. Евгений Викторович Тарле. 1875–1955 // Историографический сборник. Вып. 6. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1977.

Цфасман А. Б. Историк и вождь: жизненные и творческие коллизии академика Е. В. Тарле в условиях сталинизма // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2012. № 2(19). С. 125–132.

Чапкевич Е. И. Евгений Викторович Тарле. М. : Наука, 1977.

Чумаков А. Н. Основные тренды мирового развития: реалии и перспективы // Век глобализации. 2018. № 4. С. 3–15.

Шведов С. В. К вопросу о роли геополитических факторов в ходе Отечественной войны 1812 года // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции / гл. ред. А. В. Горбунов. Можайск, 2009.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (материалы круглого стола)*

**Чумаков А. Н., Краснов А. С., Гринин Л. Е., Бурьянов С. А.,
Стычинский М. С., Кефели И. Ф., Щелкунов М. Д., Мамедов Н. М.,
Дергачева Е. А., Лось В. А., Волчкова О. О., Агапов О. Д.,
Омельченко Н. В., Деникин А. В., Лешкевич Т. Г., Шептун А. А.,
Сергеев С. А., Билалов М. И., Махаматов Т. М.****

* *Для цитирования:* Чумаков А. Н., Краснов А. С., Гринин Л. Е. и др. Философские проблемы современной глобализации (материалы круглого стола) // Век глобализации. 2025. № 3. С. 25–44. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.03.

For citation: Chumakov A. N., Krasnov A. S., Grinin L. E. *et al.* Philosophical Problems of Modern Globalization (Proceedings of the Round Table) // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 3. Pp. 25–44. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.03 (in Russian).

** Чумаков Александр Николаевич – д. ф. н., профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: chumakov5@yandex.ru.

Alexander N. Chumakov – Dr. Phil., Professor of the Faculty of Global Processes at Lomonosov Moscow State University. E-mail: chumakov5@yandex.ru.

Краснов Антон Сергеевич – д. ф. н., профессор Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: anton-krasnov1987@yandex.ru.

Anton S. Krasnov – Dr. Phil., Professor of the Kazan (Volga Region) Federal University. E-mail: anton-krasnov1987@yandex.ru.

Гринин Леонид Ефимович – д. ф. н., г. н. с. НИУ ВШЭ, в. н. с. Института востоковедения РАН, руководитель Евро-азиатского Центра мегаистории и системного прогнозирования. E-mail: lgrinin@mail.ru.

Leonid E. Grinin – Dr. Phil., Chief Researcher at the National Research University Higher School of Economics, Leading Research Fellow at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Head of the Euroasian Centre for Big History and Systemic Forecasting. E-mail: lgrinin@mail.ru.

Бурьянов Сергей Анатольевич – к. ю. н. доцент, научный руководитель Global Law Forum. E-mail: burianov-msk@yandex.ru.

Sergey A. Buryanov – Ph.D. in Law, Associate Professor, Academic Director of the Global Law Forum. E-mail: burianov-msk@yandex.ru.

Стычинский Максим Сергеевич – к. ф. н., доцент, проректор Государственного академического университета гуманитарных наук. E-mail: stichinsky@gmail.com.

Maxim S. Stychinsky – Ph.D., Associate Professor, Vice-Rector of the State Academic University for the Humanities. E-mail: stichinsky@gmail.com.

Кефели Игорь Федорович – д. ф. н., профессор, в. н. с. Северо-Западного института управления РАНХиГС. E-mail: geokefeli@mail.ru.

Igor F. Kefeli – Dr. Phil., Professor, Leading Researcher of the North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: geokefeli@mail.ru.

Щелкунов Михаил Дмитриевич – д. ф. н., профессор, академик Академии наук Республики Татарстан, заведующий кафедрой общей философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: mikhael.schelkunov@rambler.ru.

Материалы этого круглого стола являются результатом продолжения разговора относительно роли философии в решении глобальных проблем со-

Mikhail D. Shchelkunov – Dr. Phil., Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Head of the Department of General Philosophy at the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications of the Kazan (Volga Region) Federal University. E-mail: mikhail.schelkunov@rambler.ru.

Мамедов Низами Мустафа оглы – д. ф. н., профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: nizami-mamedov@mail.ru.

Nizami M. Mamedov – Dr. Phil., Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: nizami-mamedov@mail.ru.

Дергачева Елена Александровна – д. ф. н., профессор РАН, руководитель Междисциплинарной научно-философской школы при Брянском государственном техническом университете. E-mail: eadergacheva2013@yandex.ru.

Elena A. Dergachyova – Dr. Phil., Professor of the Russian Academy of Sciences, Head of the Interdisciplinary Scientific and Philosophical School at the Bryansk State Technical University. E-mail: eadergacheva2013@yandex.ru.

Лось Виктор Александрович – д. ф. н., профессор, действительный член Российской экологической академии. E-mail: viktor 943@icloud.com.

Viktor A. Los' – Dr. Phil., Professor, full member of the Russian Ecological Academy. E-mail: viktor 943@icloud.com.

Волчкова Ольга Олеговна – к. ф. н., доцент Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: adelaida389@mail.ru.

Olga O. Volchkova – Ph.D., Associate Professor of the Kazan (Volga Region) Federal University. E-mail: adelaida389@mail.ru.

Агапов Олег Дмитриевич – д. ф. н., доцент, советник ректора Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова. E-mail: ag.oleg2015@yandex.ru.

Oleg D. Agapov – Dr. Phil., Associate Professor, Advisor to the Rector of the Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov. E-mail: ag.oleg2015@yandex.ru.

Омельченко Николай Викторович – д. ф. н., профессор, фулбрайтовский стипендиат (Mansfield University, Пенсильвания, США, 2001–2002). E-mail: nomelchenko1@yandex.ru.

Nikolay V. Omelchenko – Dr. Phil., professor, Fulbright scholar (Mansfield University, PA, USA, 2001–2002). E-mail: nomelchenko1@yandex.ru.

Деникин Анатолий Васильевич – д. ф. н., профессор кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: andenikin@yandex.ru.

Anatoly V. Denikin – Dr. Phil., Professor of the Department of Humanities at the Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: andenikin@yandex.ru.

Лешкевич Татьяна Геннадьевна – д. ф. н., профессор Академии психологии и педагогики Южного федерального университета. E-mail: Leshkevicht@mail.ru.

Tatyana G. Leshkevich – Dr. Phil., Professor of the Academy of Psychology and Pedagogy of the Southern Federal University. E-mail: Leshkevicht@mail.ru.

Шептун Алла Алексеевна – к. э. н., независимый исследователь. E-mail: asheptun@yandex.ru.

Alla A. Sheptun – Ph. D. in Economics, independent researcher. E-mail: asheptun@yandex.ru.

Сергеев Сергей Алексеевич – д. полит. н., профессор Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: sasergeev63@mail.ru.

Sergey A. Sergeev – Dr. Polit., Professor of the Kazan (Volga Region) Federal University. E-mail: sasergeev63@mail.ru.

Билалов Мустафа Исаевич – д. ф. н., профессор Дагестанского государственного университета. E-mail: mibil@mail.ru.

Mustafa I. Bilalov – Dr. Phil., Professor of Dagestan State University. E-mail: mibil@mail.ru.

Махаматов Таир Махаматович – д. ф. н., профессор кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: makhamatov.tair@mail.ru.

Tair M. Makhamatov – Dr. Phil., Professor of the Department of Humanities at the Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: makhamatov.tair@mail.ru.

временности, которые обсуждались с тремя всемирно известными почетными президентами Международной федерации философских обществ (И. Кучуради, У. Макбрайдом и Л. Скарантино) в их интервью, опубликованном в первом номере журнала «Век глобализации» за 2025 г. В редакцию поступили многочисленные отклики от читателей нашего журнала, которые не только дали комментарии и разносторонние оценки опубликованному материалу «Философия перед лицом мировых проблем в XXI в.», но и внесли много новых идей и предложений, значительно расширивших предмет разговора относительно философского осмысления предельно актуальных мировых проблем, с которыми сегодня столкнулось глобальное человечество. Как содержание данного обсуждения, так и состав его участников, а также их географическая распределенность наглядно показывают, что широкие круги представителей современной российской философии не менее, чем их зарубежные коллеги, озабочены судьбой и перспективами развития как отдельных стран и народов, так и мира в целом.

Ключевые слова: современный мир, философия, глобальные процессы, глобалистика, искусственный интеллект, культура, цивилизационное развитие.

PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF MODERN GLOBALIZATION (PROCEEDINGS OF THE ROUND TABLE)

The materials of this round table are the result of a continuation of the conversation regarding the role of philosophy in solving global problems of our time, which were discussed with three world-famous honorary presidents of the International Federation of Philosophical Societies (I. Kuchuradi, W. McBride and L. Scarantino) in their interview published in the journal "Age of Globalization" No. 1 (53), 2025. The editors received numerous responses from readers of our journal, who not only gave comments and comprehensive assessments of the published material "Philosophy in the Face of Global Problems in the 21st Century", but also contributed many new ideas and proposals that significantly expanded the subject of the conversation regarding the philosophical understanding of the extremely urgent global problems that global humanity faces today. Both the content of this discussion and the composition of its participants, as well as their geographical distribution, clearly show that wide circles of representatives of modern Russian philosophy are no less concerned than their foreign colleagues about the fate and development prospects of both individual countries and peoples, and the world as a whole.

Keywords: modern world, philosophy, global processes, global studies, artificial intelligence, culture, civilizational development.

А. Н. Чумаков: Уважаемые коллеги! Четверть века тому назад, когда мировое сообщество только вступило в XXI век и новое, третье тысячелетие, это событие ассоциировалось многими с переменами к лучшему и перспективой перехода на более совершенную ступень общественного развития. И в самом деле, новая эпоха открывала новые возможности и вселяла надежду не только на улучшение и позитивную динамику в сферах науки, техники и технологий, но и на более прогрессивное гуманитарное, культурное и цивилизационное развитие во всем мире.

К сожалению, два с половиной десятилетия, прошедшие с тех пор, не добавили оптимизма этим ожиданиям. Так, за это время население Земли увеличилось с шести до более восьми миллиардов человек, а глобальные социоприродные вызовы и международные противоречия только усилились и стали еще более актуальными. Среди них: негативное антропогенное воздействие на климат, биосферу и водную среду планеты; ограниченность минеральных, сырьевых и энергетических ресурсов, за которые идет перманентная и все более острая борьба; чрезмерно большой разрыв в социально-экономическом и научно-техническом развитии между разными странами и народами; обострение и дестабилизация международных отношений, а также многочисленные столкновения и конфликтные ситуации, в которые все большее погружается современное человечество. В итоге мировое сообщество как никогда раньше вплотную подошло к опасной черте начала третьей мировой войны, которая, если она произойдет, будет ядерной и катастрофической не только для разумной жизни на Земле. Немало и других, зачастую неочевидных, угроз цивилизованному общественному развитию со стороны негативных последствий неограниченного экономического роста, научно-технического прогресса, искусственного интеллекта, пандемии, терроризма и т. п.

Все это не может не вызывать беспокойства и серьезной озабоченности у ответственно мыслящих людей, в том числе у философской общественности во всем мире, что делает необходимым поиск путей решения все более актуальных проблем, порождаемых соответствующей социально-политической и экономической деятельностью человека. В то же время необходимо учитывать и то, что мы живем теперь в условиях многоаспектной глобализации и всеобщей взаимозависимости на всех уровнях – от местного и регионального до глобального. И вполне очевидно, что без должного теоретического и философского осмысления подобных проблем любые практические действия вряд ли будут успешными, поскольку у философии особая роль и ответственность в глобальных исследованиях [Chumakov 2010].

Это одна из главных причин, побудивших в свое время организаторов XXI Всемирного философского конгресса, состоявшегося в 2003 г. в Стамбуле, посвятить его теме «Философия перед лицом мировых проблем» [Итоги... 2003], а по прошествии двух десятилетий провести (по инициативе И. Кучуради) в Анкаре международную конференцию «Философия перед лицом мировых проблем в XXI в.» [Кучуради и др. 2025]. И вот теперь, принимая во внимание еще более серьезное положение дел в современном мире, мы посчитали необходимым продолжить такой разговор в нашем специализированном журнале в режиме круглого стола, чтобы дать возможность как можно большему количеству отечественных специалистов в области философии высказаться по теоретическим и прикладным аспектам глобальной динамики и перспективам мирового развития.

Особенность этого круглого стола в том, что он был организован *дистантно* (виртуально), когда его участники при написании своих текстов не общались друг с другом и не знали о содержании выступлений своих коллег, а потому высказались, не обмениваясь мнениями, как это обычно происходит в такого рода обсуждениях. В итоге они писали свои мини-эссе так, как они видят наиболее важные и актуальные проблемы обсуждаемой темы с позиции философии. В какой-то мере этот формат общения можно рассматривать как совокупность экспертных сужде-

ний автономных исследователей, без сопутствующих им в режиме реального времени дискуссий, которые, конечно же, не отменяются, а лишь откладываются до новых публикаций.

Выражая глубокую благодарность всем, кто откликнулся на предыдущую публикацию, мы должны признать, что редколлегия, к сожалению, не смогла опубликовать все присланные нам материалы, оставив за собой право на их отбор и необходимые сокращения. Что касается расположения материалов, то каждый из них или продолжает предшествовавший ему разговор, или акцентирует внимание на новом аспекте обсуждаемой темы. Итак, слово участникам круглого стола.

А. С. Краснов: Современная цивилизация, пребывая в водовороте технологических прорывов, экологических потрясений и социокультурных разломов, ставит философию перед лицом необходимости переосмысления ее роли. Интервью профессора А. Н. Чумакова с И. Кучуради, У. Макбрайдом, Л. М. Скарантино – зеркало, в котором отражаются противоречия современной философской мысли [Кучуради и др. 2025]. Межкультурный диалог, нивелирование идеи войны, включение в академическую философию маргинальных традиций – звучат как манифесты, разбивающиеся о реальность. Универсальные права человека (И. Кучуради) сталкиваются с культурным релятивизмом; «глобальное сообщество» (У. Макбрайд) игнорирует экономические и политические корни конфликтов; межкультурный поворот Л. Скарантино рискует стать экзотической драпировкой, но не кардинальным пересмотром философского канона. Идея «деколонизации» философии сводится к механическому добавлению новых голосов, что усиливает резонанс и какофонию без гармоничной перестройки самой методологии. В подобных противоречиях рождается запрос на переосмысление будущего философии. Сила философской мысли должна проявляться не в проектировании утопий, а в способности стать действительным инструментом осмысления и действия. Философия должна заниматься не обсуждением феномена ИИ, а участвовать в создании этических алгоритмов; не рассуждать о метавселенных, а анализировать, как цифровое пространство меняет ландшафты субъективности. Философия обязана спуститься с высоты кафедр и показывать, как стоицизм помогает в трудные минуты жизни, а экзистенциализм позволяет обрести смысл в эпоху социальных сетей.

Необходима радикализация междисциплинарного вектора философии. Философы *обязаны* работать вместе с генетиками, обсуждать границы возможного редактирования генома человека; определять этические рамки нейросетей с IT-инженерами; с юристами и политиками – формулировать законы о статусах цифровых аватаров. Демократизация философского знания – обязательный шаг: философия должна говорить на языке подкастов с молодежью, разрабатывать интернет-пространства, где сложные философские синтагмы передаются сквозь призмы личного опыта, индивидуальные истории, устраивать стендап-комедии, в которых разыгрывается категорический императив. И здесь речь не об упрощении и вульгаризации философского знания, а о поиске новых форм диалога с обществом, которое живет не в университетских аудиториях, а в гибридном пространстве современной реальности. Но присутствуют серьезные риски в лице технократии, что может превратить философию в «служанку» корпораций, которые, вне всякого сомнения, ограничат роль и скроют глубину философского мышления, превратив ее в инструмент массовой индоктринации поклонения прибавочной стоимо-

сти. Алгоритмы, не обладающие субъективностью, сейчас принимают ключевые решения за людей, а вскоре философские споры и дискуссии станут уделом горстки энтузиастов, которых рано или поздно растворит в себе техноцентрическое будущее. Вероятный сценарий развития философии – баланс между областями «оторванности от реальности» и технологическим забвением. Философия сохранит нишевый статус, но ее влияние будет распространяться в областях биоэтики, цифровой этики и анализе инфодемий. Выживание философии напрямую коррелирует с тем, найдутся ли философы, которые сумеют без академического пафоса разговаривать на языке социальных сетей, СМИ, улиц и парламентов.

Сегодня философия стоит перед обрывом, за которым ее ждут либо тотальная маргинализация, либо превращение в живую повседневную практику. И для того чтобы не стать артефактом электронных библиотек, ей придется отказаться от собственной гордыни академизма и признать, что ответы на современные вопросы не лежат в трудах Аристотеля или Канта, а рождаются в прямом сотрудничестве с нейробиологами, физиками, филологами, юристами, архитекторами нейросетей. Будущее философии скрыто не в громких манифестах, а в готовности работать с реальностью и стать не только «любовью к мудрости», но и мудростью действия. Долг философа – сохранить человека в мире, где человеческое отринуто.

Л. Е. Гринин: Заявленная тема очень актуальная. Но, если философия хочет оставаться в ряду тех интеллектуальных направлений, в которых ищут ответы на злободневные вопросы, она должна быть на переднем крае острых проблем. Поэтому важно понять, какие же проблемы сегодня выглядят наиболее остро и составляют наибольший вызов. Среди новых проблем современности, на мой взгляд, самый серьезный вызов составляет проблема искусственного интеллекта и его влияния на будущее человечества. Мы уже достаточно подробно анализировали некоторые аспекты этой проблемы [Гринин и др. 2023]. Но проблема столь огромна, что осмысливать ее придется многие годы и даже десятилетия, поэтому философам очень желательно заняться ею вплотную. Да, формируется направление философии искусственного интеллекта. Но оно какое-то негромкое, неактивное. А проблема жгучая.

Если смотреть широко, то, по сути, это сегодняшняя интерпретация проблемы, обозначившейся в XIX в., – опасность и цена технологического прогресса, или даже еще более ранней философской темы стремления человеческого разума овладеть силами, с которыми человек в итоге не может справиться. «Франкенштейн» Мэри Шелли (1818) и «Фауст» И. В. Гете, пожалуй, наиболее известные образы в этом направлении мысли. В течение уже нескольких столетий технологический прогресс ускоряется, все сильнее и заметнее меняя образ жизни людей. Да, многие опасения, с ним связанные, к счастью, оказались разрешаемыми. Но скорость технологического развития все увеличивается. Сможем ли мы двигаться безопасно дальше? Не подошли ли мы к рубежу, когда развитие необходимо брать под жесткий контроль? Сегодня ИИ начинает угрожать артистам, художникам, композиторам, аналитикам, юристам и многим другим, что заберет поле их деятельности. Завтра могут появиться ИИ-философы. Не ждет ли нас впереди борьба за право на интеллектуальную деятельность? Все сильнее встает проблема, как отличить результат работы человеческого и искусственного интеллекта.

Главное же – надо понимать, что развитие и применение ИИ находится в руках узкой и очень могущественной группы, которая и без того имеет огромную (финансовую, медийную, политическую и иную) власть. ИИ для них – это не средство осчастливить человечество, а способ колоссально увеличить, даже увековечить, свою власть над обществами и человечеством в целом. Эти люди не просчитывают последствия, они их не особо волнуют. Словом, мы на новом круге философской проблемы, когда люди овладевают силами, контролировать которые оказывается им не под силу. Поэтому философия должна очень активно не просто исследовать проблемы, связанные с ИИ, а выступить как передовой интеллектуальный отряд, чтобы помочь обществу увидеть эти проблемы и справиться с ними.

С. А. Бурьянов: Обсуждаемое интервью действительно является неординарным событием, с точки зрения как философии, так и глобалистики. Крайне важно, что эта тема была в центре внимания крупнейших философских форумов прошлого года, посвященных осмыслению наиболее острых мировых проблем в XXI в. Здесь следует выделить ключевую проблему – *преодоления военного противостояния*, которая существенно обостряется *внедрением инновационных цифровых технологий*.

В контексте усиления гонки вооружений И. Кучуради напомнила о главном девизе – «мир и разоружение», родившемся после кровавой Второй мировой войны. У. Макбрайд подчеркнул необходимость преодоления войн, предотвращения самоуничтожения человечества и достижения мира, подчеркнув культивирование духа общности среди всех народов в качестве одной из ключевых задач философии. Л. Скарантино также сделал акцент на росте конфликтов и трансформации мирового порядка, подчеркнув функцию научного сообщества в обеспечении взаимопроницаемости культурных систем, постоянного научного обмена поверх политических границ и создания широких академических сетей [Кучуради и др. 2025]. Действительно, в современном мире все более острой становится проблема *военного противостояния*. Более того, звучат заявления и предпринимаются действия в направлении отказа от сотрудничества в области ядерного разоружения. Не менее серьезные последствия для усиления военного противостояния может иметь военный искусственный интеллект и другие цифровые технологии, в перспективе способные подорвать геополитическую стабильность и нарушить статус ядерного оружия как средства сдерживания.

Почти сто лет назад было отмечено, что «политика очень сильно отстает от экономики, что порождает целую серию потрясений, антагонизмов и катастроф в социальной жизни человечества» [Kennedy 1993: 428]. Это фундаментальное противоречие не только никуда не исчезло, но и существенно расширилось в условиях разбалансированного развития глобальных процессов. С тех пор еще более усилилась планетарная взаимозависимость, экономика почти превратилась в глобальную, а мировая политическая система сохранила в своей основе государства, обладающие возможностями применения военной силы в международных отношениях, включая ядерное оружие. Уже после Второй мировой войны в целях сохранения международного мира и безопасности была создана ООН и кардинально обновилось международное право. Однако скорость и качественное обновление глобальных процессов привели к отставанию международного права и уровня его взаимодействия с внутригосударственными правовыми системами, предопреде-

лив бессилие перед лицом многочисленных глобальных вызовов. Эволюционные перспективы преодоления военного противостояния и формирования адекватного миропорядка в условиях цифровой глобализации 4.0 объективно связаны с человекоориентированным развитием международного права, основанного на цифровых правах человека и необходимости запрета применения силы в международных отношениях [Бурьянов С. А., Бурьянов М. С. 2022].

М. С. Стычинский: Современная эпоха ставит перед философией принципиально новые вызовы, связанные с радикальной трансформацией человеческого бытия под влиянием технологий. Одной из ключевых проблем, как справедливо было отмечено У. Макбрайдом [Кучуради и др. 2025], становится *растущее господство цифровых систем и искусственного интеллекта* (ИИ), которое ведет к унификации когнитивных практик и угрозе утраты интеллектуального плюрализма. Данная тенденция хорошо ложится в предложенную М. Маклюэном концепцию «самоампутации» посредством внешних расширений человека [Маклюэн 2012]. По мере развития технологий, казалось бы, упрощающих жизнь, все больше человеческих функций делегируется вовне: от продолжения человеческих ног в форме колеса и транспортных средств, рук – в форме различных инструментов, памяти – через книги, а сегодня – единое информационное пространство Интернет мы стремительно входим в новую реальность, где мыслительная деятельность заменяется машинным кодом.

Человек обучает машину, чтобы машина обучала человека: внедрение ИИ в образовательный процесс идет полным ходом, включая написание учебных программ, адаптацию материала под обучающегося, интерпретацию материала и т. п. Феномен ИИ, претендующий на объективность и эффективность, формирует новую форму идеологии – «алгоритмический детерминизм», при котором человеческое сознание невольно подстраивается под логику машинных расчетов. Это создает риск возникновения «когнитивного монокультизма», где альтернативные формы рефлексии маргинализируются, и сегодня эта тенденция усиливается за счет подмены живого мышления симулякрами рациональности [Коваленко 2015]. Философия призвана противостоять этой угрозе, отстаивая плюрализм смыслов и критическую рефлексию. В противовес технократическому редукционизму необходимо развивать герменевтический подход, раскрывающий множественность интерпретаций реальности. Только так можно сохранить человеческое измерение в мире, где технологии все чаще диктуют условия существования. Таким образом, задача философии в XXI в. – не только *осмысление технологических изменений*, но и *защита самого права на разнообразие мысли перед лицом наступающей алгоритмической унификации*.

И. Ф. Кефели: В качестве одной из глобальных проблем XXI в. и, соответственно, нового этапа развития глобалистики я рассматриваю *проблему когнитивной (духовной, ментальной) безопасности*. В советской науке велось исследование в области когнитивной психологии, когнитивной лингвистики, а также кибернетики. Что касается философии той поры, то приведу слова В. А. Лекторского, который, в частности, отмечал: «Новое философское движение, связанное с жизнью и деятельностью нашего поколения, не было чем-то замкнутым на исследование проблематики, представляющим узкий академический интерес. Этот «когнитивный поворот» в философии, связанный с деятельностью нашего поколе-

ния... осуществлялся на мировом уровне и получил международное признание... Началось интенсивное взаимодействие философов, естествоиспытателей и ряда представителей наук о человеке» [Лекторский 2025: 315–316, 329]. Сегодня когнитология становится своеобразным центром наук о человеке, с полным основанием сосредоточившись на исследованиях его духовного мира, когниции, мышления, языка. Одна из «технологических» функций когнитологии (широкий спектр методов, практик, подходов, приемов в психологии, лингвистике, нейробиологии, педагогике и др.) заключается в обеспечении когнитивной безопасности личности, коллектива, общества, государства в условиях политической и социокультурной трансформации современного мира.

М. Д. Щелкунов: Выдающимися деятелями мирового философского сообщества обозначены ключевые глобальные вызовы: экспансия ультралибералистского «все возможно» (И. Кучуради); проникновение ИИ практически во все сферы жизнедеятельности людей (У. Макбрайд); становление нового миропорядка (Л. Скарантино). Эти вызовы чреваты разного рода рисками как в социальном, так и в антропологическом отношении и, бесспорно, требуют перманентной философской рефлексии. Ограничусь лишь *проявлением некоторых из этих рисков в сфере образования молодого поколения*, близкой мне профессионально по научным интересам. Полностью согласен с уважаемой турецкой коллегой, что «неправильное представление о свободе привело человечество к так называемой эпохе постмодерна, девизом которой является “все возможно”, что означает, что во всем, что мы делаем, нет разницы в этической ценности. И это неправда» [Кучуради и др. 2025: 9].

Девиз «все возможно» является закономерным результатом эволюции западного либерализма по пути культивирования «свободы-от» с целью достижения индивидом своего бытия без какого-либо принуждения извне. В современной, ультралибералистской версии «свободы-от» не только провозглашается эмансипация человека от любых социально и культурно обусловленных, исторически устойчивых типов и видов идентичности (принцип *Cancel culture*), но и декларируется свобода индивида от объективно предзаданных ему естественно-природных начал: биологического (культура *furry*, квадроберство), полового (квир-практики, трансгендерство), родительского (идеология *child free*, «родители» под номерами). Ультралибералистского пафоса исполнен трансгуманизм – «эмансипационный» проект, направленный на девитализацию человека, освобождение его от телесно-биологического субстрата, превращение в киборга («*Why not?*») [Щелкунов 2024: 502]. Ультралибералистское начало просматривается в основе тренда на цифровизацию «всего и вся», потенциально чреватую подчинением людей искусственному интеллекту – освобождением их от способности к самостоятельному мышлению («*All is possible!*»).

Обобщая, можно констатировать: ультралиберализм – это открытое стремление к тотальному расчеловечиванию индивида, попытка глобального покушения на человека и человечность, не имеющая аналогов в истории нашей эры. С практической точки зрения, экспансия ультралибералистских ценностей может обернуться в будущем результатами, способными поставить под угрозу само существование вида *Homo sapiens* как уникального по вселенским меркам природно-

культурного феномена. И вряд ли можно сомневаться, что у этой экспансии есть могущественные бенефициары, извлекающие из нее экономические, политические и социальные дивиденды. Но суть вещей и событий, обнаруживаемая в специализированном, философском дискурсе, увы, недоступна осознанию для массового человека. Права профессор И. Кучуради, отмечая неспособность многих людей «видеть то, на что они смотрят» [Кучуради и др. 2025: 10]. В первую очередь это касается молодежи, которая в силу различных причин становится основным объектом ультралибералистской экспансии. Межпоколенческий ценностный разрыв между молодыми, с одной стороны, и старшими поколениями, с другой стороны, достиг ныне такого масштаба и глубины, что на его фоне пресловутый конфликт «отцов и детей» кажется юношеской забавой.

Из всего сказанного следует один непреложный вывод: *ценности жизнеутверждения человека и человечности должны стоять во главе угла воспитания молодежи*. И философии в этом деле отводится не последняя роль. В публичных выступлениях перед молодежной аудиторией – с вузовской трибуны, в учреждениях среднего образования, на просветительских мероприятиях, в СМИ, соцсетях и т. п. – представители философского сообщества способны открыть молодым людям глаза на расчеловечивающую сущность ультралиберализма, объяснить гибельность индивидного бытия по формуле «свободы-от», убеждать в необходимости сохранения человека и человечности в состоявшихся, проверенных тысячелетиями формах природно-надприродного существования.

Н. М. Мамедов: Центральным вопросом международных философских форумов последних десятилетий так или иначе был вопрос о месте и роли философии в глобальном мире. На международной конференции, проходившей в 2024 г. в Стамбуле, эта мысль проявилась особенно рельефно. Отметим при этом, что не только обсуждавшиеся там, но и ряд других глобальных вызовов, таких, например, как *экологическая проблема* или *проблема коррупции*, имеют единое основание – *сущность человека*, что делает эту тему объектом первостепенного внимания. Так, И. Кучуради подчеркивает необходимость «гуманизации человечества» и «этического воспитания на основе образования». «Мы должны уделять внимание этическому воспитанию как знанию, а не как культурному ценностному суждению», считает Кучуради. На мой взгляд, реализация данной идеи могла бы изменить статус этики в системе образования, определила бы ее системообразующую роль в формировании гуманистически ориентированной личности.

У. Макбрайд ставит на первое место *проблему войны и мира*, которую, с моей точки зрения, логично рассматривать в контексте «гуманизации человечества», а на ее решение можно рассчитывать при подлинной «гуманизации человечества». Это предполагает пристальное внимание к природе человека, особенностям проявления биологических, психических и социальных факторов в его поведении. В данном отношении заслуживает внимания мнение лауреата Нобелевской премии К. Лоренца, который отмечает, что опасность для современного человечества происходит из его неспособности разумно направлять социальные процессы, которые во многом обусловлены архаичной природой человека [Лоренц 2023: 284–285]. Он считает, что нельзя абстрагироваться от наличия агрессивного инстинкта в современном человеке. В условиях беспрецедентного возрастания технической мощи человечества это становится чрезвычайно опасным фактором для цивили-

зации. Представляется, что *способы регулирования человеческой агрессии* в ближайшее время должны выйти на передний план теоретической и практической деятельности современного общества. Осознание необходимости переориентирования агрессии и повсеместная реализация этой глобальной программы может стать поворотным моментом в истории человечества [Мамедов 2021].

На «роль и задачи философов в многополярном мире» обращает внимание Л. Скарантино, полагая, что философия как фактор развития межкультурной коммуникации может привести к качественно более высокому уровню доверия и взаимопонимания в международных отношениях, мировой политике. Это важное замечание, поскольку современное общество все в большей мере приобретает мультикультурный, многоконфессиональный характер. Люди, пытаясь сохранить свою традиционную культуру, систему ценностей в условиях унифицирующего давления глобальных процессов, уделяют пристальное внимание национальной и этнической самобытности. Культурное разнообразие без соответствующего усиления взаимного доверия ведет к возрастанию рисков политических, идеологических, национальных конфликтов. Отсюда одной из главных задач нашего времени становится создание атмосферы доверия, относящейся не только к «своим», но и к «другим» национальным, религиозным группам, а также к межгосударственным отношениям, что является условием геополитической стабильности в мире [Мамедов 2015].

Нельзя обойти и проблему *перехода современного общества к устойчивому развитию*. Это кульминационный момент в истории человечества, ибо пришло понимание однозначной зависимости человечества от естественных предпосылок существования. Перефразировав слова К. Маркса, можно сказать: хотя люди сами делают свою историю, но отныне они не должны делать ее так, как им заблагорассудится, они должны учитывать, что их жизнь вписана в биосферные процессы и от них же непосредственно зависит.

Е. А. Дергачева: Мнения видных зарубежных философов представляют большой интерес для философской и научной аудитории. Современная философия как «глубоко человеческая деятельность» (по мысли Л. Скарантино) сталкивается с множеством глобальных вызовов. Эти вызовы связаны и с самим ее будущим как общемировой деятельности по «гуманизации человечества» (И. Кучуради), которая призвана защищать «достоинство и ценность человечества» (У. Макбрайд), и перспективами человеческой цивилизации. Важным представляется также и тезис А. Н. Чумакова о сокращении в современной отечественной философской мысли исследовательского интереса к осмыслению глобальных взаимоотношений социума и природы, что было на пике изучения в работах отечественных мыслителей рубежа XX–XXI вв., хотя данная проблематика приобретает еще больший резонанс в условиях техносферизации планеты [Кучуради и др. 2025].

С переходом к техногенному этапу рыночный социум начинает активно создавать искусственную неживую природу – техносферу, которая концентрируется в городах и уже превосходит по объему живое вещество планеты. Причем нарастающе утрачиваются основные активные жизнеобразующие части биосферы – ее живое вещество, почвы, биогеохимические обменные циклы. Мы сейчас становимся свидетелями не только интеллектуализации машинных технологий, к чему прикован интерес научного сообщества, но и перестройки на их основе глобали-

зирующимся техногенным социумом всей структуры антропосоциальной и биосферной жизни, формирования жизни биотехнологической, постбиосферной, которая не могла эволюционным путем возникнуть в биосфере. Происходящие на наших глазах глобальные социотехноприродные трансформации приводят к формированию совершенно новой картины мира – постбиосферной, приходящей на смену биосферной картине, в которой развивалось человечество с момента своего возникновения. Поэтому исследователи Брянской научно-философской школы (Э. С. Демиденко, Е. А. Дергачева, Н. В. Попкова, Г. Т. Воробьев, А. А. Кузьменко, Т. А. Колесник, А. Ф. Шустов и др.) ставят вопрос о необходимости гуманного поворота от социально-техногенного к социально-биосферному развитию жизни, широкого осмысления проблематики сохранения ценности социальной и биосферной жизни в философии и науке [Демиденко, Дергачева 2023]. Философия приобретает статус междисциплинарной исследовательской платформы, без которой становится невозможным объединение разнокачественных исследований в эпоху становления постнеклассической науки (по В. С. Степину) и прогнозирования судьбы цивилизации. Поэтому задача мировой и отечественной философии – не упустить эти глобальные социотехноприродные тенденции, поскольку на чаше весов оказывается сама жизнь человека.

В. А. Лось: В обсуждаемом нами интервью фиксируется, в сущности, вся совокупность вопросов, возникающих в процессе обсуждения статуса философии в решении мировых проблем современности. С одной стороны, в ее рамках продолжается углубленный анализ традиционной проблематики «философской классики», преломленной в контексте реалий; а с другой – выявляется отчетливое стремление не только сохранить дух общности между народами в условиях продолжающейся мировой турбулентности, но и противодействовать серьезным угрозам, стоящим перед человечеством на его пути в предвидимое будущее. Касательно роли философии в оценке системы вызовов, стоящих перед цивилизацией, я исхожу из того, что одной из форм выражения турбулентности современного этапа развития глобального социума является *острота мировой социально-экологической ситуации*. Более того, биосферная напряженность отнюдь не стабилизируется, а напротив – ухудшается, ибо характер человеческой деятельности ведет к нарушению «планетарных границ», угрожая равновесию глобальных экосистем. Мировая стратегия Целей устойчивого развития, завершение которой планируется к 2030 г., оказалась не в состоянии в полной мере решить поставленные задачи. Тем не менее я считаю, что стратегия устойчивого развития, экстраполируемая в будущее, останется базовым фактором рационализации взаимоотношений человечества и биосферы не только в условиях стабилизации социально-политической ситуации в мире, но и в результате более фундаментального использования философских подходов, в том числе с учетом их мировоззренческих и интегративных возможностей.

О. О. Волчкова: В эпоху тотальной цифровизации и стремительного развития технологий вопросы природы «человеческого» – разума, творчества, мышления – становятся как никогда актуальными. Перед философским сообществом стоят задачи разрешения сложных вопросов: *ответственности и этических границ использования ИИ*; переосмысления категории идентичности в условиях растущих инноваций, распространения социальных сетей и размывания границ между реальностью и медийным пространством; отношения к продуктам «постправ-

ды» – подрыв доверия к научному и экспертному сообществу в ситуации преобладания «фейковых новостей» и различных форм манипулирования информацией, а также множество других вопросов, связанных с развитием цифрового общества и появлением «нового человека».

Формирование нового типа личности, нивелирующей границы реального и виртуального, отнюдь не означает создания единого полотна – пространства для всего человечества. Уникальность и сложность осознания всех социальных процессов современности заключается в невозможности оценки новых, зарождающихся форм социального с позиции классических методологических инструментов академической науки. Новый мир и глобальные вызовы современности требуют разработки новой метафизики, новые трагедии и комедии мира должны быть сценарированы и оценены новой эпистемологией, а дискурсивное пространство философии станет вместилищем, удовлетворившим духовный голод «нового человека». У философии в запасе всегда есть «последний рубеж», который становится авансценой для следующего витка движения вперед.

О. Д. Агапов: В России за последнее сорокалетие сформировался пул академических журналов, не только задающих повестку дня для вузовской общественности, но и имеющих определенное влияние на широкий круг субъектов общественного сознания. Среди многих социально-гуманитарных журналов выделяется *«Век глобализации»*, онтологическим базисом и лейтмотивом развития которого является социально-антропологический процесс расширяющейся глобализации, ставший зримой реальностью в начале 70-х гг. XX в. Редакция сделала ставку на развитие проактивного футурологического мышления. Поэтому неслучайно, что редакция журнала тесно взаимодействует с Всемирной федерацией философских обществ (МФФО/FISP), выступающей за многомерный и взаимообогащающий субъектов глобализации диалог. В частности, экс-президент МФФО Л. Скарантино говорит о том, что «философия – это гораздо более широкое направление деятельности, чем может реально охватить какая-либо одна традиция. Будучи глубоко человеческой деятельностью, она должна учитывать различные представления человеческих цивилизаций о своем месте в мире, своих миссиях и своих культурах» [Кучуради и др. 2025: 17].

Убежден, что профессор А. Н. Чумаков сделал важное в контексте развития публичной дипломатии и философии дело, поскольку в условиях современной «холодной войны 2.0» он выступил с гуманитарной инициативой обсуждения места и роли философской общественности и социально-философской рефлексии в поиске путей преодоления конфронтации. Его идею поддерживает итальянский коллега Л. Скарантино, отстаивающий тезис о том, что «философы призваны взять на себя историческую функцию – функцию обеспечения постоянного научного обмена через политические границы, создания широких академических сетей и, по сути, обеспечения того, чтобы культурные системы и человеческие цивилизации оставались взаимопроницаемыми» [Кучуради и др. 2025: 16]. Эту же идею отстаивает и профессор из США У. Макбрайд, утверждающий, что миссия философов сегодня в защите «достоинства и ценности человечества».

Иными словами, философия способна осознать кризис интеграции человеческого рода на условиях абстрактного общечеловеческого гуманизма при доминировании евроцентризма. Отрадно, что понимание гуманистической нищеты теории общечеловеческого есть в российской философии, которая ориентируется

на разработку концепции «*всечеловеческого*» на основе перепрочтения трудов Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьева.

Н. В. Омельченко: В свое время А. Печчеи писал: «Любые рассуждения о судьбах человечества, не принимающие во внимание его качеств и способностей, не более чем пустые разговоры» [Печчеи 1980: 246]. Человек подчинил себе планету и теперь должен научиться управлять ею, постигнуть непростое искусство «быть лидером всей жизни на Земле» [Там же: 181]. Эта логика позволяет говорить об антропологическом измерении глобализации. И. Кучуради, рассказывая о состоянии философии в своей стране, отметила, что «оригинальным достижением является развитие философской антропологии... на ряде философских факультетов по всей Турции» [Кучуради и др. 2025: 8]. Мы также занимаемся философской антропологией и пришли к выводу о необходимости создания интегральной философии человека. При этом допускаем интегративное единство философии, науки, религии и других специфических форм познания при изучении человека. Например, Л. Скарантино говорил об интересе к философии убунту (переводится как «человечность»), уходящей корнями в африканские традиции; к азанской культуре на территории Татарстана. Эта культура является результатом многовекового взаимодействия тюркских, финно-угорских и славяно-русских элементов, а также влияния ислама и христианства. У. Макбрайд высказал мнение, что, пожалуй, самая большая опасность, в отношении которой существует значительное согласие, исходит от растущего господства новых технологий, особенно тех, которые известны под общим названием «искусственный интеллект» и которые «угрожают навязать единые способы мышления, единые модели сознания, воздействуя на человечество с помощью всепроникающих средств массовой информации» [Там же: 14]. Итак, несомненно, вопрос о том, что значит быть человеком в свете виртуальной реальности, роботов и искусственного интеллекта, актуальнейший.

А. В. Деникин: Философия – та дисциплина, которая изначально, в силу своей внутренней природы обращается к проблемам глобального характера. Сами по себе глобальные проблемы представляют собой пространство существования общего. Суждение о том, что глобализация исчезает, равносильно утверждению о наличии только единичных образований. Философия является метатеорией общего во всех его проявлениях. Понятийно-категориальный аппарат классической философии, безусловно, выражает предельный порядок существования мира.

Другое дело, что с общим «творится что-то неладное» (Ф. Ницше). Наряду с разрушением экономических связей нарастают цивилизационные разрывы в духовной сфере человеческой жизни [Чумаков и др. 2024: 44]. Глобальные проблемы приобретают характер вызовов, ответы на которые предполагают восстановление классического понимания общего. Казалось бы, феномен общего находится вне рамок оценочных суждений, он не может быть «хорошим» или «плохим». В границах мировой цивилизации время от времени происходит эрозия холистического бытия. Специфика сегодняшнего момента заключается в попытках отдельных политических элит перейти к практической реализации постмодернистских идей отрицания основательности и причинности объективного знания. Касательно же обсуждаемой нами темы особо отметим, что глобализация есть сущностная характеристика мировой цивилизации, основное содержание которой заключается в интеграции, взаимопроникновении и взаимосвязи культурных и цивилизацион-

ных характеристик. Также подчеркнем, что российская философия в последние десятилетия эволюционирует в плане методологического обеспечения решения мировых социальных и политических проблем.

Т. Г. Лешкевич: Размышления о философии в контексте мировых проблем интуитивно задают масштаб, сращенный с геополитическим реалиями. Тем не менее новая ступень технологической эволюции обнаруживает тенденции, являющиеся серьезным вызовом современности и затрагивающие саму способность человека к самореализации и деятельному участию в мире. Речь идет о партнерстве и гипервзаимосвязи человеческого интеллекта с возможностями ИИ и Chat GPT, анализ которых выявляет беспомощность социальных амортизаторов, противостоящих усилению их диктатуры. Человек выступает в функции «просмотрщика контента», склонного к заимствованию контента Сети, что порождает когнитивную технозависимость и приводит к утрате способности самостоятельного мышления. Этим обусловлен так называемый эффект «ленивого мозга», который связан с риском делегирования компьютеру процессов собственной мыслительной деятельности. В сложившейся ситуации очевидные зоны риска связаны, во-первых, с вытеснением «старой» культурной среды (книги, понятийные способности индивида, акцент на понимание), хотя именно понятийное мышление выступает центральным фактором в процессе формирования человеческого интеллекта. Во-вторых, с воздействием цифровой платформенной среды, коммерциализированные эффекты которой связывают индивида жесткими пользовательскими сценариями, налагающими интерфейсно-алгоритмические ограничения на целеполагание субъекта.

А. А. Шептун: В своем интервью И. Кучуради акцентирует внимание на проблеме формирования *ценностного отношения* человека к миру и видит ее решение в «*этическом воспитании*» и развитии «*этических способностей*» людей с детских лет. От себя добавим: необходимо прояснить понятие «*ценностное отношение к миру*», поскольку человек имеет дело не только с *духовными*, но и с *материальными ценностями*, в которых заложены как *нравственные* смыслы, так и *прагматические*. Не всегда эти ценности находятся в гармонии. Часто они конфликтуют, и человеку приходится делать непростой выбор между ними. При этом *ценностное отношение к миру* формируется не только под влиянием моральных заповедей и этических учений, оно в значительной мере определяется также влиянием реального практического опыта выживания в окружающей социальной среде. В обществе с рыночной экономикой человек живет в мире *экономических ценностей*, действует по *экономическим законам* и в соответствии со своими *экономическими интересами*. При этом механизм «невидимой руки» рынка работает эффективно на благо прежде всего самого рынка, на развитие всех его элементов и структур. Он слеп к социальным последствиям и глух к нравственным оценкам. Толпивом рынка, его «вечным двигателем», является личный материальный интерес «экономического человека» – стремление к *денежной выгоде*. Рынок эффективно воспроизводит такого человека, который предпочитает *денежные ценности*. Рыночные законы сильнее нравственных. В результате формируется *рыночная система ценностей*, рыночное *ценностное мышление*, в центре которой – *денежная выгода*.

Чем может помочь философия? Во-первых, именно воспитанием правильного «ценностного сознания» у всех членов общества с рыночной экономикой, где экономические законы вступают в противоречие с нравственными, а деньги являются испытанием моральной устойчивости. Ярким проявлением этого является глобальное распространение коррупции. Во-вторых, повышением «философской грамотности» и усилением философских основ всех учебных дисциплин, формирующих мировоззрение молодого поколения. Как соединить себялюбие и человеколюбие? В-третьих, разработкой онтологических оснований теории рыночной экономики и ее ключевых понятий, развитием философии рынка, товара и денег. Надо понять суть общества с рыночной экономикой во всем противоречивом единстве личного и социального, материального и духовного, прагматического и гуманистического начал.

С. А. Сергеев: Обсуждая заявленную тему, следует сказать и о российском писателе-фантасте И. А. Ефремове (1908–1972), вклад которого в формирование глобального мышления представляется недооцененным. Его идеи тесно перекликаются с современными глобалистскими подходами, подчеркивающими важность культурного диалога, а также необходимость формирования глобальной этики, основанной на принципах гуманизма и справедливости. Пик творческой деятельности И. А. Ефремова пришелся на время, когда глобалистика начинала складываться как научное направление. Он излагал свои идеи в художественной форме и, по свидетельству коллег, мечтал писать диалоги, подражая философам Античности и соединяя рационалистическую и позитивистскую мысль Запада с интуицией и интроспекцией, присущими цивилизациям Востока. Видение будущего, представленное Ефремовым в романах «Туманность Андромеды» и «Час Быка», не только предлагало утопическую картину сообщества «сильных, свободных и счастливых людей», но и заостряло внимание на глобальных проблемах, с которыми может столкнуться человечество при неразумном использовании технологий и природных ресурсов.

Среди множества идей И. А. Ефремова, актуальных для развития глобалистики, наиболее значимыми представляются следующие. Во-первых, представление о человечестве как единстве в многообразии – или многообразном единстве. Не он первый и не он последний рассматривал человечество как единую, взаимосвязанную общность, объединенную общей исторической судьбой и космическими задачами. Но этой общности еще очень долго суждено состоять из людей разных народов и рас; более того, преждевременная гомогенизация человечества может открыть дорогу глобальной диктатуре, соединяющей по принципу негативной конвергенции худшие черты капитализма и этатистского социализма, трансформировать которую будет очень сложно, если вообще возможно. Планетарное мышление подразумевает осознание ответственности за будущее всей планеты и необходимость гармоничного сосуществования с окружающей средой.

Во-вторых, это императив устойчивого развития (задолго до того, как появился этот термин) и предупреждение о возможной экологической и климатической катастрофе из-за примитивно понимаемого принципа развития: производить и потреблять сегодня больше, чем вчера, а завтра больше, чем сегодня. Эти идеи, сходные с тем, что позже назовут «устойчивым развитием» или даже «деростом», Ефремов высказал почти одновременно с авторами первого доклада Римскому

клубу, ничего, по-видимому, не зная об их разработках и не используя экономико-математические модели. Предотвратить катастрофы и обеспечить гармоничное сочетание научно-технического прогресса и нравственного совершенствования возможно, по мысли И. А. Ефремова, при создании новой этики и новой духовности, которая, взяв в качестве главного принципа уважение к жизни, должна синтезировать ценности традиционных религий, современного гуманизма и этики науки.

М. И. Билалов: В нашем разговоре проблема, на мой взгляд, распадается на два вопроса. Каким станет мир и какие проблемы выдвинутся на первый план? И какая должна быть философия, чтобы адекватно осмысливать развивающийся мир? Попытаюсь ответить на второй вопрос. Очевидно, философия должна не только перестраиваться и содержательно конструироваться как методология, идеология и стратегия переустройства мира, но и становиться идейной основой образования и воспитания человека, выполняя свою традиционную функцию и смысл истинной квинтэссенции культуры.

Но тогда новая философия, *во-первых*, должна быть национально-культурно ориентирована. *Во-вторых*, она должна быть локально-цивилизационной, но еще и способной решать в том числе общечеловеческие, мировые вопросы. Некоторые из них уже просматриваются на горизонте планетарного развития – «гуманизации человечества» (И. Кучуради), «искусственного интеллекта» (У. Макбрайд), а также темы, сопряженные с гендерными проблемами, «забота о кросс-культурном стиле философии», «интерес к логике общественных коммуникаций» (Л. Скарантино).

Что касается отечественной философии, то она должна быть адаптирована к евразийской цивилизации. Как справедливо отмечает Л. Скарантино, «философия – это гораздо более широкое направление деятельности, чем может реально охватить какая-либо одна традиция» [Кучуради и др. 2025: 18–19]. Россия и евразийские регионы и в прошлом, и сегодня предоставляют богатый опыт соборной православной и коллективистской мусульманской духовности, что дает нам основание развивать философию коммунитаристских и социалистических идей, опираясь на исторически наиболее концептуально и системно развернутую идеологию и методологию марксизма, критически-конструктивно переосмысленную новейшими достижениями. Эта философия должна синтезировать в себе в качестве эффективной методологии и диалектику, и синергетику, идеи универсального эволюционизма, антропного принципа, позитивный нарратив постмодернизма.

Обновленная философия марксизма должна включать эффективный блок знаний по классическому гуманизму, способному противостоять деструктивным попользованиям западной кризисной культуры. Проблемы бытия человека, его нравственной и духовной глубины, сущностного содержания не должны быть оторваны и противопоставлены традиционному гуманизму Античности, индийской, китайской и мусульманской культуры. Попытки строить неолибералистические концепты человека на принципах так называемого трансгуманизма (или постгуманизма) с использованием новейших технологий, искусственного интеллекта, медицинских и психологических «новаций» должны быть отвергнуты. Именно в этом контексте я бы сослался на И. Кучуради: «...неправильное представление о свободе привело человечество к так называемой эпохе постмодерна, девизом которой... является “все возможно”, что означает, что во всем, что мы

делаем, нет разницы в этической ценности» [Кучуради и др. 2025: 9]. Иначе мы не достигнем провозглашенной ею глобальной цели философии – «гуманизации человечества».

Согласен также с тезисом Л. Скарантино, что мы «должны быть благодарны ученым, которые привнесли и продолжают привносить разнообразие традиций в международную географию философии» [Кучуради и др. 2025: 19]. Для современной философии актуальными становятся культивирование воображения, эзотерики, экстаза, мистической интуиции и многих других разнообразных архаических форм осмысления действительности, наработок теологического образования, суфийской методологии, а также обращение к другим отвергнутым рационализмом и сциентизмом достоинствам иррационалистической культуры прошлого. «Большинству участников в Риме было ясно, что философия может восприниматься только как глобальное устремление, которое должно учитывать многообразие культур и традиций при определении философией своей программы исследования, свода правил и методов» [Там же].

Т. М. Махаматов: Интервью, опубликованное в предыдущем номере журнала и определившее тему этого круглого стола, поднимает серию актуальных философских проблем относительно положения дел в современном мире. В то же время тема культурного и цивилизационного развития, как на государственном, так и на международном уровне, заслуживает, как мне кажется, большего внимания. И у философии здесь особая роль, поскольку глобальные процессы усиливают всеобщую взаимозависимость и необходимость международного сотрудничества, а оно, в свою очередь, непосредственно определяется уровнем цивилизационного развития каждого народа и признанием культурного разнообразия акторов глобализирующегося социального пространства. Объективно-историческая обусловленность формирования цивилизации начинает проявляться в культуре разных народов, когда там возникают схожие цивилизационные ценности. А первые признаки цивилизованности сообщества людей проявляются тогда, когда в них, наряду с осознанием необходимости защиты стабильности и целостности социального организма, возникают понятия гражданина, равенства, личности, нравственности, ценности человеческой жизни.

Теперь же, перед лицом мировых проблем, процесс формирования глобальной цивилизации становится сущностной составляющей общечеловеческого прогресса, той ценностью, которая является исторической необходимостью. Однако сегодня усиливающиеся политические разногласия и санкционные войны ведут к тому, что *глобальная цивилизация, имеющая объективные основания своей эволюции*, не сможет стихийно сформироваться как целостная система. Такой процесс нуждается в исключении двойных стандартов в международных отношениях и в активизации деятельности независимых международных институтов. Активная деятельность таких организаций, основанная на международном праве, а также расширение и развитие практики межкультурных связей и отношений между странами являются важным условием того, чтобы превратить достигнутые в отдельных странах и регионах гуманистические принципы и ценности цивилизации в общечеловеческую объединяющую норму взаимодействия народов на международной арене. Быть цивилизованным обществом, государством означает быть им не только внутри своей страны, но и вне нее. Без понимания объективной необхо-

димости становления единой глобальной цивилизации и необходимости совместного практического содействия в ее формировании трудно рассчитывать на мирное и благополучное будущее человечества.

А. Н. Чумаков: Уважаемые коллеги, этим выступлением мы завершаем обсуждение заявленной весьма сложной и многоплановой темы, хотя, конечно же, осталось еще немало проблем и вопросов, заслуживающих особого внимания и специального разговора. Также высказанные здесь суждения, идеи и предложения могут не только получить поддержку и развитие, но и стать поводом для выражения иных взглядов, новых идей, породить творческую дискуссию и т. п. Мы со всем вниманием отнесемся к такого рода материалам, если они поступят в редакцию, и в меру своих возможностей постараемся опубликовать все то, что будет способствовать теоретическому и практическому решению жизненно важных проблем, обсуждаемых на страницах нашего журнала.

Литература

Бурьянов С. А., Бурьянов М. С. Права человека как ключевой фактор достижения устойчивого управляемого развития // Век глобализации. 2022. № 4(44). С. 97–110.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л., Гринин И. Л. Искусственный интеллект: развитие и тревоги. Взгляд в будущее. Статья первая. Информационные технологии и искусственный интеллект: прошлое, настоящее и некоторые прогнозы // Философия и общество. 2023. № 3. С. 5–35. DOI: 10.30884/jfio/2023.03.01.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л., Гринин И. Л. Искусственный интеллект: развитие и тревоги. Взгляд в будущее. Статья вторая. Искусственный интеллект: терра инкогнита или управляемая сила? // Философия и общество. 2023. № 4. С. 5–32. DOI: 10.30884/jfio/2023.04.01.

Демиденко Э. С., Дергачева Е. А. Буржуазно-техногенное уничтожение биосферной жизни и земного мира: междисциплинарное исследование. М. : Ленанд/URSS, 2023.

Итоги XXI Всемирного философского конгресса и научно-исторической акции «Философский пароход» // Вестник РФО. 2003. № 3(27). С. 10–92.

Коваленко Е. М. Когнитивная теория культуры в контексте информационного подхода // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 12(4). С. 741–744.

Кучуради И., Макбрайд У., Скарантино Л. М., Чумаков А. Н. Философия перед лицом мировых проблем в XXI в. // Век глобализации. 2025. № 1. С. 3–24. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.01.

Лекторский В. А. О прошлом и настоящем. Воспоминания и размышления. М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2025.

Лоренц К. Агрессия, или Так называемое зло. М. : АСТ, 2023.

Маклюэн М. Война и мир в глобальной деревне. М. : АСТ: Астрель, 2012.

Мамедов Н. М. Доверие – капитал и основа партнерства // Государственная служба. 2015. № 5. С. 10–15.

Мамедов Н. М. Развитие гуманистических идей как глобальный процесс // Век глобализации. 2021. № 1. С. 19–31.

Печчеи А. Человеческие качества. М. : Прогресс, 1980.

Чумаков А. Н., Гринин Л. Е., Малков С. Ю. и др. Цивилизация как объект междисциплинарного исследования (материалы круглого стола) // Век глобализации. 2024. № 3. С. 40–57. DOI: 10.30884/vglob/2024.03.04.

Щелкунов М. Д. Образование как воспитание: заветы И. Канта // XI Садыковские чтения: Иммануил Кант и современность: материалы Международной междисциплинарной научно-образовательной конференции (Казань, 15–16 ноября 2024 г.). Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2024.

Chumakov A. N. Philosophy of Globalization. Selected Articles. Moscow : Max-Press, 2010.

Kennedy P. M. Preparing for the Twenty-First Century. New York : Random House, 1993.

В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА*

Никулин Н. Н.**

В последнее время много пишут о новом мировом порядке, о многополярности, о деглобализации, о новом этапе холодной войны, но уже не между капиталистической и советской системой, а между Севером и Югом. При этом определяют, кто в какой экономико-политический полюс будет входить. Появилось деление на дружественные и недружественные страны. В России после принятия против нее многочисленных политических и экономических санкций выражения «экономический суверенитет», «технологический суверенитет», «импортозамещение», «параллельный импорт» стали общеупотребительными. В данной статье все эти процессы рассмотрены под экономическим углом зрения и сделаны определенные теоретические выводы. В работе рассмотрены вопросы, связанные с пониманием сущности экономической глобализации как имманентного состояния капиталистической экономической системы, соотношение процессов экономической глобализации и деглобализации, экономической многополярности и экономической фрагментации, проблемы экономического суверенитета России в современных условиях противостояния с коллективным Западом.

Ключевые слова: капиталистическая экономическая система, экономическая глобализация, экономическая деглобализация, экономическая многополярность, экономическая фрагментация, экономический суверенитет.

ECONOMIC GLOBALIZATION AND ECONOMIC SOVEREIGNTY IN A MULTIPOLAR WORLD

Recently, much has been written about the new world order, multipolarity, de-globalization, a new stage of the Cold War, but no longer between the capitalist and Soviet systems, but between the North and the South. At the same time, they determine who will belong to which economic and political pole. A division into

* **Для цитирования:** Никулин Н. Н. Экономическая глобализация и экономический суверенитет в условиях многополярного мира // Век глобализации. 2025. № 3. С. 45–58. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.04.

For citation: Nikulin N. N. Economic Globalization and Economic Sovereignty in a Multipolar World // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 3. Pp. 45–58. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.04 (in Russian).

** Никулин Николай Николаевич – д. э. н., профессор кафедры экономики и менеджмента Академии труда и социальных отношений. E-mail: nnnikulin@yandex.ru.

Nikolay N. Nikulin – Dr. Econ., Professor of the Department of Economics and Management at the Academy of Labor and Social Relations. E-mail: nnnikulin@yandex.ru.

friendly and unfriendly countries has appeared. In Russia, after the adoption of numerous political and economic sanctions against it, the expressions “economic sovereignty”, “technological sovereignty”, “import substitution”, “parallel import” have become common. In this article, all these processes are considered from an economic point of view, and certain theoretical conclusions are made. The article examines the issues related to understanding the essence of economic globalization as an immanent state of the capitalist economic system, the relationship between the processes of economic globalization and deglobalization, economic multipolarity and economic fragmentation, the problems of Russia’s economic sovereignty in the modern conditions of confrontation with the collective West.

Keywords: *capitalist economic system, economic globalization, economic deglobalization, economic multipolarity, economic fragmentation, economic sovereignty.*

Капитализм как глобальная экономическая система

Мировая экономическая система в настоящее время функционирует как капиталистическая система в условиях рыночной конкуренции между всеми экономическими субъектами от отдельных работников и индивидуальных предпринимателей до огромных корпораций и национально-государственных структур. При этом сохраняют свое значение фундаментальные основы данной системы: частная форма собственности, действие объективных экономических законов (в частности, закон эквивалентности при товарном обмене, о котором в настоящее время говорят очень мало, но именно данный закон лежит в основе системы «Капитала» К. Маркса), денежной формы оценки ценности товаров и услуг, составляющих экономическую форму богатства каждого субъекта, и т. д. При этом заметим, что деньгами как выразителями количества ценности может служить что-то, что выполняет функцию мировых денег. Все остальное является денежным суррогатом и без наличия «настоящих» денег не может служить эквивалентом ценности.

Заметим, что экономическая наука – это исключительно наука о богатстве, как ее определил А. Смит в своем знаменитом произведении «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776), в котором он ответил на вопросы: что такое богатство, как его измерить, кто его создает, как оно распределяется между экономическими субъектами, каким образом его можно увеличить. Разделение труда, как на отдельном предприятии, так и внутри государства и между государствами, он считал одним из основных условий повышения производительности совокупного труда и увеличения совокупного богатства. Теории Смита и Рикардо об абсолютных и относительных преимуществах, а также теория Хекшера – Олина и теорема Рыбчинского до настоящего времени являются основой для анализа международных торговых отношений.

Если же полагать, как, например, В. Ю. Катасонов, что никаких объективных экономических законов нет («о том, что в сфере экономики нет никаких “объективных” законов, я пишу в каждой второй своей книге», «со времен Адама Смита – так называемая экономическая “наука” – важнейший элемент идеологии капитализма, своим острием она направлена на разложение и уничтожение христианской цивилизации») [Катасонов 2016], то в этом случае, по нашему мнению, следует говорить не об экономике, а о «хозяйстве» как форме организации производитель-

ной силы общества. Именно об этом писал К. Маркс в своих заметках «О книге Фридриха Листа “Национальная система политэкономии”», критикуя последнего за его теорию о развитии производительных сил, в частности промышленности Германии, с помощью протекционистской политики, не учитывающей тот факт, что при капитализме такое развитие происходит в форме меновых отношений на основе законов товарного производства и эксплуатации наемного труда [Маркс 1974].

В то же время следует отметить, что, хотя система протекционизма в определенной степени нарушает систему капиталистических отношений (отметим борьбу Д. Рикардо против «хлебных законов», препятствующих, по его мнению, развитию промышленности Англии), она может способствовать формированию преимуществ, изменяющих место страны в международном разделении труда. Именно на это ссылался Ф. Лист, приводя в пример протекционистскую политику А. Гамильтона в США.

Таким образом, экономическая система, формируясь в той или иной стране как капиталистическая, с неизбежностью будет функционировать, учитывая все ее законы, нормы и правила. В этом, по нашему мнению, и состоит суть экономической глобализации. Любое государство, встав на путь развития капиталистической системы экономических отношений, вынуждено включаться в международное разделение труда, расширяя тем самым глобальное экономическое пространство. «Экономическая глобализация, – отмечает, например, Ю. К. Князев, – означает свободное взаимопроникновение хозяйствующих субъектов по всему земному шару в условиях открытости государственных границ для передвижения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. Это ведет к формированию мировой экономики как единого целого, где рыночные закономерности действуют уже не только внутри отдельных стран, а в общем глобальном пространстве, в котором признаются вместо страновых общемировые критерии экономической эффективности» [Князев 2024]. По нашему же мнению, внутри отдельных стран рыночные закономерности не действуют, если эти страны не включены в мировую экономическую систему.

Именно как глобальную систему характеризовали капитализм К. Маркс и Ф. Энгельс, давая ему характеристику в своем «Манифесте Коммунистической партии»: «Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи. Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим... Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют новые отрасли промышленности, введение которых становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций... Вместо старых потребностей, удовлетворявшихся отечественными продуктами, возникают новые, для удовлетворения которых требуются продукты самых отдаленных стран и самых различных климатов. На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству... Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, за-

ставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, то есть становиться буржуа... Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые» [Маркс, Энгельс 1955].

Характеризуя современную глобальную капиталистическую систему, часто приводят положения о том, что процесс экономической глобализации привел к усилению неравенства между странами [Пикетти 2023], что является новым проявлением колониализма, экономическим неоколониализмом. «Достаточно сказать, – пишет в этой связи А. Н. Чумаков, – что сегодня половина жителей планеты живет за чертой бедности с доходом менее двух долларов на человека в день. Такое положение дел при отсутствии универсальной этики и глобального права, а также признаваемых всеми общечеловеческих ценностей ставит мировое сообщество, по существу, в ситуацию войны всех против всех» [Чумаков, Оуян Кан 2024: 7]. А по мнению его визави, профессора из КНР Оуян Кана, такое положение дел «привело к эпохе колониализма, когда развитые государства превратили отсталые страны в свои колонии. Это трагедия современности и следствие глобализации» [Там же: 12].

Экономическое неравенство является одной из серьезных проблем современности. Но в теоретическом плане эта проблема связана с ответом на вопрос о принципах распределения (и перераспределения) произведенного богатства. И, как по другим вопросам, здесь нет единства взглядов у исследователей. Однако отметим: полагая, что экономическое неравенство является критерием экономического неоколониализма, можно прийти к парадоксальному выводу о внутристрановом колониализме.

Экономическая глобализация и деглобализация

В последнее время, после пандемии COVID-19 и особенно после введения антироссийских санкций, стали говорить о распаде единой глобальной экономики, о замедлении экономической глобализации, о деглобализации. При этом в качестве аргументов приводят данные о снижении в эти годы доли мировой торговли в мировом ВВП, о сокращении инвестиционных потоков между странами, противоречия между США и Китаем и т. д. Так, авторы научного доклада «Деглобализация: кризис неолиберализма и движение к новому миропорядку» отмечают, что после мирового финансового кризиса 2007–2009 гг. в мировой экономике «наступил этап деглобализации». Протекционистская политика, направленная «как на ослабление зарубежных конкурентов (введение санкционных режимов), так и на создание тепличных условий собственным производителям (например, программы импортозамещения в России и “Покупай американское” в США), усилила стагнацию мировой торговли и глобальных потоков капитала» [Комолов и др. 2021].

«Эпоха растущей глобализации между 1960 г. и началом мирового финансового кризиса в 2006–2007 гг., – отмечается в одном из докладов на Всемирном экономическом форуме – 2024, – отражала позитивную веру в то, что глобализация, – включая открытые рынки, торговлю и трансграничные потоки физического, нематериального и финансового капитала, – принесет чистую выгоду. Все страны могут оказаться победителями. Принятие глобализации США и другими странами ОЭСР также основывалось на вере/надежде, что принятие Китая, восходящей

экономической державы, в международные нормы и институты приведет к его эволюции от социалистической рыночной экономики под авторитарным правлением к демократической капиталистической рыночной экономике» [D'Andrea Tyson, Tsai 2024]. На этом же форуме Халдун Халифа аль Мубарак, главный исполнительный директор и управляющий директор Суверенного фонда ОАЭ Mubadala Investment Company, отметил, что мир шел по траектории глобализации до 2020 г., а затем произошло много событий, которые отдалили его от этой траектории [Thomson 2024].

Определенное сокращение экономических взаимосвязей в мире отмечают разработчики «Барометра глобального сотрудничества» 2025 г. Данный «Барометр», выпущенный в преддверии ежегодного заседания Форума 2025 г. в Давосе, выявляет области прогресса и стагнации, подчеркивая сложности сотрудничества в мире, отмеченном экономической неопределенностью, геополитическими разногласиями и быстрым технологическим прогрессом. На основе данных показателей делается вывод, что глобальное сотрудничество находится на перепутье. В то время как общее сотрудничество замерло из-за возросшей геополитической напряженности и нестабильности, позитивная динамика в областях климата и природы, инноваций и технологий, а также здравоохранения и благополучия показывает определенное развитие сотрудничества.

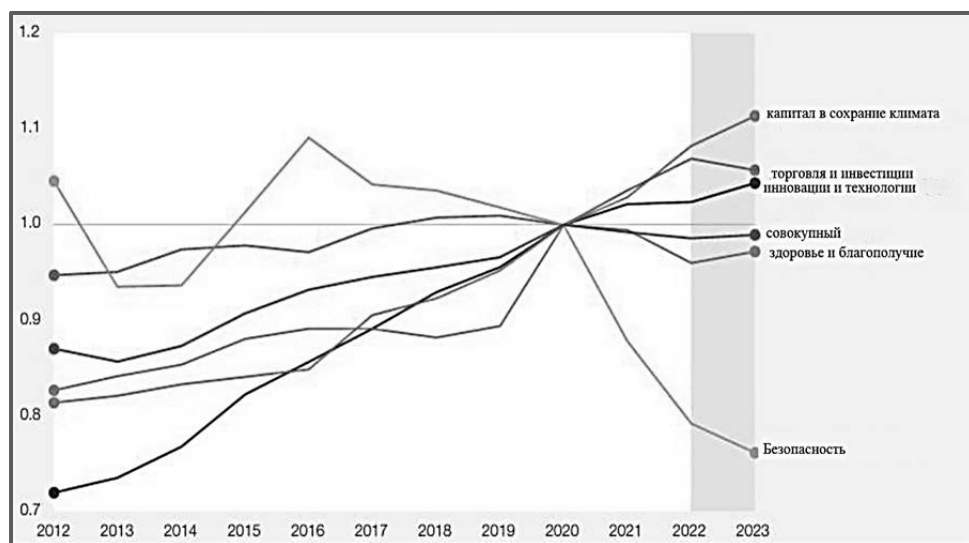

Рис. 1. Барометр глобального сотрудничества

Источник: [The Global... 2025].

В то же время другие исследователи отмечают, что говорить о деглобализации неправомерно [Чумаков 2023]. Подобные колебания различных экономических показателей наблюдались и раньше. Общая же тенденция – рост международного экономического сотрудничества. Так, в докладе на Всемирном форуме в Давосе в 2003 г. отмечалось, что, действительно, отношения, связывающие мировую экономику, в последние годы ослабли. Об этом свидетельствуют такие факты, как конкуренция за производство микрочипов между США и Китаем, введе-

ние санкций против России. Глобализация, несомненно, в данном случае вступает в новую фазу. Однако, отмечается в докладе, это не означает ее уменьшения, и она будет и дальше развиваться в новых условиях [Szijjártó *et al.*].

О новом качестве экономической глобализации говорит и Генеральный секретарь ВТО Нгози Оконджо-Ивеала. По ее мнению, новая фаза глобализации должна быть иной. Необходимо сделать, говорит она, чтобы те, кто не выиграл в первом раунде, выиграла на этот раз. «Причина, по которой глобализация получила дурную славу, заключается в том, что бедные люди в богатых странах остались в стороне, а бедные или развивающиеся страны – на обочине. В новой парадигме мы не хотим повторить ту же историю. У нас есть парадигма в ВТО, которая может помочь нам в этом». Данную парадигму она определила как реглобализацию [Thomson 2024].

В исследовании, посвященном анализу «Барометра глобального сотрудничества», которое также подготовлено к Всемирному экономическому форуму 2025 г. на основе его данных, утверждается, что глобальное сотрудничество остается важнейшим условием решения различных проблем, с которыми сталкивается мир. «Основой устойчивости, безопасности и роста является сотрудничество», при этом лидеры государств «должны задать себе вопрос не о том, следует ли им сотрудничать, а о том, как это делать» [Feingold 2025]. Заметим, что тема Всемирного экономического форума 2025 г. в Давосе обозначена как «Сотрудничество ради интеллектуального века» [World... 2025].

Анализируя показатели динамики международных товарных потоков на основе отчета DHL Global Connectedness Report за 2023 г., автор исследования делает вывод, что уровень взаимосвязей в мировой экономике не снижается, а экономическая глобализация даже укрепляется [Shine 2023]. Более того, в докладе DHL Global Connectedness Report за 2024 г. отмечается, что в 2022 г. уровень глобализации достиг рекордной отметки и в 2023 г. остался близким к ней – несмотря на ряд глобальных потрясений, включая пандемию коронавируса, выход Великобритании из ЕС и напряженную геополитическую ситуацию. Представленные в отчете данные убедительно опровергают мнение о том, что рост глобальных потоков пошел вспять [Altman, Bastian 2024]. При этом Джон Пирсон, генеральный директор DHL Express, отметил, что результаты исследования DHL Global Connectedness Report «однозначно опровергают мнение о том, что глобализация сменила свой курс. Глобализация – это не просто модное слово, а влиятельная сила, которая глубоко изменила наш мир и обладает еще большим потенциалом» [Globalization... 2024].

Таким образом, все вышесказанное подтверждает наше положение о том, что экономическая глобализация присуща капиталистической экономической системе по определению, а по временным изменениям отдельных показателей нельзя делать вывод о наступлении периода деглобализации. К подобному выводу приходит и В. Ткаченко, анализируя работы О. Комолова, посвященные процессу деглобализации, и заявляя, что дезинтеграция мировой экономики – «это не тот путь, по которому современный империалистический капитализм стремится идти» [Ткаченко 2021].

Экономическая многополярность и экономическая фрагментация

Об экономической многополярности чаще всего говорят в связи с изменением доли различных государств в мировой экономике, в частности о снижении доли США и увеличении доли КНР и объединения БРИКС в целом. Всемирный банк определяет многополярность как наличие более двух полюсов роста в мировой экономике, измеряемое как степень концентрации полярности роста (чем ниже концентрация, тем выше степень многополярности). При этом под полюсом роста понимается экономика, которая в значительной степени стимулирует глобальный рост посредством торговли, финансов, технологий и трудовой миграции. Потенциальный полюс роста: экономика, которая имеет потенциал стать полюсом роста в будущем, включая те экономики, которые уже были определены как текущие полюсы роста [Multipolarity... 2011].

Выделение экономических полюсов чаще всего делают на основе статистических показателей тех или иных экономик (или их объединений) в мировом ВВП, мировой торговле, мировой финансовой и банковской системе.

Следует отметить, что окончание XX в. совпало с распадом Советского Союза и формированием «однополюсного» мира. Вопросы геополитики в этот период отошли на второй план, и, как отмечал Фрэнсис Фукуяма, наступил «конец истории». В борьбе социальных идей победил капитализм, и весь мир должен это принять и дальше следовать в фарватере наиболее развитых в этом качестве стран Запада во главе с США.

В то же время в условиях глобальной конкуренции, значительной открытости мирового рынка, быстроты внедрения мировых достижений в науке и технике в воспроизводственные процессы, наличия тех или иных преимуществ в отдельных странах (дешевая и исполнительная рабочая сила, наличие значительных природных ресурсов) стало меняться соотношение экономических потенциалов между странами и регионами. Так, если за период 2000–2022 гг. ВВП по ППС увеличился в США с 10,3 до 25,4 трлн долларов (в 2,48 раза), в Германии с 2,24 до 5,32 трлн долларов (в 2,38 раза), в Японии с 3,46 до 5,7 трлн долларов (всего в 1,65 раза), в ЕС с 9,48 до 24,4 трлн долларов (в 2,58 раза), в странах G7 в целом с 21,5 до 41,3 трлн долларов (в 2,29 раза), то в развивающихся странах темпы роста ВВП были значительно выше. В КНР ВВП увеличился за эти годы с 3,68 до 30,3 трлн долларов (в 8,24 раза), в Индии с 2,2 до 11,9 трлн долларов (в 5,38 раза), в России с 1,0 до 5,3 трлн долларов (в 5,3 раза), во Вьетнаме с 201,7 млрд долларов до 1,32 трлн долларов (в 6,55 раза), в Турции с 609,1 млрд долларов до 3,18 трлн долларов (в 5,22 раза), в Эфиопии с 31,9 до 347 млрд долларов (в 10,86 раза). Выше, чем в ЕС и G7, прирост был в Нигерии, Пакистане, Индонезии, Малайзии. Хотя следует отметить, что, например, в Мексике и Бразилии прирост был на уровне стран Запада (соответственно в 2,47 и 2,43 раза) [World...].

Внешняя торговля товарами в развивающихся странах росла хотя не столь быстро, как ВВП, но все равно более высокими темпами, чем в развитых странах Запада. Так, за период 2010–2022 гг. среднегодовые темпы прироста экспорта США составили 1,9 %, импорта – 3,5 %; ЕС – соответственно 1,8 и 1,8 %; Великобритании – 1,3 и 2,2 %; Японии – 1,2 и 1,5 %. В то же время в Китае – 4,9 и 3,9 %; Индии – 4,0 и 3,6 %; Азии в целом – 4,0 и 3,7 % [World Trade Statistical Review 2023].

За эти годы произошло значительное увеличение веса развивающихся стран в мире. Быстрый рост экономик Азии и Глобального Юга привел к важным сдвигам не только в мировой экономике, но и в мировом порядке в целом. Происходит постепенное формирование многополярного мира и многополярной глобальной экономики. Как отмечает известный исследователь процессов в глобальной экономике Ян Недервен Питерс, подъем Китая и других развивающихся стран привел к новой географии торговли, новым экономическим и политическим комбинациям, новым финансовым игрокам, инвесторам и донорам, что в значительной мере ослабило американскую гегемонию и повышает роль организации БРИКС [Nederveen Pieterse 2018].

В то же время окончание эпохи американской однополярности не означает разрушения глобальной экономической системы. Экономическая многополярность в данном случае формирует глобальную экономику как единое целое с несколькими полюсами, которые взаимодействуют друг с другом. Поскольку экономические субъекты в этих условиях могут взаимодействовать, уравнивая одну силу другой, это дает им гораздо больше свободы в принятии решений по сравнению с тем, что было доступно в однополярном мире. «В системе экономической многополярности ни одна страна или экономический блок не имеет полной власти. Это не означает, что экономическая власть распределена равномерно, но даже средние или малые страны могут сталкивать более крупные экономические силы друг с другом, чтобы обеспечить себе преимущество. Экономическая многополярность создает систему геоэкономической конкуренции, которая наносит ущерб действующим “монопольным” игрокам и выгодна “конкурентным” новичкам» [Pilkington].

Усиление геополитических противоречий в мире в настоящее время предполагает необходимость выработки новых договоренностей и новых институциональных структур, способных обеспечить более комфортное функционирование национальных экономик в рамках глобальной многополярной экономической системы. Действительно, в XXI в. человечество и национальные государства вновь столкнулись с проблемами обеспечения не только экономической, но и политической, культурной и военной безопасности. В этих условиях все большее распространение получают взаимосвязи, основанные на уменьшении глобальных рисков, связанных с удлинением производственно-сбытовых цепочек между экономическими субъектами (*near-shoring*), а также укрепление связей с дружественными партнерами (*friend-shoring*) [Charting... 2023], что ведет к определенной фрагментации экономических взаимосвязей. При этом адаптация стратегии цепочек поставок для корпорации или страны – часто это не просто конкурентное преимущество, это необходимое условие выживания в глобальной многополярной экономике. Такие подходы, как *friend-shoring*, *near-shoring* и *reshoring*, позволяют повысить устойчивость, оптимизировать затраты и укрепить свое положение на рынке [Friend-Shoring... 2024].

Выступая на Всемирном конгрессе Международной экономической ассоциации в декабре 2023 г., заместитель директора-распорядителя МВФ Гита Гопинат разделила в этой связи все страны на три группы: США и Европа, Китай и Россия, «не присоединившиеся» к этим двум блокам. Экономические отношения, по ее мнению, все больше начинают замыкаться внутри этих групп [Gopinath 2023].

Страны для повышения конкуренции, инноваций и устойчивости в глобальных цепочках поставок опираются на отношения *friend-shoring*, *near-shoring* и *re-shoring*. Однако, несмотря на разговоры о деглобализации и рост вооруженных конфликтов и военных действий на Украине и на Ближнем Востоке, мировая экономика остается глубоко взаимосвязанной. Мир не деглобализуется. Вместо этого экономические взаимосвязи между странами перестраиваются по геополитическим и региональным линиям. Геополитическая близость становится важнее географии для потоков торговли и прямых иностранных инвестиций. Проблемы безопасности и стратегическое соперничество все больше определяют национальную экономическую политику, включая барьеры для торговли и прямых иностранных инвестиций. Да, такая фрагментация мировой экономики может приводить к сокращению мирового ВВП, по расчетам МВФ, на 7 % [D'Andrea Tyson, Tsai 2024]. Но это, по нашему мнению, не свидетельствует о ее деглобализации. Отношения в мировой экономике всегда характеризуются определенной (большей или меньшей) фрагментарностью. Но мировая капиталистическая система как глобальная структура остается все равно единой. Поэтому говорить, что сегодня экономика деглобализована, но со временем, как отмечают в докладе ВТО, начнется новый процесс реглобализации [World Trade Report... 2023], – на наш взгляд, неправомерно.

Экономический суверенитет

Как отмечалось выше, в мире в целом растет обеспокоенность по поводу рисков безопасности, создаваемых экономической взаимозависимостью, с точки зрения как экономического суверенитета стран, так и национально-государственного суверенитета в целом.

Национальная экономика, как мы говорили, не может не быть частью мировой капиталистической системы, а значит, должна функционировать на основе общих законов рыночной системы. Это означает, что она должна быть конкурентоспособной. «Конкурентоспособность в условиях закрытого национального рынка, – по мнению В. Мау, – эфемерна и не обеспечит подлинного суверенитета. Сильной будет только та страна, в которой действуют глобальные игроки, способные определять мировые тенденции развития технологий и финансовых потоков. Существуют два механизма обеспечения глобальной конкурентоспособности компаний. Это встраивание отечественных фирм в производственные цепочки транснациональных корпораций либо превращение своих корпораций в транснациональные. Только второй вариант создает возможность для самостоятельной глобальной игры, не только экономической, но и политической» [Мау 2006].

Такого же мнения придерживается и руководитель департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ В. А. Цветков: «Экономический суверенитет и экономическое развитие – это взаимосвязанные понятия. Суверенитет является необходимым и достаточным условием успешного экономического развития. Экономический потенциал, в свою очередь, также является необходимым и достаточным условием для обеспечения национального суверенитета. Поэтому, когда мы говорим о национальном суверенитете, мы подразумеваем сильную экономику». В то же время Цветков замечает: суверенитет у нас есть, но «за прошедшие тридцать лет мы не смогли создать эффективную

экономику, которая производила бы много конкурентоспособных товаров промышленной переработки. Да, есть какие-то товары, кроме нефти и газа, которые мы успешно можем продать за границу, но их очень мало» [Цветков 2022].

Как отметил В. В. Путин в послании Федеральному собранию, «мы должны создавать глобально конкурентные продукты, опираясь на уникальные отечественные разработки, в том числе в области космических, атомных и новых энергетических технологий. Уже сейчас нужно создать правовую среду для развития отраслей и рынков будущего» [Путин 2024].

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. подчеркивается, что экономическая безопасность – это «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечивается экономический суверенитет страны», и дается его определение: «Экономический суверенитет Российской Федерации... объективно существующая независимость государства в проведении внутренней и внешней экономической политики с учетом международных обязательств» [Стратегия... 2017].

Следует отметить, что исследований, посвященных национально-государственному и, в частности, экономическому суверенитету, довольно много [см., например: Болдырев 2021], в которых даются различные определения данному понятию. При этом, например, В. Ю. Ануприенко полагает, что «экономический суверенитет в порядке декомпозиции можно разложить на составные части: международных экономических отношений, технический, технологический, финансовый, демографический, научный (интеллектуальный), ресурсный, энергетический суверенитет и др.» [Ануприенко 2023].

В этом плане можно задать риторический вопрос: у кого экономический суверенитет выше – у Северной или Южной Кореи?

Однако данный вопрос некорректен. Нельзя сопоставлять разные общественные системы – экономическую и хозяйственную, поскольку в Северной Корее отсутствует система капиталистических отношений. Также нельзя было сравнивать по данному показателю, например, СССР и США. Воспроизводственный суверенитет различен в экономической и хозяйственной системе.

Перед Россией в настоящее время стоит не столько проблема повышения уровня конкурентоспособности и встраивания в воспроизводственные цепочки международного разделения труда в высокотехнологичных отраслях экономики, сколько проблема сохранения себя как единого самостоятельного национально-государственного образования в условиях экономической блокады со стороны недружественных стран Запада. В этих условиях социальная система должна работать не на основе объективных экономических законов, а как единая хозяйственная система, основной целью которой становится защита государства, укрепление его обороноспособности, сохранение и увеличение народонаселения. Характерно в данном случае понимание технологического суверенитета России: «Технологический суверенитет – наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы. Технологический суверенитет обеспечивается в 2 основных формах: исследования, разработка и внедрение критических и сквоз-

ных технологий (по установленному перечню) и производство высокотехнологичной продукции, основанное на указанных технологиях. Технологический суверенитет обеспечивается в том числе с опорой на устойчивое международное научно-техническое сотрудничество с дружественными странами» [Об утверждении... 2023]. Сразу же вспоминаются положения Ф. Листа.

Да, российский воспроизводственный комплекс и в данных условиях в определенной степени включен в систему международного разделения труда. Но можно отметить, что и СССР осуществлял взаимосвязи с мировой капиталистической системой. Однако эти связи не были основаны на экономических законах. Перед СССР стояла другая задача: сохранить себя как иную систему социальных отношений. Развитие производительных сил было основой данного сохранения («Иначе нас сомнут», как отмечал в свое время И. В. Сталин).

Как сохранить сочетание двух систем (экономической и хозяйственной) в сегодняшней России в условиях мощного негативного давления Глобального Запада – основная проблема экономико-хозяйственной политики на данном этапе.

Когда этот этап отношений России с Западом завершится, можно будет пытаться ответить на вопрос В. А. Цветкова, почему наша экономика неконкурентоспособна и неэффективна.

Заключение

Капиталистическая система – это определенная система социально-экономических отношений. Распространяясь, она постепенно включает в себя все новые территории. Экономическая глобализация в данном случае означает, что все объективные экономические законы начинают действовать и здесь, и размеры системы расширяются. При этом на новых территориях формируется и соответствующая институциональная структура, основанная на праве частной собственности и разделении политической власти на законодательную, исполнительную и судебную. На наш взгляд, именно эту тенденцию и сформулировал Ф. Фукуяма в своем исследовании «Конец истории».

Деглобализация в этих условиях означает выход из данной системы каких-то территорий, начинающих организовывать иную систему социальных отношений (хозяйственную систему), функционирующую по иным законам.

Фрагментация глобальной экономической системы происходит на основе учета как экономических (снижение рисков), так и внеэкономических (социокультурных, цивилизационных) факторов. Фрагментация глобальной капиталистической системы может привести к резкому обострению социально-экономических противоречий и социальным конфликтам, в которых на основе единства цивилизационных факторов могут участвовать на той или иной стороне и хозяйственные структуры. Подобную возможность обосновывал С. Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций».

Экономический суверенитет в рамках капиталистической системы означает наличие возможности включения в систему международного разделения труда на основе объективных законов, обусловленных наличием абсолютных и относительных преимуществ, сформулированных А. Смитом и Д. Рикардо. В ином случае национально-государственный суверенитет обеспечивается хозяйственным суверенитетом, позволяющим сохранить независимость данного национально-государственного образования.

Литература

Ануприенко В. Ю. Экономический суверенитет России. Направления и задачи укрепления экономического суверенитета на современном этапе развития страны [Электронный ресурс] : Вестник РАЕН. 2023. Т. 23. № 4. С. 60–67. URL: https://raen.info/upload/redactorfiles/11_anup_60_67.pdf (дата обращения: 09.01.2025).

Болдырев О. Ю. Экономический суверенитет государства и конституционно-правовые механизмы его защиты. М. : Проспект, 2021.

Катасонов В. Ю. Об «объективных» законах экономики. Мой ответ Евгению Скобликову. 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/analitika/2016/07/12/ob_obektivnyh_zakonah_ekonomiki/ (дата обращения: 25.12.2024).

Князев Ю. К. Деглобализация: временно или навсегда? [Электронный ресурс] : Свободная мысль. 2024. № 4. URL: <http://www.svom.info/entry/1181-deglobalizaciya-vremenno-ili-navsegda/> (дата обращения: 26.12.2024).

Комолов О., Абдулов Р., Джабборов Д., Маслов Г., Степанова Т. Деглобализация: кризис неолиберализма и движение к новому миропорядку. 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/350878182_DEGLOBALIZACIA_KRIZIS_NEOLIBERALIZMA_I_DVIZENIE_K_NOVOMU_MIROPORADKU (дата обращения: 25.12.2024).

Маркс К. О книге Фридриха Листа «Национальная система политэкономии». 1974 [Электронный ресурс]. URL: https://marxism-leninism.info/marx_engels/42.htm (дата обращения: 25.12.2024).

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. 1955 [Электронный ресурс]. URL: <https://kprfamur.ru/wp-content/uploads/communist-party-manifesto.pdf> (дата обращения: 25.12.2024).

Мау В. Экономика суверенитета. «Суверенность» сегодня определяется глобальной конкурентоспособностью страны [Электронный ресурс]. URL: <https://www.komersant.ru/doc/719893?ysclid=m3km95qyi2203225290> (дата обращения: 20.12.2024).

Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года. Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305250050?ysclid=m5y7xvtfjn169623486> (дата обращения: 08.01.2025).

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М. : Ad Marginem, 2023.

Путин В. В. Послание Президента Федеральному собранию 29 февраля 2024 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 20.12.2024).

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения: 08.01.2025).

Ткаченко В. Иллюзия деглобализации. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://spichka.media/illusion-of-deglobalization/> (дата обращения: 20.12.2024).

Цветков В. А. Экономический суверенитет России в условиях новой реальности [Электронный ресурс] : Вестник Национального института бизнеса. 2022. № 1(45). С. 25–30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskii-suverenitet-rossii-v-usloviyah-novoy-realnosti/viewer> (дата обращения: 24.12.2024).

Чумаков А. Н. Глобализация или деглобализация? // Век глобализации. 2023. № 3. С. 19–34.

Чумаков А. Н., Оуян Кан. Диалог о глобализации, культуре и цивилизации // Век глобализации. 2024. № 1. С. 3–21.

Altman S. A., Bastian C. R. DHL Global Connectedness Report 2024. An In-Depth Analysis of the State of Globalization [Электронный ресурс]. URL: <https://group.dhl.com/content/dam/deutschepostdhl/en/media-center/media-relations/documents/2024/dhl-global-connectedness-report-2024-key-highlights-brochure.pdf> (дата обращения: 20.12.2024).

Charting Strategies for a Multipolar World. 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.morganstanley.com/ideas/multipolar-world-global-strategy> (дата обращения: 19.02.2024).

D'Andrea Tyson L., Tsai K. Globalization isn't Finished – It Can Unlock New Growth and Beat the Climate Crisis. 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/stories/2024/10/globalization-climate-crisis-growth-economy/> (дата обращения: 26.12.2024).

Feingold S. An Optimist's – and Pessimist's – Guide to the State of Global Cooperation. 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/stories/2025/01/optimists-pessimists-guide-state-global-cooperation/> (дата обращения: 05.01.2025).

Friend-Shoring, Near-Shoring, Reshoring, and Other Buzzwords. 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://alignmfg.co/friend-shoring-near-shoring-reshoring-and-other-buzzwords/> (дата обращения: 20.12.2024).

Globalization at a Record High – Despite Pandemic and Geopolitical Conflict, Reveals. DHL Global Connectedness Report 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dhl.com/global-en/microsites/core/global-connectedness/report.html> (дата обращения: 20.12.2024).

Gopinath G. Cold War II? Preserving Economic Cooperation Amid Geoeconomic Fragmentation. 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2023/12/11/sp121123-cold-war-ii-preserving-economic-cooperation-amid-geoeconomic-fragmentation> (дата обращения: 20.12.2024).

Multipolarity: The New Global Economy. The International Bank for Reconstruction and Development [Электронный ресурс] : The World Bank. 2011. URL: https://books.google.ru/books?id=iZ_r4YjhAWYC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 25.12.2024).

Nederveen Pieterse J. Multipolar Globalization: Emerging Economies and Development. 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://escholarship.org/content/qt2dr6q014/qt2dr6q014_noSplash_8d615cddb4b89d4b3362f9cd2603c919.pdf (дата обращения: 15.02.2024).

Pilkington Ph. The Origins of Economic Multipolarity [Электронный ресурс]. URL: <https://hiia.hu/en/the-origins-of-economic-multipolarity/> (дата обращения: 20.12.2024).

Shine I. Globalization has Rallied and is Even Working Better – New Report. 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/stories/2023/03/globalization-reglobalization-dhl-global-connectedness-index-2023/> (дата обращения: 20.12.2024).

Szijjártó P., Ferguson N., Woods N., Tooze A., Bremmer I. Davos 2023: De-Globalization or Re-Globalization? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/podcasts/agenda-dialogues/episodes/de-globalization-or-reglobalization/> (дата обращения: 20.12.2024).

The Global Cooperation Barometer 2025 – Second Edition [Электронный ресурс]. URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Global_Cooperation_Barometer_2025.pdf (дата обращения: 27.12.2024).

Thomson S. WTO Director-General at Davos 2024: There's a Better Way to Do Globalization [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/stories/2024/01/wto-director-general-davos-globalization/> (дата обращения: 26.12.2024).

World Development Indicators [Электронный ресурс]. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (дата обращения: 20.12.2024).

World Economic Forum Annual Meeting “Collaboration for the Intelligent Age” 20–24 January 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/meetings/world-economic-forum-annual-meeting-2025/> (дата обращения: 20.12.2024).

World Trade Statistical Review 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://intosairussia.org/images/reports/WTO__Stat_trade_review_wtsr_2023_e.pdf?ysclid=ltajw0hoco406048666 (дата обращения: 20.12.2024).

World Trade Report 2023 – Re-Globalization for a Secure, Inclusive and Sustainable Future [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wtr23_e.htm (дата обращения: 20.12.2024).

АФРИКАНСКИЙ ВЕКТОР ТУРЕЦКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РЕШЕНИЯ*

Юрченко П. С.**

В последние десятилетия Турция значительно активизировала свою внешнюю политику в Африке, используя комплексный подход к выстраиванию отношений с государствами континента. Основными направлениями турецкого присутствия на континенте стали военно-политическое, экономическое и гуманитарное сотрудничество. Однако продвижение Анкары в Африке сопровождается рядом вызовов, включая конкуренцию со стороны глобальных игроков (Китай, ЕС, США, Россия) и региональных держав (Египет, Саудовская Аравия, ОАЭ), экономические вопросы, политические риски, а также нестабильную международную обстановку. Турция сталкивается с трудностями в реализации своих планов из-за нестабильности международной обстановки, финансовых ограничений и критики со стороны африканских элит, воспринимающих турецкое влияние через призму неоосманизма. В то же время Анкара продолжает укреплять свое присутствие на континенте, используя мягкую силу, военное сотрудничество и стратегическое партнерство с африканскими странами.

Ключевые слова: Турция, Африка, внешняя политика, экономическое сотрудничество, военное сотрудничество, неоосманизм, стратегическое партнерство, международные вызовы.

THE AFRICAN VECTOR OF TURKISH GEOPOLITICS: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THEIR SOLUTION

In recent decades, Turkey has significantly intensified its foreign policy in Africa, employing a comprehensive approach to building relations with the continent's states. The main areas of Turkish presence include military-political, economic, and humanitarian cooperation. However, Ankara's advancement in Africa faces numerous challenges, including competition from global players (China, the EU, the US, and Russia) and regional powers (Egypt, Saudi Arabia, and the UAE), economic issues, political risks, and an unstable international environment. Turkey encounters difficulties in achieving its plans due to international instability, finan-

* **Для цитирования:** Юрченко П. С. Африканский вектор турецкой геополитики: проблемы и перспективы их решения // Век глобализации. 2025. № 3. С. 59–70. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.05.

For citation: Yurchenko P. S. The African Vector of Turkish Geopolitics: Problems and Prospects for Their Solution // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 3. Pp. 59–70. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.05 (in Russian).

** Юрченко Павел Сергеевич – аспирант факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: yurchenkops@my.msu.ru.

Pavel S. Yurchenko – postgraduate student of the Faculty of Global Studies at the Lomonosov Moscow State University. E-mail: yurchenkops@my.msu.ru.

cial limitations, and criticism from African elites who perceive Turkish influence through the lens of neo-Ottomanism. Nevertheless, Ankara continues to strengthen its presence on the continent through soft power, military cooperation, and strategic partnerships with African nations.

Keywords: *Turkey, Africa, foreign policy, economic cooperation, military presence, neo-Ottomanism, strategic partnership, international challenges.*

За последние десятилетия Турция значительно активизировала свою внешнюю политику в Африке, используя комплексный подход к выстраиванию отношений с государствами данного континента. Современная политика Анкары основана на правовых и идеологических принципах, которые формируют долгосрочную стратегию взаимодействия с африканскими странами. Турецкое присутствие в Африке охватывает военно-политическое, экономическое и гуманитарное сотрудничество, что делает этот регион приоритетным в глобальной стратегии Анкары. В этом контексте турецкая внешняя политика представляет собой парадигму неоосманизма с сочетанием неопантюркизма и исламизма.

Важно упомянуть, что Турция в 2003 г. приняла программу «Стратегия развития экономических отношений с африканскими странами», также известную как «Африканская стратегия», целью которой выступает развитие экономических, торговых и инвестиционных отношений со странами Африканского региона. Фактически это масштабный проект, который создает новый эффективный и стабильный вектор для развития многоаспектной внешней политики Турецкой Республики.

Активизация Турции на африканском направлении объясняется стремлением турецкого правительства укрепить свое влияние в странах Глобального Юга и повысить свой статус на международной арене. Африка представляет собой перспективный регион не только с точки зрения экономического сотрудничества, но и как пространство для геополитического маневра, особенно в условиях конкуренции с другими международными игроками, такими как Россия, Китай, США, Франция и Великобритания.

Относительно Африки стоит отметить позицию Л. Е. Гринина и А. В. Коротаева, полагающих, что континент является многообещающим в плане развития и модернизации региона, где наблюдаются «неуклонный рост сельского хозяйства, в котором темпы роста урожайности нередко обгоняют темпы роста населения, подъем промышленности, особенно добывающей, развитие многих отраслей экономики, национальное и культурное строительство, подъем образования и культуры», но одновременно имеющим сложности адаптации к новым реалиям в связи с сохранившимися племенными обычаями и традициями в городах и деревнях и переходом к более современному подходу ведения экономических процессов, а также уязвимым к нестабильной политической обстановке [Гринин, Коротаев 2024: 21]. Соперничество за Африканский континент является очевидным по причине того, что перспективность определяется не только экономическими факторами относительно широкого рынка товарного экспорта, среди которого чаще фигурируют торговля и поставки вооружения, природного сырья и полезных ископаемых, но и военно-политическим аспектом. Так, кооперация в вопросах создания военных баз и поддержки через подготовку вооруженного контингента поз-

воляет повысить роль стран и развить дальнейшее взаимодействие в области военно-технического сотрудничества.

Сложности при занятии позиций и получении влияния обуславливаются тем, что разные заинтересованные в Африканском регионе государства стремятся поддерживать борющиеся стороны во внутренних, межплеменных, межгосударственных и этногосударственных конфликтах и ситуациях. При стечении обстоятельств одна из групп, правительств или коалиций будет против какого-либо контакта со странами, которые поддерживали противников, тем самым сводя любые попытки к разрыву или запрету отношений не только на государственном уровне, но и на уровне экономического взаимодействия через частные компании.

Вопрос влияния Османской империи на Северную Африку представляет собой важную исследовательскую проблему, связанную с изучением исторических, политических и культурных факторов, способствующих сохранению и трансформации османского наследия в регионе. Турция в XXI в. активно использует свою историческую преемственность с Османской империей для укрепления позиций на Африканском континенте, что подтверждается ростом дипломатической активности и экономического сотрудничества.

По мнению бывшего премьер-министра Турции Ахмета Давутоглу, страна должна вновь занять центральное место в политической архитектуре Ближнего Востока и Африки, поскольку именно она является естественным преемником Османской империи [Davutoglu 2009]. Помимо этого, А. Давутоглу в своей статье относительно разъяснения политики государства в рамках концепции «Ноль проблем с соседями» говорил, что «видение Турцией ситуации на Ближнем Востоке не противоречит ее подходу в Центральной Азии или на Балканах; наш подход к Африке ничем не отличается от нашего подхода к Азии», то есть внешнеполитический курс Турции базируется на принципе глобальной согласованности, которая выстраивается в единую логическую систему, где каждое направление имеет важную перспективу [Idem 2010].

В течение четырех веков Османская империя контролировала значительную часть Северной Африки, включая территории современного Алжира, Туниса и Ливии. Характер османского владычества отличался от европейского доминирования: вместо прямого управления применялась система вассалитета, в рамках которой местные лидеры сохраняли определенную автономию, но признавали власть султана. Современная Турция активно использует исторические связи с Африкой как основу своей внешнеполитической стратегии. Анкара стремится выстроить отношения с африканскими странами на принципах «исторического братства» и общего исламского наследия, противопоставляя себя бывшим европейским колониальным державам.

Одним из важнейших инструментов внешней политики Турции в Африке является дипломатическая активность. Анкара использует механизмы межпарламентской дипломатии, что позволяет не только формировать двусторонние контакты, но и закреплять свое влияние на континенте через официальные визиты, саммиты и соглашения. Значительное внимание уделяется правовой базе сотрудничества, в которую входят декларации по итогам политических и экономических саммитов «Турция – Африка», рамочные соглашения и двусторонние договоры. Особое место занимает деятельность правящей Партии справедливости и разви-

тия (тур. Adalet ve Kalkınma Partisi, сокр. ПСР), которая активно продвигает турецкие интересы через парламентские структуры и политические инициативы. Этот формат взаимодействия укрепляет позиции Анкары в Африке и делает ее важным игроком на международной арене.

Экономическое сотрудничество между Турцией и африканскими странами за последние 15 лет значительно расширилось. Одним из ключевых элементов является комплексный подход Анкары с широким охватом, который предполагает развитие торговых отношений не только с отдельными государствами, но и со всем континентом в целом. Как отмечает М. А. Колесникова, «взаимодействие Турции с африканскими государствами позволяет турецким парламентариям вносить соответствующие законодательные инициативы, облегчающие сотрудничество Турции с данным регионом» [Колесникова 2020б: 183].

Гуманитарное направление внешней политики Турции в Африке основано на концепции «равноправного братства», в рамках которой Анкара продвигает образовательные, медицинские и социальные программы. Одним из наиболее ярких этапов в деятельности Турции на Африканском континенте в XX в. в сфере гуманитарных инициатив является 1984 г., когда страна предоставила помощь ряду государств в размере 10 млн долларов в рамках программы Организации исламского сотрудничества для оказания помощи странам Сахеля, страдающим от засухи [Nazar 2023]. Спустя 13 лет Турецкая Республика заявила о политике «Открытость Африке», а 2005 г. был объявлен Годом Африки.

Особое внимание уделяется образовательным программам. Турция предлагает африканским студентам стипендии для обучения в турецких университетах, что способствует формированию лояльных представителей элит в разных направлениях развития общества в африканских странах. Более того, Анкара активно продвигает турецкий язык и культуру, создавая образовательные и культурные центры. Важную роль здесь играет Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (сокр. ТІКА), которое занимается реализацией проектов в области здравоохранения, образования и сельского хозяйства. Изначально, то есть с 1992 г., ТІКА создавалась как организация по оказанию помощи тюркским государствам постсоветского пространства, но позже сфера реализации ее деятельности расширилась на ряд регионов: Африку, Ближний Восток и Балканский полуостров. Активизация ТІКА в Африке совпала с ростом геополитических амбиций Турции, стремящейся диверсифицировать внешнеполитические связи и укрепить позиции в условиях глобальной конкуренции. Благодаря кооперации государственных органов, в частности Управления по делам религии и Турецкого агентства по сотрудничеству и координации, в ноябре 2006 г. в Стамбуле была организована встреча представителей 22 африканских стран, в рамках которой обсуждались темы религиозного и культурного взаимодействия.

Помимо ТІКА, важными структурами по развитию связей с африканскими партнерами являются Фонд защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи (сокр. ІНН) и Ассоциация предпринимателей и промышленников Турции (сокр. TUSKON), которые активно развивают гуманитарную и экономическую области сотрудничества. Как отмечает Мехмет Озкан, подобное взаимодействие организаций и правительства страны ранее не наблюдалось в Турецкой Республике, что свидетельствует о заинтересованности турецкой стороны в углублении

кооперации с Африкой [Özkan 2011]. Турция стремится к формированию имиджа миротворца в Африке, участвуя в различных миссиях ООН. По состоянию на июль 2019 г. турецкие силы были представлены в таких операциях, как UNMISS (Южный Судан), UNAMID (Дарфур), MONUSCO (Демократическая Республика Конго) и UNSOM (Сомали). В рамках этих миссий Турция направляет инструкторов и экспертов из военной сферы, что позволяет ей демонстрировать свою приверженность вопросам безопасности на континенте.

Помимо участия в миссиях ООН, Турция сотрудничает с Африканским союзом, предоставляя экспертную и материально-техническую помощь в вопросах борьбы с терроризмом и транснациональной преступностью. Этот аспект политики особенно важен в свете растущих угроз со стороны экстремистских группировок в странах Сахеля и Восточной Африки. Турецкие гуманитарные организации оказывают помощь бедствующим регионам, создавая положительный имидж Турции как страны, заинтересованной в благополучии африканского населения. Эта политика и стратегия гуманитарной дипломатии выгодно отличает Анкару от бывших колониальных держав, которые часто рассматриваются как эксплуататоры ресурсов Африки. Как отмечает Каан Девечиоглу, «сельскохозяйственные проекты, реализованные в рамках ТКА, повысили продовольственную безопасность в различных регионах, а проекты в сфере здравоохранения стали важным шагом на пути к улучшению общественного здравоохранения» [Devencioglu 2024: 149–150], что показывает значимость роли Турецкой Республики в области сотрудничества и развития отношений с африканскими странами.

Турция активно развивает военное сотрудничество с государствами Африки, что подтверждается созданием первой зарубежной военной базы в Сомали в 2016 г. Этот шаг открыл новую главу в турецко-африканском взаимодействии, позволив Анкаре закрепить свое присутствие в регионе Африканского Рога. Решение о строительстве объекта в Могадишо было принято в 2016 г., а официальное открытие состоялось в 2017 г. Турецкие власти заявляют, что основная цель базы – обучение сомалийских военных, а также поддержка безопасности в регионе Африканского Рога. База в Сомали позволяет Турции обучать более 1,5 тыс. сомалийских военных одновременно, что делает ее крупнейшим военным объектом такого рода в стране. Турецкие инструкторы активно работают с местными военными, готовя их к борьбе с экстремистскими группировками, такими как «Харакат аш-Шабаб аль-Муджахидин»¹. Ожидается, что турецкая поддержка поможет укрепить национальные вооруженные силы Сомали и стабилизировать регион.

В 2024 г. в рамках визита министра обороны Сомали Абдулкадира Мохаммеда Нура в Анкару было подписано Рамочное соглашение об оборонном и экономическом сотрудничестве между Турецкой Республикой и Федеративной Республикой Сомали. Турецкий министр обороны Яшар Гюлер после подписания выразил надежду на то, что «отношения продолжатся и в будущем» [Şimşek 2024]. Проблема терроризма в Африке является актуальной на фоне нестабильной политической обстановки, которая связана с рядом проблем: колониальное прошлое, наличие в регионе так называемых *failed states*, борьба за ресурсы и власть, неспособность государственных институтов некоторых стран обеспечить безопас-

¹ Организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена.

ность и справедливое распределение ресурсов, гуманитарные катастрофы, экономические проблемы, социальная фрагментация, конфликты и миграция. Так, из-за того, что африканская молодежь в большинстве своем страдает от безработицы и конфликтных ситуаций, она становится целью вербовки террористических организаций, которые еще больше дестабилизируют региональную обстановку.

Анкара позиционирует себя как союзник Африки в борьбе с терроризмом, подчеркивая, что сама является жертвой террористических атак и имеет значительный опыт противодействия этим угрозам. В таком контексте Турция активно сотрудничает с африканскими странами в вопросах безопасности, поставляя оружие, обучая военных и участвуя в миротворческих миссиях. Анализируя турецкую военную политику в Африке, можно отметить, что Анкара рассматривает возможность дальнейшего расширения своего присутствия. В частности, обсуждался проект создания военной базы на острове Суакин (Судан), однако официальные лица Турции и Судана опровергли эти планы. Несмотря на это, аренда острова сроком на 99 лет и активное восстановление инфраструктуры могут свидетельствовать о наличии долгосрочных стратегических целей.

Возможное размещение новых турецких военных объектов в Африке вписывается в общую концепцию Анкары, направленную на расширение политического влияния и создание сети союзников в стратегически важных точках. Одним из вероятных направлений для дальнейшей экспансии может стать Западная Африка, где Турция уже активно развивает дипломатические и экономические связи. Турецкий политолог Сонер Чагаптай отмечает: «При Эрдогане Турция больше не определяет свои национальные интересы в тандеме с западными державами. Национальный интерес Турции в мышлении Эрдогана отражает высокую степень стратегической автономии» [Çağartaу 2020: 18]. То есть Турецкая Республика на фоне большей сепарации от европоцентричного видения использует возможность усилить собственные позиции в регионах, которые исторически были связаны с Османской империей благодаря общим культурным и религиозным истокам. В этом контексте Турция планомерно выстраивает отношения с африканскими странами, стремясь получить статус важного актора на континенте.

Турция стремится не только к военному присутствию в Африке, но и к развитию экспорта вооружений. Согласно «Отраслевой стратегии оборонной промышленности 2018–2022» и «Отраслевой стратегии оборонной промышленности 2024–2028», Анкара нацелена на увеличение количества турецких военных, несущих службу на зарубежных базах, на расширение экспорта оружия, а также продажи военной техники, в частности учебно-боевых самолетов *Hürkuş*, африканским странам [2018–2022 *Savunma...* 2019; 2024–2028 *Savunma...* 2024]. В перспективе это может привести к укреплению позиций Турции на рынке африканского вооружения. Планы по развитию экспорта турецких вооружений включают поставки стрелкового оружия, бронетехники и беспилотных летательных аппаратов. Турецкие компании уже ведут переговоры с рядом африканских государств о поставках современной военной техники, что может превратить Анкару в одного из ключевых игроков на этом рынке.

Военная активность Турции в Африке сталкивается с рядом вызовов, в том числе с конкуренцией со стороны таких стран, как Российская Федерация, Китай, США, Франция, Великобритания и ОАЭ. В особенности подмечается соперниче-

ство с ОАЭ, активно укрепляющими свое присутствие в регионе через отношения с североафриканскими странами и Сомали, которое входит в область их интересов. Отношения с Египтом, традиционно являвшимся важным партнером Анкары, после 2013 г. начали охлаждаться, что усложнило реализацию планов Турции по построению дальнейших отношений с Северной Африкой. Из этого следует, что Турция переориентировалась больше на Ливию, которая стала «вратами в Африканский регион».

На фоне этой конкуренции Турция вынуждена искать альтернативные точки опоры в Африке. Именно поэтому Анкара выбирает вектор партнерства с такими странами, как Сомали и Катар, используя их как стратегические узлы для расширения своего влияния. В этом контексте военно-политическое сотрудничество становится не только инструментом обеспечения безопасности, но и средством экономического и геополитического маневрирования. Межпарламентская дипломатия стала важной составляющей турецкой стратегии в Африке. Великое национальное собрание Турции регулярно проводит консультации с африканскими коллегами, а президент Турецкой Республики Реджеп Тайип Эрдоган активно выступает перед африканскими парламентариями, формируя идеологическую основу для дальнейшего сотрудничества. Движение в рамках единой парламентской и президентской линии политики позволяет Турции укреплять свои позиции на континенте, формируя долгосрочные союзные отношения с африканскими странами. Анкара также активно участвует в международных форумах, таких как конференции Африканского парламентского союза, что дает ей возможность продвигать свои интересы на международном уровне.

Помимо этого, Турция активно участвует в бизнес-форумах, конференциях и выставках, на которых заключаются стратегические соглашения в сферах торговли, промышленности и строительства. Таким образом Анкара стремится укрепить экономические связи и создать основу для долгосрочного сотрудничества. Одним из ключевых аспектов современной политики Турции в Африке является ее экономическая экспансия. За последние 15–20 лет количество турецких посольств на континенте выросло с 12 до 50, а объем экспорта с африканскими странами на 2024 г. составил 19,4 млрд долларов США [Network...; Турецкий... 2025]. Эти изменения демонстрируют стремление Анкары восстановить влияние в регионах, которые исторически находились в сфере интересов Османской империи.

Экономическая составляющая турецкой политики в Африке имеет особое значение. Континент обладает значительными природными ресурсами, и Турция стремится получить доступ к ним, что соответствует ее стратегическим интересам. Особенно это актуально в контексте энергетической безопасности, так как Турция является страной с ограниченными запасами нефти и газа. Важным инструментом экономического проникновения является инфраструктурное строительство. Турецкие компании участвуют в строительстве дорог, мостов, аэропортов и других объектов в африканских странах, что позволяет не только укреплять экономические связи, но и повышать влияние Анкары на местные элиты. Кроме того, Турция активно развивает сотрудничество в сфере сельского хозяйства, предлагая африканским государствам технологии и инвестиции в аграрный сектор. Дополнительно Турция использует исламские финансовые институты для продвижения своих интересов. Турецкие банки участвуют в финансировании раз-

личных проектов, обеспечивая устойчивость экономических связей с африканскими странами.

Османская империя использовала ислам как важный инструмент консолидации власти в Северной Африке. Поддержка мусульманского духовенства и строительство религиозных институтов укрепляли позиции султанов, формируя у населения чувство единства с Османским государством. Современная Турция продолжает использовать религиозный фактор в своей политике, чему свидетельствует использование концепции исламизма. Турецкие власти позиционируют себя как защитники исламского наследия в Африке, активно сотрудничая с мусульманскими общинами и продвигая идеи исламской солидарности. Мусульманское население Африки играет важную роль в стратегии Анкары, поскольку Турция позиционирует себя как защитник исламского мира и продвигает исламское сплочение. Военное сотрудничество рассматривается как часть общего курса на закрепление влияния Турции на континенте. Кроме того, использование истории Османской империи как инструмента «мягкой силы» позволяет Анкаре продвигать свои интересы через культурно-исторические связи.

Одной из ключевых проблем турецкого присутствия в Африке является ограниченность финансовых возможностей страны. Турция встречается с такими проблемами, как: высокая инфляция, девальвация лиры и внешние долги, ограничивающие ресурсы для масштабных инвестиций в Африку. Для того чтобы закрепиться в регионе, Турция должна инвестировать значительные средства в инфраструктуру, торговлю и гуманитарные проекты. Однако текущая экономическая ситуация в самой Турции, включая колебания курса национальной валюты и структурные сложности в экономике, значительно сдерживает темпы расширения взаимодействия с африканскими партнерами.

Дополнительным вызовом становится высокая конкуренция со стороны других международных игроков. Россия, Китай, Индия, США и страны Европейского союза уже давно утвердились в Африке, предлагая государствам континента выгодные экономические соглашения, значительные инвестиции и масштабные инфраструктурные проекты. Российская Федерация, принявшая и сохраняющая наследие Советского Союза в виде положительного имиджа в Африке, предстает перед африканскими государствами как страна, которая с уважением и без давления на африканские правительства стремится развивать равноправное партнерство в различных сферах с учетом их интересов и является одним из столпов образования глобального форума партнерского диалога БРИКС+. Л. Е. Гринин и А. В. Коротаев подчеркивают, что «Африка становится одним из регионов, активизация в котором поможет России уменьшить влияние на нее санкций» [Гринин, Коротаев 2024: 26]. Китайская Народная Республика, например, активно развивает свою инициативу «Один пояс – один путь», инвестируя в транспортные сети, энергетику и промышленность, тогда как Евросоюз предлагает программы развития и гуманитарной помощи, направленные на стабилизацию региона.

Турция, в отличие от иных крупных государств, не располагает столь же масштабными финансовыми ресурсами и возможностями. Ее стратегия основана на расширении двусторонних торговых отношений, активизации дипломатических контактов и привлечении турецких компаний к реализации крупных проектов. Однако из-за ограниченного бюджета и высокой конкуренции Анкаре сложно

добиться значительных успехов в экономическом сотрудничестве. При этом для того, чтобы сохранить свою позицию в соперничестве с другими внешними игроками за влияние на Африканском континенте, Анкаре важно развивать уже успешные проекты гуманитарных миссий, использовать возможности фокусировки на инфраструктурных проектах и развития контактов в области военного сотрудничества, использовать культуру и образование для создания благоприятного впечатления среди населения стран Африки, учитывать факторы уважения суверенных прав государств и правительств и адаптироваться к ситуации для сохранения гибкости при нестабильных ситуациях.

В данном контексте Турецкой Республике также стоит рассмотреть возможность расширения торговых соглашений со странами Африки для диверсификации экспорта ряда продукции не только мирного назначения, но и военно-промышленного комплекса, а также развивать инфраструктурные проекты, которые могут включать социальную, транспортную и энергетическую структуры, инвестиционные направления через «мягкую силу» (увеличение квотных мест для студентов из африканских стран в университетах, поддержка исламских правительственных и неправительственных организаций для укрепления своего имиджа и большего привлечения внимания африканских элит), стабилизация турецкой лиры через торговлю в национальных валютах для снижения зависимости от доллара и евро. К тому же необходимо проведение внутренних реформ, стимулирование различных секторов экономики и ее диверсификация, поиск партнеров для привлечения инвестиций в государство.

Кроме того, присутствие Турции в Африке сопряжено с иными вызовами. Несмотря на заявления турецкого руководства о приоритетности африканского направления, фактические торговые и экономические показатели свидетельствуют о том, что «товарооборот с Германией за 2019 г. составил 30,4 млрд долларов, с Россией – 23,8 млрд долларов, с США – 18,6 млрд долларов, почти столько же, сколько со всеми странами Африки вместе (19,5 млрд)», а за 2023 г. товарооборот по экспорту с ФРГ составил 24,7 млрд долларов, с Российской Федерацией – 10,8 млрд долларов, с США – 15,9 млрд долларов, а со странами Африки – 22,6 млрд долларов, то есть Африка выходит к лидирующим позициям по экономическому сотрудничеству, хотя Германия и США остаются значимыми партнерами Турции в рамках финансовых отношений [Колесникова 2020а: 50; Turkey...]. Это может подорвать доверие африканских партнеров к Анкаре, которая, несмотря на громкие заявления, не всегда способна реализовать свои амбициозные проекты.

Помимо экономических ограничений, Турция сталкивается с серьезными геополитическими вызовами. Одним из главных факторов, осложняющих продвижение Анкары в Африке, является нестабильность на Ближнем Востоке и присутствие Турции на севере Сирии. Это обстоятельство разделяет значительный поток ресурсов и сил, которые могли бы быть направлены на укрепление позиций в Африке. Помимо этого, как подмечают В. А. Аватков и Ю. О. Томилова, подчеркивается значимость региона в турецкой внешней политике на фоне визитов официальных лиц Турецкой Республики в африканские страны, которые выделяются уровнем их проведения, положительным характером итогов встреч, а также заявлениями о развитии сотрудничества [Аватков, Томилова 2013].

Кроме того, политика Турции в Государстве Ливия стала причиной напряженности с рядом арабских государств, включая Египет, Саудовскую Аравию и Объединенные Арабские Эмираты. Эти страны наблюдают наращивание турецкого военного присутствия в регионе и реагируют на него как на угрозу своим национальным интересам, активно противодействуя влиянию Анкары. В частности, ОАЭ и Саудовская Аравия оказывают поддержку ливийскому командующему Халифу Хафтару, что противостоит интересам Турции, поддерживающей Правительство национального единства Ливии.

Теоретически решение ситуаций с участием Анкары как посредника и «миротворца» в Ливии, Сирии и секторе Газа создаст условия для повышения ее роли, отчего потенциальные успехи дадут возможность перераспределить ресурсы на большее расширение сотрудничества со странами Африканского континента. Стоит учитывать тот факт, что исламизм, который используется в турецкой внутренней и внешней политике в рамках неоосманизма, имеет сбалансированную риторику, которая считается с прагматизмом и учетом национальных интересов, отчего активные действия правительства Турции получают поддержку в мусульманских странах и среди их населения относительно Палестины и ряда других вопросов, по которым они имеют сходные позиции.

Одним из значительных вызовов для Турции в Африке является обвинение в неоосманизме. В последние годы Анкара активно апеллирует к османскому наследию в своих внешнеполитических инициативах, что может вызвать неоднозначную реакцию у африканских коллег Анкары. Некоторые страны воспринимают такую риторику как попытку Турции утвердить свою гегемонию в регионе, что может привести к росту недоверия и ухудшению отношений. Стоит учитывать и тот факт, что Турция также сталкивается с проблемой информационных атак. Некоторые страны, конкурирующие с Анкарой за влияние в Африке, распространяют негативную информацию о ее деятельности. Например, могут встречаться обвинения Турции в том, что турецкое правительство стремится возродить Османскую империю и вмешивается во внутренние дела африканских государств. Это активно распространяется в контексте сотрудничества Турции с Суданом, где Анкара получила в аренду остров Суакин. Несмотря на официальные заявления о том, что Турция не планирует создавать там военную базу, в международных кругах обсуждаются слухи о возможности милитаризации региона с целью давления на Египет и Саудовскую Аравию.

Данные обвинения, скорее, отражают страхи перед восстановлением турецкого имперского влияния через комбинацию «мягкой силы», военного присутствия и экономической экспансии. Однако Турция отрицает эти претензии, акцентируя внимание на взаимовыгодном партнерстве. Реальность отражается в том, что Анкара действительно стремится к лидерству в мусульманском мире и в регионе Ближнего Востока, но ее методы скорее напоминают современную геополитику, чем османский империализм. Но ситуация осложняется и тем, что Турция вынуждена лавировать между различными игроками международной арены. С одной стороны, Анкара стремится укрепить связи с африканскими странами, с другой – ей важно поддерживать хорошие отношения со странами Запада, что делает ее стратегию в Африке неоднозначной и уязвимой для внешнего давления.

Таким образом, африканский вектор турецкой геополитики, активно развивающийся с начала 2000-х гг., представляет собой симбиоз экономического и военного потенциала, исторических нарративов и стратегического позиционирования на континенте. Турция, стремящаяся утвердиться в качестве региональной и глобальной державы, видит в Африке не только рынок для экспансии или источник ресурсов, но и пространство для реализации своих политико-идеологических интересов. Однако ее продвижение на континенте сталкивается с рядом проблем, обусловленных как внутренними вызовами, так и внешними факторами. Так, помимо экономических трудностей (высокая инфляция, девальвация лиры), которые создают проблему с широким инвестированием в двусторонние проекты, существует конкуренция на Африканском континенте с такими игроками, как Китай, ЕС, США, Россия и арабские монархии. Это вынуждает турецкое правительство искать различные подходы, сочетая военно-техническое сотрудничество, инфраструктурные проекты и «мягкую силу».

Перспективы стратегического планирования Турецкой Республики в Африке зависят от ее способности адаптироваться к динамике процессов, происходящих на континенте. Для этого требуется точная оценка политической и экономической ситуаций в странах региона, выделение наиболее перспективных сфер, которые будут базироваться на спросе от правительств стран-партнеров, а также учитывание занимаемых позиций другими внешними акторами. Успех будет определяться не столько объемом инвестиций, сколько умением Анкары предложить африканским странам уникальные решения и перспективы в рамках сотрудничества – от технологий, инвестиций и проектов в различных областях до гибкого партнерства в сфере безопасности и кооперации на базе ВПК. Используя комплексный подход к Африканскому континенту, Турецкая Республика стремится проработать методы в разных областях по различным направлениям для построения плодотворных отношений. Также, учитывая развитие дипломатической линии со странами Африки, присутствие Турции на континенте можно назвать устойчивым и перспективным фактором мировой политики.

Литература

Аватков В. А., Томилова Ю. О. Перспективы становления Турции как ведущего игрока на Африканском континенте // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4(31). С. 227–233.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Африка: Геополитические мир-системные аспекты и возможности России // Век глобализации. 2024. № 4. С. 20–35.

Колесникова М. А. Вызовы и риски развитию турецко-африканского сотрудничества в XXI веке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020а. № 1(838). С. 42–51.

Колесникова М. А. Турция и Африка: некоторые аспекты взаимодействия // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2020б. Т. 20. № 3. С. 181–184.

Турецкий экспорт в Африку в 2024 году приблизился к \$20 млрд [Электронный ресурс] : Anadolu Ajansı. 2025. 30 января. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/экономика/турецкий-экспорт-в-африку-в-2024-году-приблизился-к-20-млрд/3466769> (дата обращения: 18.03.2025).

Cagaptay S. *Erdogan's Empire. Turkey and the Politics of the Middle East*. London; New York; Oxford, New Delhi; Sydney : I.B. TAURIS, 2020.

Davutoglu A. *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. İstanbul : Küre Yayinlari, 2009.

Davutoglu A. Turkey's Zero-Problems Foreign Policy [Электронный ресурс] : Foreign Policy. 2010. May 20. URL: <https://foreignpolicy.com/2010/05/20/turkeys-zero-problems-foreign-policy/> (дата обращения: 18.03.2025).

Devecioglu K. Türkiye's Vision for Africa: Humanitarian Diplomacy and Development Cooperation [Электронный ресурс] : Insight Turkey. 2024. Vol. 26. No. 3. Pp. 131–153. URL: <https://www.insightturkey.com/article/turkiyes-vision-for-africa-humanitarian-diplomacy-and-development-cooperation> (дата обращения: 18.03.2025).

Hazar N. Turkish Foreign Policy and the Importance of Türkiye's Policy of Outreach to the African Continent [Электронный ресурс] : Perceptions: Journal of International Affairs. 2023. Vol. 28. No. 1. Pp. 11–26. URL: <https://dergipark.org.tr/en/pub/perception/issue/78925/1326050> (дата обращения: 20.03.2025).

Network Map – Türkiye [Электронный ресурс] : Lowy Institute Global Diplomacy Index. URL: <https://globaldiplomacyindex.lowyinstitute.org/> (дата обращения: 26.02. 2025).

Özkan M. Turkey's "New" Engagements in Africa and Asia: Scope, Content and Implications. [Электронный ресурс] : Perceptions: Journal of International Affairs. 2011. Vol. 16. No. 3. Pp. 115–137. URL: <https://dergipark.org.tr/en/pub/perception/issue/48986/625031> (дата обращения: 20.03.2025).

Şimşek U. Türkiye ile Somali arasında Savunma ve Ekonomik İşbirliği Çerçeve Anlaşması [Электронный ресурс] : Anadolu Ajansı. 2024. 8 şubat. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/turkiye-ile-somali-arasinda-savunma-ve-ekonomik-isbirligi-cerceve-anlasmasi-/3131682> (дата обращения: 18.03.2025).

Turkey (TUR) Exports, Imports, and Trade Partners [Электронный ресурс] : The Observatory of Economic Complexity. URL: <https://oec.world/en/profile/country/tur?yearSelector1=2023&yearlyTradeFlowSelector=flow0&depthSelector1=HS4Depth> (дата обращения: 26.03.2025).

2018–2022 Savunma Sanayii Sektörel Strateji Dokümanı [Электронный ресурс] : Savunma Sanayii Başkanlığı. 2019. URL: https://www.ssb.gov.tr/Images/Uploads/MyContents/F_20190402102925477924.pdf (дата обращения: 20.03.2025).

2024–2028 Savunma Sanayii Sektörel Strateji Dokümanı [Электронный ресурс] : Savunma Sanayii Başkanlığı. 2024. URL: https://www.ssb.gov.tr/Images/Uploads/MyContents/F_20240917164305314800.pdf (дата обращения: 20.03.2025).

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОПОРЯДКА *

Гребнев Р. Д.**

В статье проанализированы подходы российских и зарубежных ученых по вопросам глобального регулирования международных отношений, предложен авторский взгляд на сущность глобального регулирования, направленного на становление мирового порядка. В тексте представлена концепция децентрализации глобального регулирования, по мнению автора, соответствующая актуальной тенденции становления многополярного миропорядка. Предложена дефиниция децентрализованного глобального регулирования через его признаки и принципы, а также выявлены и обоснованы основы системы глобального регулирования в многополярном мире. В результате исследования сделан общий вывод о том, что становление многополярного миропорядка представляется следствием формирования системы децентрализованного глобального регулирования, отражающего новый баланс сил и содействующего стабилизации системы международных отношений. Децентрализация представлена как системообразующий принцип глобального регулирования в многополярном мире.

Ключевые слова: глобальное регулирование международных отношений, многополярный миропорядок, децентрализация глобального регулирования, глобализация политических процессов, политическая глобалистика, многополярность.

DECENTRALIZATION OF GLOBAL REGULATION OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF A MULTIPOLAR WORLD ORDER

The article analyzes the approaches of Russian and foreign researchers on the issues of global regulation of international relations, offers the author's view on the essence of global regulation aimed at the formation of world order. The text

* Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М. В. Ломоносова.

Для цитирования: Гребнев Р. Д. Децентрализация глобального регулирования международных отношений в контексте формирования многополярного миропорядка // Век глобализации. 2025. № 3. С. 71–84. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.06.

For citation: Grebnev R. D. Decentralization of Global Regulation of International Relations in the Context of the Formation of a Multipolar World Order // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 3. Pp. 71–84. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.06 (in Russian).

** Гребнев Руслан Дмитриевич – к. ю. н., заместитель декана по международному сотрудничеству факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова.

Ruslan D. Grebnev – Ph.D. in Law, Deputy Dean for International Cooperation of the Faculty of Global Studies at the Lomonosov Moscow State University.

presents the concept of decentralization of global regulation, which, in the author's opinion, corresponds to the current trend of the formation of a multipolar world order. A definition of decentralized global regulation through its features and principles is proposed, and the foundations of the system of global regulation in a multipolar world are identified and substantiated. As a result of the study, a general conclusion is made that the formation of a multipolar world order appears to be a consequence of the formation of a system of decentralized global regulation reflecting a new balance of power and contributing to the stabilization of the system of international relations. Decentralization is presented as a system-forming principle of global regulation in a multipolar world.

Keywords: *global regulation of international relations, multipolar world order, decentralization of global regulation, globalization of political processes, political globalistics, multipolarity.*

Формирование многополярного миропорядка является актуальным глобальным политическим процессом. Вместе с тем в научной литературе, посвященной исследованию указанного процесса, остаются определенные пробелы, которые затрудняют теоретическое осмысление многополярного миропорядка.

Тематика множества научных конференций и публикаций посвящена проблематике глобального управления, при этом сам термин «глобальное управление» представляется неудачным с научной точки зрения. А более релевантное понятие «глобальное регулирование» не находит должной теоретической концептуализации, вплоть до того обстоятельства, что оно зачастую используется в научной литературе как синоним глобального управления или как мало отличимое от мировой политики явление. Также остается нерешенным вопрос о субъектном составе, объектах воздействия посредством глобального регулирования и, собственно, содержании этого процесса.

Несмотря на внушительный массив научных работ, посвященных вопросам формирования многополярного мира, в них существует определенный недостаток в части исследования многополярного миропорядка, более того, зачастую исследователи не дифференцируют понятия «многополярный мир» и «многополярный миропорядок». В актуальном состоянии научной разработанности этого вопроса проблема формирования баланса сил и стабилизации системы международных отношений в многополярном мире также остается без должного внимания исследователей.

В практической области на фоне глобальной трансформации международных отношений по многополярной модели наблюдаются: (А) задержка реформирования ООН и других всемирных организаций; (Б) активное развитие не ограничивающих государственный суверенитет межгосударственных объединений, выполняющих в условиях поляризации международных отношений функции глобального регулирования вне ООН; (В) всемирная тенденция регионализации международных отношений и другие предпосылки развития подходов к глобальному регулированию.

Актуальная тенденция разворота внешней политики суверенных государств на обеспечение своих национальных интересов предполагает необходимость исследования вопросов баланса целей мировой политики и внешнеполитических концепций мировых и региональных держав, который должен быть обеспечен в по-

рядке формирования многополярного миропорядка. Указанная тенденция также характеризуется необходимостью «перехода от идеализма к реализму» и отказа от принципов «игры с нулевой суммой», повышающих уровень международной конфликтности [Sinclair 2018: 11]; эта постановка вопроса особенно актуальна в условиях формирования новых центров силы. В данном контексте повышенный уровень международной конфликтности выступает как индикатор кризиса глобального регулирования, в то время как существующий научный задел является недостаточной основой для систематизации принципов построения системы глобального регулирования международных отношений и методов его реализации в условиях многополярности.

На основании изложенного представляется обоснованным связывать актуальность темы исследования с необходимостью поиска системообразующего принципа глобального регулирования международных отношений в многополярном мире и решением поставленных выше вопросов.

Глобальное регулирование международных отношений

Наиболее релевантным для темы настоящей статьи значением латинского выражения *regulo* является «привожу в порядок». Исходя из этимологии рассматриваемого понятия, любое регулирование имеет своей целью установление определенного порядка. Регулирование как особый вид общественных отношений подразумевает его субъект-объектный состав, а при перенесении на социальную среду наличие регулирующей и регулируемой частей общественных отношений влечет за собой неравенство субъектов. В силу указанной особенности регулирования зачастую рассматривается как один из видов управляющего воздействия.

Если обратиться к поиску дефиниции глобального регулирования международных отношений, представляется возможным отыскать некоторые смежные определения. Так, например, глобальное экономическое регулирование является установившимся научным термином, определение которого явно отделяет глобальное регулирование от управления, поскольку концепция управления, «конечно же, не может подойти под формирующуюся международную систему, имеющую значительно более мягкий, подчас индикативный характер» [Глобальное... 2014: 20]. Англоязычный термин «“global governance”» обычно рассматривается как регулирование и решение глобальных проблем в политическом пространстве, которое не имеет единой централизованной власти, а значит, управления, в привычном классическом понимании, как такового не существует» [Смакотина, Егоренкова 2021: 127]. Несмотря на то обстоятельство, что «глобализация на Западе рассматривается как объективное явление, которое можно контролировать», «создание системы эффективного глобального управления на данный момент считается невозможным» [Леонова 2018: 15].

Отличительными признаками глобального регулирования международных отношений являются наличие регулирующей и регулируемой подсистем международных отношений, дозволительный характер глобального регулирования и объективная ограниченность контрольных функций. Не обладая всеми функциями управления, глобальное регулирование имеет эпизодический характер вмешательства в систему международных отношений. «Малые и средние державы, и даже великие державы в системе баланса сил, должны были привыкнуть к очень

небольшой степени контроля над средой; им приходилось приспосабливаться к изменениям» [Keohane, Nye 1972: 23]. Глобальное регулирование как направленное воздействие на параметры системы международных отношений осуществляется исключительно для их установки, поддержания и корректировки при такой необходимости.

Рассматриваемый процесс имеет сложный субъектный состав, обеспечивающий многосторонние форматы реализации глобального регулирования. «Пандемия реально показала, что глобальная угроза может прийти не от какого-то государства или с какой-то территории, как, например, терроризм, а иметь биогенный характер. В этих условиях глобальное управление (читай здесь и в других приведенных цитатах – “регулирование”. – Р. Г.) должно быть ориентировано на сотрудничество и взаимодействие государств, международных организаций и институтов, а также структур бизнеса и академических сообществ. Иными словами, оно должно быть многосторонним и многоуровневым» [Лебедева, Кузнецов 2021: 17–18].

Представляется возможным описывать систему глобального регулирования как «снизу вверх», имея в виду, что суверенные государства формируют основу системы международных отношений, что будет верно, так и «сверху вниз». Для наглядной демонстрации сущности глобального регулирования предлагается взглянуть на всемирные и международные организации как основу этой системы, поскольку роль международных организаций в системе глобального регулирования заключается в «транснациональном управлении» [Brambila Martinez 2021: 37–38]. Субъектный состав глобального регулирования также дополняют межгосударственные объединения (без образования международных организаций) и уже указанные суверенные государства.

В контексте темы глобального регулирования вопрос государственного суверенитета поднимается в различных аспектах. В частности, «глобализация породила новое понимание проблемы взаимодействия между государственным и надгосударственным уровнями принятия решений. Для всех концепций глобального экономического и политического управления характерны представления о том, что государство как носитель суверенитета не может и/или не должно быть высшей формой организации социально-политического пространства, хотя может являться источником полномочий и легитимности наднациональных институтов» [Барановский, Иванова 2015: 36]. Вместе с тем, на наш взгляд, уровень суверенности государства, означающий степень его политической независимости в международных делах, предопределяет возможность участия в непосредственном регулировании международных отношений. Более того, роль государства в глобальном регулировании находится в прямой зависимости от его субъектности в системе международных отношений, где статус центра силы является высшим выражением субъектности государства.

Далеко не каждый вид международных отношений может относиться к объектам глобального регулирования. Объекты глобального регулирования имеют взаимосвязь с «общественными благами» [Антипина, Янь 2024], более того, эти блага имеют всеобщее – глобальное значение. Объектами воздействия посредством глобального регулирования являются долгосрочное мировое развитие, решение глобальных проблем, формирование повестки мировой политики и сниже-

ние международной конфликтности. Общественными благами всеобщего – глобального значения, безусловно, являются коллективная безопасность, международное сотрудничество и устойчивое развитие. В качестве основных компонентов глобального регулирования международных отношений выступают нормотворчество и мониторинг соблюдения норм, координация международных отношений и традиционные методы мировой политики: дипломатия, сила, политическое влияние. «На глобальном уровне мы обнаруживаем не мировое правительство, а существование режимов, норм, правил и институтов, которые управляют удивительно большим количеством вопросов в мировой политике. Острова управления более плотно сконцентрированы среди развитых государств, но они часто имеют глобальное расширение» [Keohane 2002: 209].

Если подвести промежуточный итог сказанному, глобальное регулирование международных отношений предлагается понимать как инструмент внешнеполитического влияния центров силы и основанную на верховенстве общепризнанных норм деятельность институтов мировой политики, направленную на обеспечение коллективной безопасности, развитие международного сотрудничества и ликвидацию диспропорций мирового развития.

Исходя из предложенного определения глобального регулирования международных отношений, можно сделать вывод о том, что центры силы играют ключевую роль в формировании системы регулирования, и эта система содействует реализации их национальных интересов. «Переход от теории гегемонистской стабильности к концепции коллективного управления мировым... порядком» может рассматриваться «как фактор отражения национальных приоритетов» [Бабурина 2011: 25–32]. Поэтому «действующая система Бреттон-Вудских институтов, позиционирующих себя как фундамент неолиберальной глобализации, в реальности представляет собой механизм защиты национальных интересов США, противостоять которым можно только с позиций экономической силы» [Бабурина 2021: 29].

Учет реального распределения сил в мировой политике является основополагающим принципом формирования системы глобального регулирования международных отношений, однако не единственным. К таким принципам также относятся уважение национальных интересов суверенных государств и инклюзивность. Учет субъектности суверенных государств предполагает создание адекватной системы представительства в институтах мировой политики. Баланс целей мировой политики и национальных интересов суверенных государств содействует легитимности глобального регулирования. В условиях «транзита от одной модели глобализации к другой... перехода от моноцентричного мира к миру полицентричному, в котором будет несколько центров силы и много полюсов экономической, политической или военной мощи» [Леонова 2024: 10], вовлечение заинтересованных сторон в вопросы глобального регулирования имеет своей целью учет многообразия позиций по вопросам мировой политики.

По организационным признакам глобальное регулирование международных отношений может быть централизованным и децентрализованным. Каждый из указанных способов организации системы глобального регулирования обладает своими характерными особенностями. Централизованное регулирование основано на субординации субъектов и стремлении к императивному порядку управления. «Именно в таком виде концепция “глобального управления” была сформули-

рована в докладе “Наше глобальное соседство”, выпущенном еще в 1995 г. созданной в 1992 г. Комиссией ООН по глобальному управлению. Авторы предполагали, что на основе ООН должна быть создана качественно новая наднациональная система институтов управления, которая обеспечивала бы контроль со стороны “глобального гражданского общества” над согласованием государствами уровней своего потребления, направленности развития, осуществления практической деятельности» [Войтоловский 2011]. Указанная концепция критиковалась зарубежными учеными, которые называли «примерку идеи глобального конституционализма к реформированию ООН» и связанную с этим десоверенизацию государств «утопией глобального конституционализма» [Lopez-Claros *et al.* 2020: 479]. В отличие от централизованного регулирования, децентрализованное имеет своей целью координацию международных отношений и гармонизацию интересов и целей их участников.

В зависимости от характера международных отношений глобальное регулирование может выражаться в формах дозволения, рекомендации, требования, ограниченного принуждения и превентивного воздействия. Глобальная история демонстрирует несостоятельность императивного регулирования международных отношений, так как «глобальное регулирование... не подразумевает под собой воздействия, кроме рекомендательного характера» [Мартьянов 2023: 93]. Наиболее релевантными терминами, обозначающими методы глобального регулирования, являются заимствованные из юридических наук – императивный и диспозитивный методы. Императивный метод глобального регулирования, рассматриваемый нами исключительно в теоретическом аспекте, предполагает возможность принуждения и ответственности государств за нарушение общепризнанных норм международных отношений. Такой метод глобального регулирования входит в противоречие с концепцией многополярности. Диспозитивный метод глобального регулирования основан на равноправии сторон международных отношений и договорах между ними, при этом равноправие сторон не тождественно условному равенству субъектов международных отношений в силу различного уровня их субъектности.

Децентрализация глобального регулирования

Теоретические предпосылки формирования многополярного миропорядка обнаруживаются в теории глобального эволюционизма. Современный этап эволюции глобализационных политических процессов характеризуется переходом от модели однополярного мира к многополярной модели, «переходом от моноцентричного мира к новому полицентричному миру глобальных регионов» [Смакотина, Волков 2024: 4]. Однополярной модели соответствует миропорядок, основанный на правилах, установленных единственным центром силы, а многополярному миру – миропорядок, основанный на своде правил, согласованных и установленных центрами силы многополярного мира на принципе консенсуса.

Необходимо отметить, что китайские исследователи зачастую рассматривают концепцию порядка, основанного на правилах, иначе, чем это сложилось в российской научной мысли. Точнее говоря, китайский подход не имеет негативного контекста и подразумевает, что порядок, основанный на правилах, является одним из «слоев» глобального регулирования, где происходит гармонизация подхо-

дов центров силы. С этой точки зрения, «прежде всего необходимо инвестировать в порядок, основанный на правилах, который защищает суверенитет и территориальную целостность стран... предоставляет жертвам право на правосудие и возмещение ущерба» [Enhancing... 2024: 5]. С одной стороны, такой подход отражает позицию Китая о роли ответственного отношения мировых держав в вопросах мировой политики, а с другой стороны, говорит о стремлении формирующихся центров силы определять этот порядок.

Если в 2015 г. российским научным сообществом еще обсуждались вопросы «становления системы глобального управления» [Ильин, Леонова 2016: 185], то в актуальном моменте очевидно, что связанному с концепцией глобального управления миропорядку, основанному на правилах, свойственны централизация глобального регулирования международных отношений и формирование «глобальной власти» [Глобальное... 2007: 29], рассматриваемой как очевидное зло, угрожающее самобытности локальных цивилизаций. В процессе централизации глобального регулирования при условии формирования новых центров силы формирующийся баланс сил не обеспечивается соответствующими механизмами его поддержания и происходит дестабилизация системы международных отношений в силу нарушения взаимосвязи «множественного лидерства и координации политики» [Keohane 1989: 232].

Становление многополярного миропорядка представляется следствием формирования системы децентрализованного глобального регулирования международных отношений, отражающего новый баланс сил и содействующего стабилизации системы международных отношений. Децентрализация глобального регулирования отражает уровень внешнеполитического влияния ключевых акторов мировой политики, содействует реализации их национальных интересов, усиливает роль региональных систем регулирования и способствует развитию межгосударственных отношений в условиях многополярности.

«На фоне обострения международных отношений становится все более очевидным, что управлять мировой глобальной системой даже в одной сфере (например, экономической) из одного центра, каким бы значительным он ни был, не представляется возможным. Мировое сообщество, представленное национальными государствами, всегда было и теперь являет собою многополярную систему, в которой необходимо находить консенсус по принципиальным вопросам, касающимся управления данной системой. Отсюда даже тот, кто доминирует в тот или иной момент времени, не может уповать только на грубую силу как основное средство своего влияния. В краткосрочный период это еще возможно, но, в конечном счете, требуется иной подход, основанный на комбинации нескольких инструментов, когда сочетались бы силовое принуждение и “мягкая сила”, применяемые с учетом сложившейся международной правовой, политической и экономической системы» [Чумаков 2013: 410–411].

Децентрализация глобального регулирования международных отношений понимается нами как процесс, обратный централизации, обладающий характерными признаками, первый из которых связан с распределением ответственности между новыми центрами силы в соответствии с зонами их политического влияния. При моделировании мирового развития, подразумевающего формирование новых центров силы и сохранение централизованного глобального регулирования с одним

центром ответственности, российские ученые прогнозируют глобальную «политическую стагнацию, когда сохраняются все негативные... черты: повышенная нестабильность... турбулентность, разрыв между странами Севера и Юга и т. д. В ситуации затухающего лидерства США образуется лакуна глобального управления и глобальной ответственности за состояние дел в мире, что может привести к ситуации хаоса» [Леонова 2019: 69].

Во время встречи Большой семерки в Италии в 2017 г. ставился вопрос ответственности мировых держав за поддержание миропорядка: «...настала пора задуматься, насколько страны – лидеры глобального мира могут взять на себя ответственность за проявившиеся так неожиданно и болезненно проблемы, порожденные глобализацией, и способны ли они создать адекватное этим вызовам глобальное управление и направить мировую цивилизацию на путь устойчивого развития, как это предусмотрено в “Повестке дня ООН – 2030”» [Ильин, Леонова 2017: 69]. Постановка вопроса представляется обоснованной лишь отчасти, поскольку распределение ответственности, на наш взгляд, предшествует формированию миропорядка.

Вторым признаком децентрализации глобального регулирования международных отношений выступает регионализация политических процессов. «Новые режимы управления требуют, чтобы местные субъекты и политики адаптировали свои стратегии на основе пространственного подхода» [Local... 2024: 1], тем самым не столько обеспечивая, сколько не препятствуя естественному ходу интеграционных процессов, основанных на смежности коллективной идентичности наций. «Развитие интеграции “снизу вверх” создает основу для более широких и инклюзивных рамок сотрудничества. Страны с совпадающими геополитическими интересами, схожими целями и общими ценностями могут использовать минилатерализм, чтобы обойти многосторонние институты глобального управления, находящиеся в явном кризисе» [Ильин, Леонова 2023б: 16].

Наблюдаемая поляризация международных отношений, возникающая вследствие приверженности государств старому или новому, пока еще формирующемуся, миропорядку, вкупе с возрастающей ролью межгосударственных объединений и международных организаций, в том числе регионального значения, на которые опираются набирающие могущество державы, предопределяют распределение функций глобального регулирования. Как показывает опыт БРИКС и ШОС, успешно выполняющих некоторые функции глобального регулирования вне ООН, распределение функций между всемирными организациями и другими международными организациями, межгосударственными объединениями и интеграционными образованиями является реальной и действенной мерой эффективной координации международных отношений.

«Рискуя показаться простодушным, следует отметить, что существуют две школы мысли относительно взаимосвязи между международными организациями и распространением власти. Одна школа предполагает, что международные организации – это консервативные организации, призванные заморозить существующую конфигурацию власти. Другая – что они должны плюрализировать власть» [International... 2014]. Конечно, в приведенной цитате речь идет о распределении «власти», понимаемой как функции регулирования, между государствами. Однако этот же принцип применим и к всемирным организациям, которые способны

обеспечивать статус-кво разнообразных международных организаций и межгосударственных объединений.

Диверсификацию источников мировой политики, распределение функций всемирных и международных организаций и межгосударственных объединений, регионализацию политических процессов и другие признаки децентрализации глобального регулирования ошибочно связывают с деглобализацией. Так как процесс глобализации необратим, любые суждения об обратном глобализации процессе несостоятельны [Чумаков 2023: 28]. Целостность глобального мира при децентрализации глобального регулирования не нарушается, она обеспечивается системностью указанных выше признаков и соответствующих им принципов глобального регулирования международных отношений в многополярном мире:

- кластерный принцип, подразумевающий формирование центрами силы формальных и неформальных институтов в международных отношениях и в мировой политике;

- принцип релятивизма, содействующий реализации права народов на сохранение культурной самобытности, понимаемой как источник политических концепций;

- принцип легитимности, понимаемый как «право функционировать, применимое ко всем политическим институтам» [Hilbrich 2024: 215], и обеспеченный демократическим мировым порядком и объединительной повесткой;

- принцип сетевой организации, подразумевающий разнообразие форм международных организаций и межгосударственных объединений, в целостном единстве выполняющих функции глобального регулирования международных отношений.

Необходимо отметить, что в работах российских и зарубежных ученых неоднократно ставились вопросы о сетевом принципе глобального регулирования международных отношений, коррелирующие с предлагаемой нами концепцией. При применении институционального подхода российскими учеными были раскрыты «сетевые отношения... в сфере глобальной политики, их влияние на политические и управленческие решения, принимаемые как на национальном, так и на наднациональном уровне, и в рамках глобального управления» [Ильин, Леонова 2023а: 42]. Энн-Мэри Слотер рассматривает систему глобального регулирования в «вертикальном» и «горизонтальном» измерениях, называя множество горизонтальных связей субъектов регулирования «сетями сетей» [Slaughter 2005: 135]. Другими учеными была выявлена взаимосвязь хода глобализации и развития институтов мировой политики, представляющей собой «мультисекторальные отношения», в том числе негосударственных акторов [Nye, Donahue 2000: 271–296]. Также «понятно, что каждый актор преследует собственные цели и представляет определенный пласт мирового сообщества. Однако вместе они образуют общую и единую институциональную основу глобального управления» [Рыбаков 2017: 97].

Как было отмечено выше, многополярному миропорядку соответствует развитие диспозитивного метода глобального регулирования международных отношений, замещающего императивный метод регулирования, свойственный порядку, основанному на правилах. Диспозитивный метод характеризуется усилением роли договорных межгосударственных отношений. В соответствии с диспозитивным методом глобального регулирования международных отношений акторы

вправе самостоятельно устанавливать взаимные права и обязанности, ответственность и порядок разрешения споров и конфликтов, в том числе при посредничестве международных организаций, межгосударственных объединений или иного государства. Диспозитивность метода глобального регулирования международных отношений в многополярном мире ограничивает возможность применения методов принуждения, противоречащих международному праву, в том числе военного вмешательства во внутренние дела государства и санкционного давления. Системность децентрализованного регулирования, основанного на принципе диспозитивности, обеспечивается «диффузной взаимностью... в мировой политике», связанной с «эквивалентностью выгод» государств, извлекаемых из международного сотрудничества [Keohane 1989: 1].

В целом децентрализация глобального регулирования рассматривается нами как объективный процесс, связанный с формированием многополярного мира и предшествующий становлению многополярного миропорядка. Вместе с тем данный объективный процесс сопровождают субъективные «факторы, которые оказывают либо тормозящее, либо ускоряющее влияние на динамику глобальных политических процессов» [Ильин, Леонова 2022]. С учетом диспозитивности децентрализованного глобального регулирования указанные субъективные факторы представляют собой комплексную проблему, решение которой предопределяет «архитеконику» системы децентрализованного глобального регулирования.

Одним из ключевых факторов, содействующих децентрализации глобального регулирования международных отношений, является развитие межгосударственного объединения БРИКС. Последнее может рассматриваться как коллективный полюс новой биполярности [Yanano Mangani 2023: 59–61], который формирует новый баланс сил в противовес коллективному Западу. Потенциал БРИКС в контексте глобального регулирования обеспечен «прагматическим аспектом платформы», перспективами «заключения прорывных экономических соглашений на основе платформ Глобального Юга» и «использования платформ БРИКС/БРИКС+ для урегулирования и разрешения споров... Платформа БРИКС могла бы сыграть особенно важную роль в разрешении конфликтов на Глобальном Юге, то есть между развивающимися странами» [Lissovlik 2023: 146].

К этому же «клубному формату» субъектов глобального регулирования относятся Группа Семи и Группа Двадцати. «Структуры “клубов” более гибкие по сравнению с межправительственными организациями, они не предполагают не только межправительственного договора о создании, но и большого управленческого аппарата. Задача “клубов” в основном заключается в том, чтобы ставить проблемы и определять возможные пути их решения. Сами же решения реализуются в большей степени через структуры и механизмы национального уровня, а также в ряде случаев и через межправительственные организации» [Лебедева 2013: 85–86]. Можно было бы предполагать, что по геополитическим причинам деятельность Большой семерки замедляет ход децентрализации, хотя выполнение Группой функций глобального регулирования вне ООН и других всемирных организаций есть не что иное, как децентрализация глобального регулирования. В этом контексте представляет значительный интерес Большая двадцатка, в состав которой входят представители и Большой семерки, и БРИКС. Таким обра-

зом, формат Большой двадцатки становится платформой согласования позиций обоих блоков.

Наряду с развитием самого БРИКС не менее важную роль в формировании децентрализованной системы глобального регулирования играет внешняя политика стран – участниц межгосударственного объединения. «Страны БРИКС стали центральными в глобальном управлении. Они заявили о своем присутствии в глобальном управлении через свои собственные форумы или в качестве членов других многосторонних институтов, таких как ООН, Всемирный банк и МВФ» [Kumar 2022: 112]. Китай ранее других стран БРИКС приступил к реализации меж- и трансрегиональных проектов, к которым безусловно следует относить китайскую инициативу «Один пояс – один путь», и совместно с Россией обеспечил развитие Шанхайской организации сотрудничества на принципах децентрализации глобального регулирования международных отношений.

Очевидно, что децентрализация глобального регулирования осложнена реализацией международной политики США и позициями Европейского союза, затрудняющими процесс формирования многополярного миропорядка и проведение реформ всемирных организаций. Внешняя политика США на современном этапе отвечает признакам гегемонистской войны и хаоса, предшествующего формированию нового мирового порядка.

В условиях децентрализации глобального регулирования международных отношений в многополярном мире возрастает динамика геэкономических процессов. Концепция многополярности предполагает возможность реализации национальных интересов государств посредством установления справедливой доли участия в мировой экономике, которая определяется местом и ролью государства в системе международных отношений:

- центра силы или мировой державы;
- региональной державы или регионального государства-лидера;
- политического, военного и/или экономического полюса многополярного мира;
- государства, обеспечивающего безопасность ключевой транзитной зоны;
- государства, находящегося в зоне политического, военного и/или экономического влияния другого государства.

Вариативность потенциальной архитектуры многополярного мира не позволяет унифицировать подход к распределению доли в мировой экономике, в связи с чем дополнительно возникает объективная необходимость в децентрализации глобального регулирования международных отношений.

Заключение

Систему децентрализованного глобального регулирования международных отношений в обозримой перспективе будут формировать:

- всемирные организации (ООН, ВТО, МВФ и др.);
- межгосударственные объединения БРИКС, G7 и G20 – платформы согласования и гармонизации внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин ключевых акторов мировой политики;
- ШОС – международная организация, деятельность которой является модельной формой регулирования меж- и трансрегионального сотрудничества в условиях многополярности;

– региональные и субрегиональные союзы государств, международные организации и межгосударственные объединения, формирующиеся на принципах смежности концепций политической организации жизни общества и коллективной идентичности;

– представительные форумы, саммиты и конференции по межрегиональной тематике;

– суверенные государства, выступающие гарантами соблюдения международного порядка.

Предлагаемая нами концепция децентрализации глобального регулирования международных отношений имеет конкретное практическое назначение, которое заключается в следующих целевых направлениях:

– снижение международной конфликтности;

– ликвидация диспропорций мирового развития;

– ограничение возможности злоупотребления глобальным лидерством в международных отношениях.

Децентрализация глобального регулирования международных отношений также подразумевает:

– реорганизацию органов ООН и других всемирных организаций с учетом интересов новых центров силы;

– институционализацию региональных систем международных отношений;

– развитие подходов ООН по приобретению международными организациями специального статуса в органах всемирной организации и формированию региональных комиссий.

Литература

Антипина О. В., Янь В. Теоретические основы глобального управления // Россия – Китай: перспективы экономического развития. Сб. науч. статей участников II Международной научно-практической конференции «Россия – Китай: перспективы экономического развития». Иркутск : Иркутский национальный исследовательский технический университет, 2024. С. 13–19.

Бабурина О. Н. Переход от теории гегемонистской стабильности к концепции коллективного управления мировым экономическим порядком как фактор отражения национальных приоритетов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 9. С. 25–32.

Бабурина О. Н. Проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в условиях Бреттон-Вудской системы глобального управления // Вклад транспорта в национальную экономическую безопасность. Труды VI Международной научно-практической конференции. М. : ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта» РУТ (МИИТ), 2021. С. 26–30.

Барановский В. Г., Иванова Н. И. Глобальное управление: возможности и риски. М. : ИМЭМО РАН, 2015.

Войтоловский Ф. Г. Идеология «глобального управления»: от утопий к практике [Электронный ресурс] : Международная жизнь. 2011. № 9. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/531> (дата обращения: 21.04.2025).

Глобальное управление: учеб. пособие / под ред. А. И. Соловьева. М. : Инфра-М, 2007.

Глобальное экономическое регулирование: учебник / под ред. В. Н. Зуева М. : Магистр, 2014.

Ильин И. В., Леонова О. Г. Исследование глобальных процессов: достижения, проблемы и перспективы // Век глобализации. 2016. № 1–2. С. 182–190.

Ильин И. В., Леонова О. Г. Глобализация, интеграция и устойчивое развитие. Международный форум G7 // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. № 9. С. 66–71.

Ильин И. В., Леонова О. Г. Факторы динамики глобальных политических процессов [Электронный ресурс] : Электронный научно-образовательный журнал «История» (ЭНОЖ). 2022. № 9. URL: <https://history.jes.su/s207987840023011-1-1/>.

Ильин И. В., Леонова О. Г. Новые подходы к исследованию феномена глобализации в зарубежной науке // Век глобализации. 2023а. № 3. С. 35–47.

Ильин И. В., Леонова О. Г. Формирующиеся тенденции глобальных политических процессов // Вестник МГУ. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2023б. № 3. С. 3–22.

Лебедева М. М., Кузнецов Д. А. Глобальное управление в вопросах противодействия биогенным угрозам // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 2. С. 7–21.

Лебедева М. М., Харкевич М. В., Касаткин П. И. Глобальное управление. М. : МГИМО-Университет, 2013.

Леонова О. Г. Концептуализация понятия «глобализация» в современной науке // Век глобализации. 2018. № 1. С. 15–24.

Леонова О. Г. Глобальные политические вызовы современности // Век глобализации. 2019. № 3. С. 61–72.

Леонова О. Г. Деглобализация versus глобализация // Век глобализации. 2024. № 9. С. 3–19.

Мартынов А. О. Концепция глобального управления: к постановке проблемы // Российская политика в XXI веке: внутренние и внешние вызовы / отв. ред. Ю. С. Афанасьева, М. Р. Ткаченко. Сыктывкар, 2023. С. 89–94.

Рыбаков А. В. Глобализация, глобальное управление и национальное государство. М. : МАИ, 2017.

Смакотина Н. Л., Волков А. В. Трансформация мирового порядка в условиях международной нестабильности: открытый мир и синергия цивилизаций // Вестник Моск. ун-та. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2024. № 1. С. 3–22.

Смакотина Н. Л., Егоренкова М. А. Глобальное управление или глобальное регулирование? // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 4. С. 118–130.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контурсы целостного мира. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2013.

Чумаков А. Н. Глобализация или деглобализация? // Век глобализации. 2023. № 1(45). С. 128–141.

Brambila Martinez F. J. The Role of International Organizations, Transnational Governance, Metrics and Indicators of the Quality of Government Activity within the Framework of Global Governance // SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences. 2021. No. 2. Pp. 37–46.

Enhancing Global Governance in a Fragmented World: Prospects, Issues, and the Role of China / ed. by H. Huiyao Wang, M. Lu. Singapore : Springer, 2024.

Hilbrich S. On Legitimacy in Global Governance: Concept, Criteria, and Application. Cham : Palgrave Macmillan, 2024.

International Organization and Global Governance. Ch. 3. The Global South / ed. by Th. G. Weiss, R. Wilkinson. New York: Routledge [Электронный ресурс]. URL: <https://www.routledge.com/International-Organization-and-Global-Governance/Weiss-Wilkinson/p/book/9781032210124> (дата обращения: 23.04.2025).

Keohane R. O. International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory. Chapter 6: International Organization. New York : Routledge, 1989.

Keohane R. O. Power and Governance in a Partially Globalized World. New York : Routledge, 2002.

Keohane R. O., Nye J. S. Transnational Relations and World Politics. Cambridge : Harvard University Press, 1972.

Keohane R. O., Nye J. S. Power and Independence. 2nd ed. Glenview : Scott Foresman, 1989.

Kumar R., Thomas B. BRICS in Global Governance: A Gradual but Steady Expansion // Governance and Politics. 2022. No. 1. Pp. 100–113.

Lissovlik Ya. D. BRICS-Plus: The New Force in Global Governance // Journal of International Analytics. 2023. No. 1. Pp. 138–148.

Local Governance and Development in Africa and the Middle East / ed. by Kh. Darmame, E. Ross. Cham : Springer, 2024.

Lopez-Claros A., L. Dahl A., Groff M. Global Governance and the Emergence of Global Institutions for the 21st Century. Cambridge : Cambridge University Press, 2020.

Nye J. S. Jr., Donahue J. D. Governance in a Globalizing World. Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 2000.

Sinclair T. J. Global Governance. New Jersey : John Wiley & Sons Limited, 2018.

Slaughter A.-M. A New World Order. New Jersey : Princeton University Press, 2005.

Yanano Mangani D. BRICS as a Catalyst for Global Governance Transformation: Beyond Western Perceptions // MGIMO Review of International Relations. 2024. No. 1. Pp. 46–64.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АСПЕКТЕ НЕОГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Махаматов Т. М.**

В статье исследуются вопросы, возникающие в процессе экстенсивного и интенсивного развития искусственного интеллекта, в появлении новых центров его разработки как факторов ускорения формирования качественно нового этапа глобализации – неоглобализации. Автором проводится социально-философский и глобалистический анализ аспектов проблемы превосходства искусственного интеллекта над человеческим мышлением, рассматривается его негативное влияние на интеллектуальное развитие подрастающего поколения, раскрываются границы возможности искусственного интеллекта, выявляются объективно-исторические факторы превосходства человеческого творческого мышления.

В статье подчеркивается необходимость регулирования процесса использования подрастающим поколением различных интеллектуальных игр и информационных средств. Автор считает разумным установление гибкого и разумного контроля общества над субъектами, производящими и использующими искусственный интеллект.

Ключевые слова: искусственный интеллект, неоглобализация, человеческое мышление, границы искусственного интеллекта.

PROBLEMS OF THE EVOLUTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ASPECT OF NEOGLOBALIZATION

The article examines the issues arising in the process of extensive and intensive development of artificial intelligence, in the emergence of new centers for its development as factors accelerating the formation of a qualitatively new stage of globalization – neoglobalization. The author conducts a socio-philosophical and globalistic analysis of aspects of the problem of the superiority of artificial intelligence over human thinking, considers its negative influence on the intellectual development of the growing generation, reveals the boundaries of the possibility of artificial intelligence, identifies objectively-historical factors of the superiority of human creative thinking.

* **Для цитирования:** Махаматов Т. М. Проблемы эволюции искусственного интеллекта в аспекте неоглобализации // Век глобализации. 2025. № 3. С. 85–92. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.07.

For citation: Makhamatov T. M. Problems of the Evolution of Artificial Intelligence in the Aspect of Neoglobalization // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 3. Pp. 85–92. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.07 (in Russian).

** Махаматов Таир Махаматович – д. ф. н., профессор Финансового университета при Правительстве РФ, член Российской экологической академии. E-mail: makhamatov.tair@mail.ru.

Tair M. Makhamatov – Dr. Phil., Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation, member of the Russian Ecological Academy. E-mail: makhamatov.tair@mail.ru.

gence over human thinking, examines its negative impact on the intellectual development of the younger generation, reveals the limits of the possibilities of artificial intelligence, and identifies objective and historical factors of the superiority of human creative thinking.

The article emphasizes the need to regulate the process of using various intellectual games and information tools by the younger generation. The author considers it reasonable to establish flexible and reasonable control of society over subjects producing and using artificial intelligence.

Keywords: *artificial intelligence, neoglobalization, human thinking, boundaries of artificial intelligence.*

Введение

Особенность диалектики глобального человечества такова, что те или иные научно-технические открытия, технологические достижения не могут долго оставаться, как было на начальном этапе истории глобализации, в одном центре мирового сообщества. Как обоснованно считают в своих исследованиях многие авторы ведущего научного журнала «Век глобализации», глобализация является объективно-историческим феноменом, а не результатом «происков» определенного круга политиков и монополистов [Чумаков 2014; 2023; Леонова 2024]. Однако долгое время она имела единый господствующий финансово-экономический, военно-политический и технологический центр своего воспроизводства, расширения, углубления и развития [Гринин 2016; Гребнев 2023]. В период существования СССР и социалистического лагеря реальность такого положения скрывалась за фасадом двуполярности Мир-Системы. Падение мировой социалистической системы обнажило, что действительный центр формирования и воспроизводства находится на Западе. Потому и до начала 2000-х гг. глобализация явно носила прозападный и однополюсный характер.

Как учит теория диалектики, все общественные образования изменяются во времени, переходят с одного этапа своего развития на другой. Так и у процесса глобализации наблюдается формирование нового исторического этапа, что можно характеризовать как *неоглобализацию* [Махаматов 2017]. Свидетельством рождения неоглобализационного этапа современности можно считать происхождение качественно новых международных процессов. Ярким примером такого процесса выступают, во-первых, быстрый количественный и качественный рост экономики Китайской Народной Республики и Республики Индии, постепенное возрождение Российской Федерации; во-вторых, создание таких международных образований качественно нового типа, как ШОС, БРИКС, ЕврАзЭС, что приводит к формированию новых финансово-экономических и научно-технических центров. Превращение современной Мир-Системы в многополюсное и многоцентричное образование, постепенное приобретение некоторыми суверенными государствами субъектности в мировой политике также свидетельствуют о процессе рождения качественно нового этапа глобализации – этапа *неоглобализации* (Махаматов, Сиддигов 2024).

Но один из важных факторов воспроизводства процесса глобализации – отрасль цифровых технологий и эволюция искусственного интеллекта (ИИ) – все еще остается в сфере господства прежнего, западного мира, хотя и в данной области уже начинается острая конкурентная борьба между Западом и Востоком. Тот

факт, что в Китае уже создан искусственный интеллект DeepSeek и его появление обрушило капитализацию ведущих американских технологических компаний на триллионы долларов всего за один день, кроме финансового аспекта имеет еще и другой глобальный аспект – ускоренную потерю Западом своего господства и в этой сфере [Tyni *et al.* 2024]. Создание Китаем уникального и оригинального искусственного интеллекта DeepSeek означает начало рождения нового технологического центра глобализации, упрочение многополярного неоглобализационного этапа развития человечества. Но следует учесть: конкуренция в области ИИ будет усиливаться, что означает большую вероятность появления новых центров создания и развития искусственного интеллекта и то, что данная область превращается в стратегическую задачу глобализационных центров стран современности. В скором времени аналогичными центрами могут стать Россия, Индия, Белоруссия, Иран и другие государства незападного мира. Такой процесс свидетельствует, что искусственный интеллект, его совершенствование, будучи важнейшим аспектом глобализации, превращается также в фактор интенсификации перехода к этапу неоглобализации. Ускоряется процесс развития и расширения искусственного интеллекта не только как новая сфера бизнеса, но и как новая форма гонки вооружений.

Интенсивное проникновение искусственного интеллекта во все сферы общественной жизни, появление различных сценариев возможного господства ИИ над человеком [Розин 2024], уже наблюдаемый процесс интеллектуальной деградации подрастающего поколения людей свидетельствуют о превращении последствий искусственного интеллекта в проблему для всего глобального человечества. Соответственно, требуется углубленное системное философское исследование всех аспектов искусственного интеллекта, как положительных, так и негативных для человечества в его эволюции.

Актуальность проблемы развития интеллектуальных технологий особенно ярко стала проявляться в сфере гонки вооружений. Реальная практика глобального мира, военные столкновения в разных регионах мира, в том числе и СВО, демонстрируют широкое использование сторонами достижений искусственного интеллекта против друг друга на поле боя и не только. Этот факт свидетельствует о том, что хотя возможное господство ИИ над человеком и фантастика, но реальность заключается в превращении искусственного интеллекта в мощную военную силу. Как отмечает А. Л. Гринин, «можно предполагать, что в ближайшие десятилетия роль технологий и накал технологической борьбы вырастут: а) в связи с уже ускорившимся технологическим прогрессом в ряде направлений, таких как ИИ, БПЛА и др.; б) приближающейся технологической волной (завершающейся фазой кибернетической революции, которая может начаться в 2030-е гг.; предполагаемым активнейшим внедрением самоуправляемых систем во все сферы жизни); в) усилением борьбы за пересмотр мирового порядка» [Гринин 2024: 61].

Однако феномен искусственного интеллекта и его эволюция имеет не только технологическое, военное, коммерческое, но и глобальное гуманитарное значение и последствия, что актуализирует комплексное философское исследование его сущности, сравнительного анализа человеческого мышления и ИИ. Возникает объективная потребность и необходимость во внимательном и кропотливом исследовании интеллектуально-антропологических, нравственно-этических и экзи-

стенциальных последствий для будущего человечества интенсивного и экстенсивного развития ИИ.

Границы возможности искусственного интеллекта

При философском анализе эволюции искусственного интеллекта как глобального феномена борьбы с человеческим разумом следует в очередной раз подчеркнуть, что *искусственный интеллект есть продукт человеческих рук и разума*, продукт, созданный как ответ на запрос практической потребности в ускорении умственной деятельности человека [Махаматов 2019]. В этом смысле, как и любая машина, искусственный интеллект есть *лишь совершенная машина*, облегчающая умственный труд человека. Границы возможностей ИИ заключаются в том, что, будучи созданной человеком машиной, он не может выйти из-под контроля человека, *его программу, не говоря уже о его материальном бытии, создает человек, коллектив людей*. «Умная машина» может превосходить интеллектуальную возможность *отдельно взятого человека*, однако остается ниже уровня высших достижений глобальной фундаментальной науки, ниже интеллекта «совокупного человека». Границы возможностей ИИ определяются также степенью развития фундаментальных наук и технологий современного человечества в целом [Чумаков, Оуян Кан 2024].

Ограниченность искусственных когнитивных творений человечества заключается еще и в отсутствии в них *человеческих эмоций, интуиции, фрейдовского подсознательного; в них нет и не может быть озарения, азарта и экзистенции, что есть в процессе мыслительной деятельности человека*. Человек является в первую очередь экзистенциальным существом, имеющим внутренний мир переживаний, сомнений, страха, стыда. Каждый индивид имеет свое *субъективное* этическое, эстетическое и эмоциональное восприятие внешнего мира, что влияет на творческий потенциал человека, чего нет и не может быть у ИИ. Любой человек как живое биологическое существо может болеть, уставать, допускать ошибки из-за невнимательности или усталости и, естественно, в этом отношении уступает машине. Однако, как отмечают И. А. Канаев и Э. Д. Дряева, «переживание любого опыта (чувства, эмоции, волнение и пр.) формирует субъективную реальность и тем самым изменяет адаптивную приспособленность организма. При этом даже наличие специализированной системы сохранения информации не является необходимым, так как любой акт взаимодействия со средой может изменить структуру тела и субъективной реальности, тем самым влияя на будущее поведение [Канаев, Дряева 2024: 79]. Данная особенность придает преимущество человеческому разуму перед машинным разумом, каким бы он ни был совершенным, и исключает возможность возрождения антирационализма в его новой редакции.

Проводя сравнительный анализ менталитета человека и искусственного интеллекта, Е. М. Николаева, М. С. Николаев, В. С. Васильева также отмечают, что «такие характеристики, как неопределенность, незаурядность, эмоциональность, спонтанность, отличают именно человеческую коммуникацию, в этом смысле алгоритму превзойти человека довольно трудно. Для нейросети данные задачи непосильны, ибо невозможно научить компьютер тому, чему сам человек еще не может дать объяснение, и неизвестно, сможет ли» [Николаева и др. 2024: 154]. Ответить можно, но формализовать и включить данную особенность человеческой

психики в программу ИИ невозможно, ибо она у каждого человека индивидуальна и динамична. Как пишет П. ван дер Мэйд, «считается, что нейронная сеть основана на том, как функционирует человеческий мозг, однако это далеко от истины. Мозг намного сложнее и эффективнее нейронных сетей. Мозг обладает осознанностью, воображением, изобретательностью и креативностью, которых нет в нейронных сетях. Мозг также динамичен и состоит из специализированных клеток, называемых нейронами. ...Нейронные сети, ответственные за все... впечатляющие результаты, не осознают, что они делают. Нет никакой осведомленности, только вычисления» [van der Made 2023: 1, 2].

Следует отметить еще и социальную природу человека, влияние социальной среды на человеческое творческое мышление, на процесс формирования коллективного мышления, момент соревновательности, чего также не может быть у ИИ. Каждая социальная среда уникальна, динамична, непостоянна и противоречива, что также влияет на творчество исследовательского коллектива и на каждого его представителя. Такую ситуацию также невозможно запрограммировать и внести в память машинного мышления.

Немаловажный фактор переоценки роли ИИ, можно сказать, мифа о возможности господства ИИ над человеком, искусственного интеллекта над человеческим мышлением, заключается, *во-первых*, в господствующей парадигме в понимании человека [Глазьев 2024]. Рассмотрение человека в основном как создателя прибавочного продукта, как производительной силы, как субстанции интеллектуального капитала и потребителя преобладает в современной экономической мысли и сильно сужает и в какой-то мере искажает комплексное понимание человека как высшей ценности. При таком понимании человека его существенные особенности, прежде всего творческая сущность человеческого мышления, остаются вне поля зрения теоретиков, создателей искусственного интеллекта и исследователей связанных с ИИ проблем [Резаев, Трегубова 2022].

Во-вторых, за мифом о возможности господства ИИ над человеком скрывается недооценка, принижение сущности человеческого разума, наподобие скептицизма Д. Юма. Так называемая концепция возможности господства искусственного интеллекта заслоняет проблему ответственности субъектов, управляющих машинами с искусственным интеллектом, определяющих цели и направления их действий. Использование нашими бойцами и украинской стороной БПЛА, «умных» коптеров, боевых ракет HIMARS, беспилотных катеров в зоне СВО демонстрирует, что цели и задачи действий этих умных машин определяются человеком, действия которого зависят от его религиозных и нравственных ценностей, от жизненной позиции. Каков субъект управления, таков и результат действий искусственного интеллекта.

Превосходство человека над ИИ заключается также в том, что, в отличие от умнейших машин, человек не только решает, но и обнаруживает новые проблемы, определяет ранее неизвестные цели и задачи творческого поиска.

Негативные последствия искусственного интеллекта и борьба с ними

Глобальное развитие и совершенствование ИИ, усиление его влияния на образ мышления и жизни людей, расширение виртуального пространства приводят к усилению одиночества, экзистенции индивидов. В глобальном масштабе проис-

ходит ограничение социальности человека, его атомизация. Не без влияния интеллектуальных информационных технологий сознание у подрастающего поколения становится клиповым [Гиренок 2016], формируется психология скрытой агрессии, расширяются и умножаются способы киберпреступности. Происходит искривление человеческой природы, падение интеллектуального уровня большей части подрастающего поколения, наблюдается постепенная утрата ценности духовных, нравственных и эстетических аспектов в человеческом бытии. Новое поколение уже научилось с помощью программ искусственного интеллекта и без интеллектуальных усилий подготовить дипломную работу, представить диссертацию, что приводит к падению ценности научной работы.

ИИ в области искусства и художественной культуры наряду с позитивной ролью постепенно начинает выхолащивать сущность *человеческого* творчества, субъективного фактора в искусстве. Снятие художественных фильмов с участием искусственно возрожденных уже ушедших из мира сего актеров, представление музыкальных произведений, написанных искусственным интеллектом, принижают суть искусства как выражения духовного мира *конкретного* человека.

Эти негативные последствия пока не очень заметны, ибо использование достижений ИИ пока еще выглядит как умение его использовать для оперативного нахождения нужной информации. Хотя следует отметить, что отечественные и зарубежные психологи, педагоги и вузовские преподаватели начали обращать внимание на негативные изменения в психологии молодежи.

Другая опасность эволюции ИИ заключается в том, что происходит сужение круга людей, *программирующих и контролирующих* работу этих машин, что позволяет этому кругу людей в своих интересах держать под своим контролем экономику, политику и военную сферу как в своих странах, так и во всем мире. В результате формирования такого круга людей в технологически развитых странах происходит *социальное расслоение населения* на интеллектуально развитых, креативных, высокообразованных научно-технологических управляющих и пассивных, управляемых и послушных узкообразованных исполнителей со слабо развитым и ограниченным способом творческого мышления. В таком свете эволюция технологии искусственного интеллекта выглядит как самоотрицание человека, отчуждение им своей сущности, основным компонентом которой является критическое мышление. Процесс ослабления и ограничения непосредственной социальной коммуникации между индивидами усиливает экзистенцию индивидов, приводит к духовным кризисам и суицидам.

Вышеуказанный медленно и неумолимо происходящий глобальный процесс в области применения достижений искусственного интеллекта является результатом преобладания в развитых странах, во-первых, сциентистско-технологического мировоззрения и, во-вторых, снижения и сужения нравственно-этического сознания правящих кругов развитых стран Запада в сочетании со слабостью критического мышления большинства населения [Алексеева 2024]. В философии возрождается антирационализм нового типа, в массовом общественном сознании усиливается иррационализм, что проявляется в образовании различных псевдорелигиозных сект, в возрастании влияния магов, колдунов, гадалок и т. п. [Алексеев, Алексеева 2025].

В данном случае расширение и усиление гибкого и психологически продуманного государственного и общественного надзора за созданием программ искусственного интеллекта и использования соответствующей продукции, смена основной парадигмы бизнеса и повышение цифровой образованности населения смогут смягчить последствия развития и расширения когнитивных технологий.

Заключение

Тормозить или останавливать развитие различных аспектов нейронных сетей, являющихся сущностной основой искусственного интеллекта, бессмысленно и, кроме вреда, ничего не даст. Наша страна уже проходила через такую практику в виде объявления генетики лженаукой. Дальнейшие исследования сущностных аспектов искусственного интеллекта могут привести к появлению *искусственного интеллекта общего назначения (artificial general intelligence, AGI)*, «священного грааля искусственного интеллекта». При разумном его использовании в мирных целях человечество выиграет от развития ИИ, от появления AGI, которые придадут импульс новому этапу глобализации науки, экономики, культуры, будут способствовать расширению глобальных контактов людей, повысив уровень изобретательности и безопасности человека [van der Made 2023]. Эта задача носит глобальный характер, и решить ее сможет только глобальное человечество, сочетая развитие искусственного интеллекта с повышением нравственной ответственности ученых и пользователей, развивая общеобразовательный уровень граждан. Выполнение данной задачи является глобальной ответственностью современного и будущего человечества.

Литература

Алексеев А. П., Алексеева И. Ю. Судьба интеллекта и миссия разума: философия перед вызовами эпохи цифровизации. М. : Проспект, 2025.

Алексеева И. Ю. Этика искусственного интеллекта как прикладная этика // Философия и общество. 2024. № 3. С. 69–85. DOI: 10.30884/jfio/2024.03.06.

Гиренок Ф. И. Клиповое сознание. М. : Проспект, 2016.

Глазьев С. Ю. О вызовах экономическому развитию России и ЕАЭС в условиях структурных изменений Мир-Системы // Век глобализации. 2024. № 4(52). С. 3–19. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.01.

Гребнев Р. Д. Теоретические и методологические аспекты регионализации многополярного мира // Век глобализации. 2023. № 3(47). С. 78–89.

Гринин А. Л. Борьба за новый мировой порядок: технологическое измерение. Статья вторая. Военно-космические, кибернетические и иные аспекты технологического соперничества // Век глобализации. 2024. № 2(50). С. 47–64. DOI: 10.30884/vglob/2024.02.04.

Гринин Л. Е. Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Ст. 2. Возможности и перспективы формирования нового мирового порядка // Век глобализации. 2016. № 2. С. 3–18.

Канаев И. А., Дряева Э. Д. Междисциплинарное исследование эволюции человеческого сознания в контексте глобализации // Век глобализации. 2024. № 4. С. 76–85. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.06.

Леонова О. Г. Деглобализация versus глобализация // Век глобализации. 2024. № 2(50). С. 3–19. DOI: 10.30884/vglob/2024.02.01.

Махаматов Т. М. От эпохи глобализации к неоглобализации: культурно-цивилизационный аспект // Век глобализации. 2017. № 4(24). С. 55–61.

Махаматов Т. М. Философские основания искусственного интеллекта // Вестник Финансового университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2019. Т. 9. № 4(40). С. 52–56.

Махаматов Т. М., Сиддиков И. Б. Неоглобализация, суверенитет и субъектность государства // Век глобализации. 2024. № 4(52). С. 110–118. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.09.

Николаева Е. М., Николаев М. С., Васильева В. С. Человек и искусственный интеллект: перспективы и риски биолого-кремниевой коллаборации // Век глобализации. 2024. № 2(50). С. 151–159. DOI: 10.30884/vglob/2024.02.12.

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. «Эмоциональный утилитаризм» и пределы развития искусственного интеллекта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 4–23. DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.2127.

Розин В. М. Может ли искусственный интеллект подчинить человека? // Философские науки. 2024. № 67(3). С. 7–26. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-3-7-26.

Чумаков А. Н. О глобализации с объективной точки зрения // Век глобализации. 2014. № 2(14). С. 39–51.

Чумаков А. Н. Глобализация или деглобализация? // Век глобализации. 2023. № 3(47). С. 19–34.

Чумаков А. Н., Оуян Кан. Диалог о глобализации, культуре и цивилизации // Век глобализации. 2024. № 1(49). С. 3–22.

Tyni J., Turunen A., Bednarik R., Kahila J., Tedre M. Can ChatGPT Match Experts? Comparing Input for Serious Game Development // International Journal of Serious Games I. 2024. Vol. 11. No. 2. Pp. 87–106. DOI: 10.17083/ijsg.v11i2.744.

Van der Made P. The Future of Artificial Intelligence // Forbes. 2023. April 10. URL: <https://www.forbes.com/councils/forbestechcouncil/2023/04/10/the-future-of-artificial-intelligence/> (дата обращения: 15.04.2025).

ЦИФРОВЫЕ ДИАСПОРЫ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Лошкарёв И. Д.**

В статье рассматриваются основные направления трансформации идентичности диаспор в условиях использования ими цифровых (прежде всего коммуникационных) технологий. Новые формы трансграничной мобильности обуславливают появление новых характеристик рассматриваемого феномена, которые получили название цифровой диаспоры. Задача исследования – определить особенности и тенденции развития идентичности цифровых диаспор (сообществ с диаспоральной идентичностью, вовлеченных в использование цифровых технологий). С точки зрения исторических мифов и основополагающих представлений, идентичность цифровых диаспор подвергается противоречивым тенденциям консолидации-фрагментации, сохранения-упрощения, традиционализации-креолизации, длительного и краткосрочного воздействия цифровых технологий. Результатом этого становится постепенная гибридизация идентичности цифровых диаспор, которая усиливает их адаптивность в сложной коммуникативной среде и позволяет сохранять общую конкурентоспособность диаспоральной идентичности среди иных разновидностей идентичности. С точки зрения образа территории происхождения и контактов с реально функционирующей страной исхода, идентичность цифровых диаспор характеризуется размыванием ряда социальных границ – между диаспорой и территорией происхождения, между диаспорой и иными сообществами мигрантов. В этой связи идентичность цифровых диаспор способствует размыванию пространств через феномены соприсутствия и частичной детерриториализации. Таким образом, цифровые диаспоры усиливают эффекты «неглобальной глобализации», расширяя охват локальных взаимодействий трансграничных сообществ.

Ключевые слова: цифровая диаспора, идентичность, гибридность, детерриториализация, цифровые технологии.

DIGITAL DIASPORAS: IDENTITY DEVELOPMENT TRENDS

The article examines the main directions of transformation of diasporas' identity in the context of their use of digital (primarily communication) technologies. New forms of transborder mobility determine the emergence of new characteristics

* **Для цитирования:** Лошкарёв И. Д. Цифровые диаспоры: тенденции развития идентичности // Век глобализации. 2025. № 3. С. 93–105. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.08.

For citation: Loshkaryov I. D. Digital Diasporas: Identity Development Trends // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 3. Pp. 93–105. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.08 (in Russian).

** Лошкарёв Иван Дмитриевич – к. полит. н., доцент кафедры политической теории МГИМО МИД России. E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com.

Ivan D. Loshkaryov – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Theory at MGIMO University. E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com.

of the phenomenon under consideration, which are called digital diaspora. The objective of the study is to determine the features and trends of identity development of digital diasporas (communities with diasporic identity involved in the use of digital technologies). As to the point of view of historical myths and fundamental ideas, the identity of digital diasporas is subject to contradictory tendencies of consolidation-fragmentation, preservation-simplification, traditionalization-creolization, long-term and short-term impact of digital technologies. The result of this is a gradual hybridization of the identity of digital diasporas, which enhances their adaptability in a complex communication environment and allows maintaining the overall competitiveness of diasporic identity among other types of identity. As to terms of the image of the territory of origin and contacts with a really functioning country of origin, the identity of digital diasporas is characterized by the blurring of a number of social boundaries such as between the diaspora and the territory of origin, between the diaspora and other migrant communities. In this regard, the identity of digital diasporas contributes to the blurring of spaces through the phenomena of co-presence and partial deterritorialization. Thus, digital diasporas enhance the effects of "non-global globalization", expanding the scope of local interactions of transborder communities.

Keywords: *digital diaspora, identity, hybridity, deterritorialization, digital technologies.*

В последние десятилетия произошли качественные изменения в средствах коммуникации. Укоротилось время установления связи, добавились новые формы взаимодействия (например, видеозвонки, коллективные виртуальные собрания), расширился доступ к разного рода функциональным приложениям, которые позволяют использовать многочисленные цифровые технологии (чат-боты, онлайн-переводчики, хостинговые платформы и пр.). В результате возникла принципиальная возможность вступления в опосредованные сетевые взаимодействия «здесь и сейчас». То есть исчезает или подвергается существенной угрозе важная социальная и политическая характеристика удаленности, поскольку географическая, социальная, культурно-лингвистическая дистанция между индивидами неуклонно сокращается [Трегубова 2020: 410]. Безусловно, социальные и политические практики продолжают оставаться офлайн, а многочисленная инфраструктура цифровых взаимодействий по-прежнему обеспечивается физически существующими объектами – вышками, кабелями, серверами и людьми – операторами конкретных поставщиков услуг связи. Тем не менее новые формы взаимодействия (короткие сообщения, блогерская активность, закрытые групповые чаты, тематические сообщества в социальных сетях) все больше становятся центральным элементом социальной коммуникации, способствуют формированию более многообразных и нередко неожиданных горизонтальных связей, интенсифицируют обмен идеями, опытом и нормативными представлениями [Schrooten 2012].

Постепенное появление идеал-типического *Homo numericus* затрагивает и социальные группы, воспроизводство которых напрямую зависит от поддержания чувства общности и коллективной идентичности. Цифровые технологии позволяют группам создавать новые формы повседневной социальности – самоорганизовываться путем комбинирования онлайн-пространств и офлайн-взаимодействий, артикулировать свои интересы и искать способы их реализации, находить

дискурсивные рамки описания ситуаций и варианты их включения в более широкую общественную дискуссию (или же изолироваться от нее) [Postill 2008]. В полной мере это относится к диаспорам – транснациональным сообществам мигрантов, поддерживающим материальные и эмоциональные связи с территорией (страной) происхождения и одновременно адаптирующимся к культурным, экономическим и политическим условиям принимающего общества. Особенность данного типа социальных групп заключается в попытке выстроить социальную связанность на основе идеи возвращения на родину (хотя бы в декларативной, опосредованной форме) и сохранения отдельных существенных элементов коллективной идентичности [Лошкарёв 2015]. Таким образом, поддержание и воспроизводство диаспор происходит одновременно внутри коммуникативного пространства, где транслируются и реинтерпретируются мифы о территории происхождения и важнейших культурных отличиях, – и снаружи, во взаимодействии с принимающим обществом и другими формами идентичности (региональные и локальные, профессиональные, связанные с занятостью и профессиональной деятельностью). То есть в рамках диаспор постоянно происходит диалог по поводу политических, социальных, культурных различий и сходств [Bailey 2012: 22].

В современных условиях использование представителями диаспор цифровых технологий (прежде всего это Интернет и доступные через него коммуникационные платформы) ведет к появлению так называемых цифровых диаспор. Это достаточно размытое понятие, которое может обозначать как некое виртуальное сообщество, основанное на диаспоральной идентичности, так и методологическую необходимость исследовать диаспоры с помощью онлайн-инструментов. В первоначальном значении цифровые диаспоры все-таки подразумевали определенные (преимущественно коммуникативные) качества самих диаспор, новые формы трансграничной мобильности и получения социального капитала [Волков, Курбатов 2020; Andersson 2019]. В зарубежной и отечественной науке в основном преобладает именно такая трактовка, которая позволяет рассматривать использование диаспорами и их представителями цифровых технологий с процессуальной точки зрения, в динамике. В зависимости от целей исследования содержательное наполнение процесса может различаться (адаптация, фрагментация, репрезентация и пр.) [Рязанцев и др. 2022]. Относительно недавно процессуальная трактовка цифровых диаспор стала включать в себя и оценку внешнего контроля над участниками онлайн-сообществ со стороны государств, крупных корпораций и даже искусственного интеллекта [Collins 2023]. В целом цифровые диаспоры знаменуют собой новое качество трансформации трансграничных социальных связей и, как следствие, конструирования идентичности. В таком случае важно понимать, каковы тренды и последствия развития этих новых характеристик.

Гибридизация диаспоральной идентичности

Ключевым элементом диаспоры как транснационального сообщества была и, по некоторым оценкам, остается особая идентичность, которая может базироваться на различных исторических мифах. В данных мифах может отражаться особая трудовая этика участников сообщества, имперское и постимперское самосознание, опыт коллективной травмы в прошлом (насильственное переселение, гражданская война на территории происхождения, природная катастрофа) и пр.

Оптимистичный взгляд на трансформацию идентичности диаспор заключается в том, что наиболее противоречивые элементы идентичности со временем утрачивают свою актуальность, уступая место позитивной повестке дня, связанной с общим будущим и коллективным успехом в стране пребывания [Cohen 1996]. Соответственно, прогресс в сфере коммуникации должен ускорять этот процесс и способствовать конструированию новых мифов среди диаспор и их участников. В частности, Дж. Бринкерхофф отмечала, что цифровые технологии влияют на ключевые компоненты идентичности диаспор. Во-первых, за счет низкого порога вступления в коммуникацию происходит длительное и политически мобилизующее обсуждение и переосмысление острых вопросов исторической памяти и национальных мифов. Во-вторых, из-за неиерархичного и ненасильственного характера коммуникации повышается (безусловно, нелинейным образом) привлекательность «коренных», исконных факторов идентичности – традиционной религии, этнического языка, обрядов и повседневных практик. Наконец, в-третьих, при использовании цифровых технологий формируются определенные правила получения «выгод солидарности», которые позволяют смягчать и адаптировать в рамках платформ коммуникации наиболее радикальные точки зрения, собрать в одном коммуникационном пространстве представителей разных сегментов диаспоры (поколенческих, региональных, конфессиональных, профессиональных), выработать общие подходы и цели. В дальнейшем «выгоды солидарности» трансформируются в материальные выгоды (например, за счет целевого сбора средств), что способствует закреплению диаспоры в качестве обособленного сообщества, меньшинства в стране (странах) пребывания [Brinkerhoff 2009: 33–36, 85–88].

Однако эта оптимистическая оценка сталкивается как минимум с четырьмя существенными возражениями. Во-первых, цифровые технологии способствуют упрощению содержательных аспектов коммуникации и выражению крайних и провокационных точек зрения (феномены блогерства, троллинга, мемов). В таких условиях сложные и полные смысловых компромиссов социальные конструкты просто не выдерживают конкуренции с простыми и часто забавно сформулированными тезисами. Все это способствует закреплению в публичном пространстве «банального национализма» – более грубой версии коллективных представлений, основанной на бессознательных ориентациях и маловосприимчивых к новым содержательным элементам (внешним символам, социальным практикам, мифам) [Szulc 2017]. По мнению С. Понзанези, всеохватность и мгновенность цифровых коммуникаций дают импульс отдельному аффективному измерению в конструировании идентичности диаспор – малая социальная дистанция и интенсивность обмена информацией обуславливают то состояние, в котором у участников диаспор часто нет времени на относительно долгосрочные практики принадлежности [Ponzanesi 2020: 988]. Так или иначе, переосмысление острых вопросов исторической памяти и национальных мифов в цифровом измерении нередко сводится к их упрощению и замещению эмоциональными оценками, что не способствует сглаживанию противоречий внутри и вокруг диаспор. В то же время упрощенные трактовки каких-либо проблем (например, в формате мемов или коротких видеосюжетов) могут вызывать большую эмоциональную привязанность, формировать устойчивую сопричастность вокруг отдельных сюжетов (нередко юмористического характера) и тем самым играть консолидирующую роль.

Во-вторых, далеко не однозначно значение онлайн-платформ для закрепления и воспроизводства исконных факторов идентичности, и прежде всего – языка. Среда взаимодействия в Интернете многоязычна и часто предполагает пересечение носителей различных языков. На практике это ведет к появлению вкраплений лексики одного языка в конструкции другого языка и нередко к появлению бытовых смешанных жаргонов и наречий, а со временем – так называемых пиджинов и креольских языков. Заимствование часто связано с переносом англоязычной терминологии из каких-либо узких отраслей знания (программирования, банкинга, дизайна, популярной музыки), однако в последнее десятилетие источники лингвистического переноса постепенно становятся более многообразными. Так или иначе, креолизация языка ведет к появлению языковых особенностей среди участников диаспоры и к нарастанию трений между коренными (хронологически ранними) и изобретенными в цифровой среде компонентами идентичности. Помимо процессов заимствования и формирования «транслингвистических» феноменов, на языковые практики в онлайн-коммуникации влияет возможность размещения фото- и видеоконтента (языковые компетенции, по большому счету, не требуются), а также машинный перевод (снижаются стимулы для глубокого освоения родного языка у мигрантов второго и последующих поколений) [Михеева 2014; Jasquemet 2019]. В более общем плане в цифровых диаспорах происходит лингвистическая изоляция, в рамках которой предпочтения индивидов и малых групп в форме выражения мыслей адаптируются в виртуальном пространстве с помощью механизмов пользовательских настроек, автоматического перевода, контекстного поиска и пр. Коммуникация в онлайн-формате способствует персонализации языка общения, а не использованию каких-либо общепринятых лексем и грамматических конструкций [Kelly-Holmes 2019]. В совокупности это дает основания сомневаться в том, что цифровые технологии способствуют воспроизводству исконных факторов идентичности, – ситуация отчасти обратная.

В-третьих, можно поставить под сомнение длительность воздействия онлайн-коммуникации и других платформенных решений на повседневные практики и конструирование идентичности диаспор. По большому счету, любые цифровые сообщества существуют непродолжительное время, переживают всплеск интереса и популярности, а затем постепенно сменяются другими сообществами. Причин этому много – трансформация экономических предпочтений, конкуренция сообществ и их медийных фигур, развитие новых онлайн-платформ и информационных стартапов, феномен «диаспорального каннибализма» (перерастание дискуссии в продолжительную серию взаимных оскорблений и личных выпадов) [Белоруссова 2021]. Так или иначе, воздействие конкретного набора алгоритмов и коммуникационных возможностей может изменить какие-то повседневные практики, но из-за смены используемых платформ и приложений его продолжительности недостаточно, чтобы преобразовать какие-то длительно существующие компоненты идентичности. Если продолжать логику данного аргумента, цифровые технологии де-факто не составляют какого-либо единого массива и характеризуются многоуровневостью и полицентричностью: участники диаспор используют разные уровни и элементы цифрового мира в зависимости от контекста событий, что позволяет сохранять исходные элементы идентичности – с возможной деформацией отдельных характеристик (политических, языковых, конфессиональных, бытовых) [Androutsopoulos, Lexander 2021].

Наконец, в-четвертых, многообразие цифровых технологий ведет к фрагментации диаспор, а не их консолидации вокруг «выгод солидарности». В эмпирическом плане наблюдается распределение использования различных платформ по профессиональным и возрастным группам. Например, занятость в высокооплачиваемых сферах деятельности обуславливает более активное использование Twitter¹ и LinkedIn², низкооплачиваемые работники скорее высказывают позицию на форумах информационных сайтов (в том числе диаспоральных СМИ). Вдобавок TikTok и Instagram³ привлекают молодежную аудиторию, в то время как более солидная по возрасту публика предпочитает Facebook, Telegram или Baidu Tieba. Иными словами, участники диаспоры сегментируются на различные аудитории, в которых формируются несходные доминирующие нарративы, «информационные пузыри» и взгляды на то общее, что формирует диаспору как сообщество [Bjola *et al.* 2022: 337–338].

В целом противоречивые тенденции консолидации-фрагментации, сохранения-упрощения, традиционализации-креолизации длительного и краткосрочного воздействия цифровых технологий способствуют формированию гибридной идентичности диаспор. Центральным элементом такой идентичности становится не коллективный миф сам по себе, а его трактовка с точки зрения открытости и закрытости сообщества. В рамках гибридной идентичности миф о происхождении и особых чертах сообщества поляризуется: одна крайность – чрезмерно размытая, инклюзивная трактовка принадлежности к диаспоре, вторая крайность – строгая, закрытая интерпретация состава диаспоры. В промежутке между этими полюсами идентичности – «мириады ниш», в которые вписывают конкретные локальные, профессиональные, поколенческие и другие сегменты диаспоры [Mihelj 2021: 339–340]. По мнению Ф. Адамсон, диаспоры могут доходить до такого уровня промежуточности в своих идентичностях, который «может подразумевать утрату интеграции» [Adamson 2012: 33]. Все же в условиях сложности данных тенденций происходит не окончательное размывание идентичности диаспор, а ее поступательное воспроизводство в условиях ускоряющейся коммуникации: гибридность идентичности – свидетельство ее устойчивости, а не слабости.

Цифровые диаспоры и территории происхождения

С идеологической точки зрения активистам диаспоры свойственно продвигать какие-то варианты постулатов об общности, группности, обособленности соответствующих сообществ. Ключевую роль в этих идейных конструкциях занимает территория происхождения – ее политический статус, благосостояние, религиозная и/или этнокультурная динамика. Ради достижения субъективно ощущаемого уровня развития пространства исхода участники диаспоры нередко обращаются к широкому кругу политических действий – от сборов помощи до протестов и организованного лоббизма. С содержательной точки зрения националистическая мобилизация может принимать разные формы, в том числе крайне радикальные, при которых национализм диаспоры оказывается намного более нетерпимым и анахроничным по сравнению с националистическими представлениями на тер-

¹ Социальная сеть запрещена на территории Российской Федерации.

² Деловая сеть запрещена на территории Российской Федерации.

³ Социальная сеть запрещена на территории Российской Федерации.

ритории происхождения [Лошкарёв и др. 2018]. Однако, с учетом гражданских войн и вооруженных конфликтов, национализм диаспор нередко становился источником вдохновения для идентичностных трансформаций и политической реконфигурации на пространстве исхода (Израиль, Ирландия, Сомали). В случае неудачи в реализации политических проектов, основанных на национализме диаспор, формируется набор альтернативных национализмов, которые отличаются по степени признания статус-кво на территории происхождения. Тем самым националистическая мобилизация диаспор становится конкурентной и более зависимой от ресурсов, имеющихся в распоряжении диаспоральных организаций (тамилы, курды, сикхи) [Adamson 2012].

Важнейшим результатом появления цифровых технологий стала диаспоризация ранее неконсолидированных категорий мигрантов. Использование онлайн-платформ и коммуникационных ресурсов обуславливает появление «функциональных блоков социальных медиа» – объединений людей по принципу общности проблем, схожести жизненного опыта, местонахождения [Kietzmann *et al.* 2011]. Тем самым возникает цифровая связность – индивиды, ранее не осознававшие себя как похожие и имеющие что-то общее, приходят к ощущению сообщества, принадлежности к группе. Эта характеристика укрепляется за счет повседневного обмена информацией, взаимопомощи, даже опыта совместных неудач. В результате интенсивной коммуникации становятся более четкими идеи и культурные символы, которые разделяются индивидами. Так появляются диаспоральные цифровые сообщества – принципиально новая форма сообщества мигрантов, которые до вступления в коммуникацию в рамках «функционального блока» не осознавали себя в качестве диаспоры и не подпадали под важнейшие критерии диаспор (например, не стремились к возвращению на родину или рассматривали свое пребывание за рубежом как временное) [Marino 2015].

Результатом того, что все новые и новые сообщества мигрантов начинают воспринимать себя в качестве диаспор из-за использования цифровых технологий, стало возникновение представлений о территориях происхождения, которые опираются на идеализацию прошлого, ностальгию по каким-то повседневным практикам, привязку к определенным местам и группам на территории происхождения. Если у большинства участников диаспоральных цифровых сообществ нет возможности оказаться на родине, сократить дистанцию между онлайн-дискурсом и реальными социальными процессами в стране исхода, то возникают основания для появления «нации внутри нации»: диаспоральные цифровые сообщества конструируют нереалистичные образы родины. Подобная детерриториализация пространства происхождения становится еще большей проблемой для мигрантов во втором поколении, у которых нет непосредственного опыта пребывания на родине и которым сложно воспринимать информацию, противоречащую сложившемуся дискурсу диаспоры [Alinejad 2011].

В последнее время за счет видеохостингов, видеосвязи и увеличения объемов передаваемой информации данный разрыв может немного сглаживаться, однако набирает обороты и противоположная тенденция – нередко ретерриториализация происходит уже в стране пребывания. То есть участники мигрантских сообществ с диаспоральной идентичностью становятся более заметной частью повседневной жизни в местах проживания – их традиционные церемонии и праздники, знаковые

политические и социальные мероприятия происходят в публичных пространствах (с последующей трансляцией и фотоотчетами в социальных сетях) [Kang 2009]. Иными словами, действительная территория происхождения утрачивает значение, поскольку частично воспроизводится на новом месте с помощью социальных практик, возникших на основе цифровых технологий (прежде всего коммуникационных).

В подобных условиях для государств происхождения значительно усложняется возможность взаимодействия с подобными сообществами мигрантов, поскольку любое столкновение сконструированного образа родины с более прозаичными ее реалиями становится травматичным, ведет к отторжению и поиску альтернативных вариантов определения связи диаспоральной идентичности с более масштабными родственными этнокультурными и религиозными идентичностями. В ряде случаев репрезентация оказывается сильнее социальной конфигурации [Marlowe 2020]. Поэтому новоявленные диаспоры и государства происхождения фактически оказываются в разных пространственно-временных плоскостях: диаспора – ориентируется на идеализированное прошлое и воспроизводство родины на новом месте в ограниченных формах, государство исхода – не меняет своего географического положения и постепенно развивается, находясь в переходном состоянии от настоящего к будущему.

В отношении диаспор с длительным периодом существования (классические и возникшие в эпоху промышленной революции XIX – начала XX в. [Кондратьева 2009]) отмечается другой тренд. Под влиянием цифровых технологий взаимоотношения данного типа диаспор со странами происхождения несколько трансформируются. Как выразилась Д. Дименеску, правило «двойного отсутствия» (физического – на родине, социально-культурного – в государстве пребывания) больше не работает – главным образом потому, что представителей диаспоры уже сложно описать как утративших сопричастность с территорией происхождения. Цифровые технологии интенсифицировали поддержание связей с родственниками и соотечественниками – теперь это процесс в реальном времени, не зависимый от ограничений по длительности и содержанию контактов (в отличие, например, от принятых ранее форматов личной переписки или междоустанковых телеграмм). Поэтому в рамках цифровых диаспор возникла возможность сопричастности, нахождения «там и здесь», смешения социальных контекстов из разных географических локаций [Diminescu 2008]. То есть в классической дефиниции диаспоры возникает важная поправка с точки зрения перспектив возвращения на территорию происхождения – оно может происходить в виртуальной или смешанной форме, что снижает потребность в физическом (офлайн) возвращении.

Примечательно, что слом «двойного отсутствия» приводит к более активному вовлечению диаспор в процесс конструирования не только своей идентичности, но и идентичности страны происхождения (кроме так называемых безгосударственных диаспор). Цифровые технологии позволяют представителям диаспор заимствовать опыт друг друга в формулировании каких-либо идейных конструктов (например, отношения к значимому Другому), конкурировать в притязаниях на легитимность трактовки определенных исторических мифов, самостоятельно выступать от имени страны происхождения. Важнее всего, что теперь эти процессы протекают в привязке к повседневной динамике идентичности в государстве

исхода [Diminescu, Loveluck 2014]. То есть цифровые технологии позволяют представителям диаспоры напрямую участвовать в культурных и политических событиях – через онлайн-голосования, флешмобы, видеоконференции и пр.

Безусловно, данный тренд размывания границ национальной (страны происхождения) и транснациональной (диаспоральной) идентичностей имеет структурные ограничения. Дело в том, что цифровые технологии не имеют своей непосредственной целью облегчение коммуникации индивидов, их задача – приносить владельцам и разработчикам прибыль. Соответственно, ряд обстоятельств их использования просто предопределяют сегментацию пользователей, создание отношений включения-исключения, формирование разрывов в доступе. Например, различная скорость доступа к Интернету обуславливает обращение к разным коммуникационным платформам (простой обмен сообщениями доступен на меньшей скорости, чем устойчивая видеосвязь). Среди других возможных структурных ограничений – цветовые и дизайнерские решения, настройки языка в приложении, наличие платных функций, условия совместимости с различными устройствами (например, с моделями мобильных телефонов) [Laguerre 2010: 51–55]. Тем не менее данные факторы нередко не в состоянии переломить стремление к получению актуальной информации и саморепрезентации современных *Homo numericus* в диаспоре.

Несколько противоположные процессы развиваются с идентичностями безгосударственных диаспор – таких сообществ, чья территория происхождения входит в состав одного или нескольких культурно чуждых государств (например, доминируют другой этнос или религия). Еще в доцифровые времена идентичность таких диаспор строилась на жестком противопоставлении политическим институтам на территории пребывания, на идеях защиты своих сородичей от «пришлого» или внешнего по отношению к ним управления. В современных реалиях коммуникационные технологии только усиливают противоречия, давая участникам диаспор дополнительные возможности фиксировать приверженность своей культуре, сохранять и воспроизводить языковые и религиозные практики, остро ставить вопрос о правах и статусе своих родственников в стране исхода [NurMuhammad *et al.* 2016; Singh 2014]. Если позволяют ресурсы, безгосударственные диаспоры могут организовывать протестные акции и массовые мероприятия с осуждением конкретных политических шагов страны исхода, в противном случае – сохраняется опция онлайн-активизма как формы неодобрения и сопротивления (кампании солидарности, хештеги, волны типовых комментариев) [Aziz 2024].

Повышение представленности диаспор в публичном поле за счет цифровых технологий также связано с возможностью формировать информационную и социальную альтернативу соответствующим практикам государства исхода. В конструирование альтернативных практик представители диаспоры могут вовлекать и родственников на территории происхождения – через распространение компрометирующей местные власти информации, приобщение к определенным культурным и историческим символам (например, флагам или популярной музыке), напоминание о ранее утраченных или устаревших традициях, создание на местах культурно-образовательных и религиозных центров, а также финансирование и поддержку антиправительственных повстанцев [Keles 2016; Kumar 2012].

Таким образом, в отношениях с территорией происхождения отмечается определенное разграничение диаспор по степени консолидации в условиях использования цифровых технологий. Несформировавшиеся сообщества мигрантов, которые обладают скорее зачатками общей идентичности, получают возможность диаспоризироваться, но не за счет укрепления отношений с местом исхода, а за счет его реконструкции и социальной пересборки в месте пребывания. Напротив, диаспоры с устоявшимися идентичностями и длительной традицией взаимоотношений с государством происхождения скорее дедиаспоризируются, включаются в процессы конструирования национальной идентичности с помощью цифровых форм участия. Наконец, безгосударственные диаспоры во многом редиаспоризируются, получают доступ к широкому набору инструментов делигитимации и сопротивления государственным институтам на территории пребывания. Безусловно, представленная схема обозначает общие тенденции развития диаспор, которые корректируются в каждом конкретном случае, как структурными ограничениями использования цифровых технологий, так и доступными каждому офлайн-сообществу ресурсами.

Заключение

Явление диаспор давно приобрело глобальный характер, поскольку диаспоры сегодня широко представлены во многих регионах мира, поддерживают тесные и многоаспектные связи с территориями происхождения (необязательно конструктивные), а также с общинами в основных странах расселения. Объединяя в своей повседневной жизни информационные потоки и опыт миграции (нередко в нескольких поколениях), диаспоры оказываются частью «неглобальной глобализации»: локальные практики приобретают глобальные последствия [Леонова 2024: 10–11].

Появление новых технологий оказывает влияние на то, как формируются идентичности, какова их вариативность, многоуровневость, завершенность. В полной мере этот процесс затрагивает диаспоры. Используя цифровые технологии, представители диаспор могут более открыто и многогранно формулировать, обсуждать и реинтерпетировать собственную идентичность, поскольку их не связывают физические барьеры и традиционные форматы обсуждения (например, с очередностью выступлений или ограничениями из-за авторитетности присутствующих). За счет снятия офлайн-факторов расширяется круг участников конструирования идентичности, что порождает и усиливает процессы ее гибридизации и усложнения. При этом расширяется само понимание идентичности, поскольку предметом обсуждения нередко становятся границы самого сообщества, допустимые формы отношений включения-исключения.

В целом гибридизация идентичностей диаспор не приводит к их ослаблению. Ф. Адамсон справедливо отмечала, что диаспоры в силу своих характеристик более приспособлены к социально токсичным «не-национальным» пространствам – пространствам, где идентичности размываются и утрачивают содержательное единство [Adamson 2016: 296–297]. Вероятно, «выгоды солидарности» от участия в диаспорах не так велики, но диаспоральная идентичность конкурентоспособна именно в силу пластичности, способности адаптироваться под широкий круг со-

циальных и политических практик. Все же цифровые технологии оставляют существенный отпечаток на идентичности диаспор, порождая тенденции креолизации, фрагментации и смыслового упрощения.

Традиционно считалось, что диаспоры связаны с процессами детерриторизации, отрыва социальных практик от привязки к каким-либо подконтрольным государству пространствам. Однако трансформация идентичности цифровых диаспор может приводить и к ретерриторизации, основанной на частичном воспроизводстве социальных практик территории происхождения в месте пребывания. Возможным последствием данной тенденции может стать формирование какого-то нового типа сообществ, в котором диаспоральная идентичность развивается фактически параллельно идентичности страны происхождения.

Важнейшим элементом идентичности диаспор остаются представления о территории происхождения и возможности реальных контактов с ней. Цифровые технологии могут как усиливать диаспоральную идентичность (редиапоризировать), так и ослаблять ее (дедиапоризировать). Важно, что к диаспоральной идентичности под влиянием технологий коммуникации обращаются сравнительно новые сообщества мигрантов, которые в принципе не имели общих групповых представлений. То есть цифровая диаспора как новое качество диаспор существенно расширяет охват исходного явления, способствует некоторому размыванию границ между любым сообществом иммигрантов и диаспорой как таковой.

Литература

Белоруссова С. Ю. Кибердиаспора: аналитический обзор // Кунсткамера. 2021. № 4(14). С. 235–248.

Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Цифровая диаспора мигрантов: к вопросу о методологии исследования // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 5. С. 36–50.

Кондратьева Т. С. К вопросу о понятии «диаспора»: дискуссия в научном сообществе // Актуальные проблемы Европы. 2009. № 4. С. 17–43.

Леонова О. Г. Деглобализация versus глобализация // Век глобализации. 2024. № 2(50). С. 3–19.

Лошкарёв И. Д. Роль диаспор в современной мировой политике // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 2(41). С. 127–133.

Лошкарёв И. Д., Пареньков Д. А., Сушенцов А. А. Влияние этнонациональных лобби на внешнюю политику США: исторический опыт украинской диаспоры // Вестник МГИМО Университета. 2018. № 2(59). С. 165–184.

Михеева Н. Ф. Пиджины и креольские языки: перспективы развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Вопросы образования: языки и специальность. 2014. № 2. С. 5–9.

Рязанцев С. В., Волкова О. А., Оставная А. Н. Роль цифровой диаспоры в преодолении уязвимости мигрантов в контексте пандемии Covid-19 (кейс молдавских мигрантов) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2022. Т. 22. № 3. С. 544–556.

Трегубова Н. Д. Транснациональный мигрант в интернете: теоретические основания исследования транснационализма в режиме онлайн // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 405–419.

Adamson F. B. Constructing the Diaspora: Diaspora Identity Politics And Transnational Social Movements // *Politics from Afar: Transnational Diasporas and Networks* / ed. by P. Mandaville, T. Lyons. New York : Columbia University Press, 2012. Pp. 25–42.

Adamson F. B. The Growing Importance of Diaspora Politics // *Current History*. 2016. No. 115(784). Pp. 291–297.

Alinejad D. Mapping Homelands through Virtual Spaces: Transnational Embodiment and Iranian Diaspora Bloggers // *Global Networks*. 2011. Vol. 11. No. 1. Pp. 43–62.

Andersson K. Digital Diaspora: An Overview of the Research Areas of Migration and New Media through a Narrative Literature Review // *Human Technology*. 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 142–180.

Androutsopoulos J., Lexander K. V. Digital Polycentricity and Diasporic Connectivity: A Norwegian-Senegalese Case Study // *Journal of Sociolinguistics*. 2021. Vol. 25. No. 5. Pp. 720–736.

Aziz A. Rohingya Diaspora Online: Mapping the Spaces of Visibility, Resistance and Transnational Identity on Social Media // *New Media & Society*. 2024. Vol. 26. No. 9. Pp. 5219–5239.

Bailey O. G. Diasporas in Online Spaces: Practices of Self-Representation and Belonging // *Mediating Cultural Diversity in a Globalized Public Space* / ed. by I. Rigoni, E. Saitta. London : Palgrave Macmillan, 2012. Pp. 21–33.

Bjola C., Manor I., Adiku G. A. Diaspora Diplomacy in the Digital Age // *Routledge International Handbook of Diaspora Diplomacy* / ed. by L. Kennedy. New York; London : Routledge, 2022. Pp. 334–346.

Brinkerhoff J. M. Digital Diasporas: Identity and Transnational Engagement. Cambridge : Cambridge University Press, 2009.

Cohen R. Diasporas and the Nation-State: from Victims to Challengers // *International Affairs*. 1996. Vol. 72. No. 3. Pp. 507–520.

Collins F. L. Geographies of Migration III: The digital Migrant // *Progress in Human Geography*. 2023. Vol. 47. No. 5. Pp. 738–749.

Diminescu D. The Connected Migrant: An Epistemological Manifesto // *Social Science Information*. 2008. No. 47(4). Pp. 565–579.

Diminescu D., Loveluck B. Traces of Dispersion: Online Media and Diasporic Identities // *Crossings: Journal of Migration & Culture*. 2014. Vol. 5. No. 1. Pp. 23–39.

Jacquemet M. Beyond the Speech Community: On Belonging to a Multilingual, Diasporic, and Digital Social Network // *Language & Communication*. 2019. Vol. 68. Pp. 46–56.

Kang T. Homeland Re-Territorialized: Revisiting the Role of Geographical Places in the Formation of Diasporic Identity in the Digital Age // *Information, Communication & Society*. 2009. Vol. 12. No. 3. Pp. 326–343.

Keles J. Y. Digital Diaspora and Social Capital // *Middle East Journal of Culture and Communication*. 2016. Vol. 9. No. 3. Pp. 315–333.

Kelly-Holmes H. Multilingualism and Technology: A Review of Developments in Digital Communication from Monolingualism to Idiolingualism // *Annual Review of Applied Linguistics*. 2019. Vol. 39. Pp. 24–39.

Kietzmann J. H. H., McCarthy K. P. I., Silvestre B. S. Social Media? Get Serious! Understanding the Functional Building Blocks of Social Media // *Business Horizons*. 2011. No. 54(3). Pp. 241–251.

Kumar P. Transnational Tamil Networks: Mapping Engagement Opportunities on the Web // *Social Science Information*. 2012. Vol. 51. No. 4. Pp. 578–592.

Laguerre M. S. Digital Diaspora: Definition and Models // *Diasporas in the New Media Age: Identity, Politics, and Community* / ed. by A. Alonso, P. J. Oirzabal. Reno; Las Vegas : University of Nevada Press, 2010. Pp. 49–64.

Marino S. Making Space, Making Place: Digital Togetherness and the Redefinition of Migrant Identities Online // *Social Media & Society*. 2015. Vol. 1. No. 2. Pp. 1–9.

Marlowe J. Refugee Resettlement, Social Media and the Social Organization of Difference // *Global Networks*. 2020. Vol. 20. No. 2. Pp. 274–291.

Mihelj S., Jiménez-Martínez C. Digital Nationalism: Understanding the Role of Digital Media in the Rise of “New” Nationalism // *Nations and Nationalism*. 2021. Vol. 27. No. 2. Pp. 331–346.

NurMuhammad R., Horst A., Papoutsaki E., Dodson G. Uyghur Transnational Identity on Facebook: On the Development of a Young Diaspora // *Identities*. 2016. Vol. 23. No. 4. Pp. 485–499.

Ponzanesi S. Digital Diasporas: Postcoloniality, Media and Affect // *Interventions*. 2020. Vol. 22. No. 8. Pp. 977–993.

Postill J. Localizing the Internet beyond Communities and Networks // *New Media & Society*. 2008. Vol. 10. No. 3. Pp. 413–431.

Schrooten M. Moving Ethnography Online: Researching Brazilian Migrants’ Online Togetherness // *Ethnic and Racial Studies*. 2012. No. 35(10). Pp. 1796–1798.

Singh J. Sikh-ing Online: The Role of the Internet in the Religious Lives of Young British Sikhs // *Contemporary South Asia*. 2014. Vol. 22. No. 1. Pp. 82–97.

Szulc L. Banal Nationalism in the Internet Age: Rethinking the Relationship between Nations, Nationalisms and the Media // *Everyday Nationhood: Theorising Culture, Identity and Belonging after Banal Nationalism* / ed. by M. Skey, M. Antonsich. London : Palgrave Macmillan, 2017. Pp. 53–74.

ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАЧЕСТВА И ОБОРОТА ИНФОРМАЦИИ*

Напсо М. Б.**

Статья посвящена отдельным аспектам проблемы трансформации качества информации в современных условиях. В центре внимания автора причины, характер изменений и связанные с этим последствия и риски. Рост рисков оборота некачественной информации обусловлен изменением свойств информационной среды вследствие совершенствования информационно-коммуникационных технологий, видоизменяющихся информационных потребностей, особых характеристик виртуальной среды, превалирования принципа информационной свободы, глобальной деградации достоверности, а также информационным загрязнением, увеличением количества и форм искаженной информации. Несоответствие количественных показателей оборота информации ее качеству, порождаемый этим информационный парадокс ведут к снижению надежности, достоверности, безопасности информации, расширяют возможности манипулятивного воздействия. Технологические возможности, слабая управляемость технологическими и информационными процессами, догоняющий характер регулирования информационных отношений предоставляют неограниченные возможности создания и оперирования информацией с любыми свойствами и в разных целях. В силу этого автор убежден в целесообразности усиления регулятивного воздействия для снижения рисков оборота и воздействия нерелевантной информации. Итогом рассмотрения стал вывод о необходимости системного реагирования и регулирования, обеспеченного едиными концептуальными подходами, вариативностью механизмов воздействия и технологических решений.

Ключевые слова: глобализация, цифровизация, качественная информация, достоверность информации, фейк, дипфейк, информационная экология.

GLOBAL TRANSFORMATION OF INFORMATION QUALITY AND TURNOVER

The article is devoted to certain aspects of the problem of transformation of information quality in modern conditions. The author focuses on the causes, nature of the changes and the associated consequences and risks. The increase in the risks

* **Для цитирования:** Напсо М. Б. Глобальная трансформация качества и оборота информации // Век глобализации. 2025. № 3. С. 106–118. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.09.

For citation: Napso M. B. Global Transformation of Information Quality and Turnover // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 3. Pp. 106–118. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.09 (in Russian).

** Напсо Марьяна Бахсетовна – д. ю. н., профессор Северо-Кавказской государственной академии. E-mail: napso.maryana@mail.ru.

Maryana B. Napso – Dr. Law, Professor of the North Caucasus State Academy. E-mail: napso.maryana@mail.ru.

of trafficking in low-quality information is due to changes in the properties of the information environment due to the improvement of information and communication technologies, changing information needs, special characteristics of the virtual environment, the prevalence of the principle of information freedom, global degradation of reliability, as well as information pollution, an increase in the number and forms of distorted information. The discrepancy between the quantitative indicators of information turnover and its quality, and the information paradox generated by this, lead to a decrease in the reliability, validity, and security of information, and expand the possibilities of manipulative influence. Technological capabilities, weak controllability of technological and information processes, and the catch-up nature of regulation of information relations provide unlimited opportunities for creating and operating information with any properties and for various purposes. Because of this, the author is convinced of the expediency of strengthening the regulatory impact to reduce the risks of turnover and exposure to irrelevant information. The result of the review was the conclusion about the need for a systematic response and regulation, provided by unified conceptual approaches, variability of impact mechanisms and technological solutions.

Keywords: globalization, digitalization, high-quality information, reliability of information, fake, deepfake, information ecology.

Современный глобальный мир переживает системную трансформацию, связанную с переходом к информационно-цифровым императивам развития. Это находит отражение в изменении технологических основ коммуникационных процессов, производства, оборота и социализации информации, что имеет качественно иной уровень и всеобщий характер. Информационный потенциал продвигает и определяет вектор развития глобализации в той же мере, что и научно-технический прогресс, экономика, политика, культура. «Информация, выраженная в цифре, является основой современных технологий, а также стратегическим ресурсом и способом воздействия на общественные и природные процессы, причем на всех уровнях без исключения – от локального до глобального». И это позволяет утверждать, что новая парадигма планетарной динамики основана на тесной взаимосвязи двух основных трендов современной эпохи – глобализации и цифровизации, имеющей характер «драйвера мирового общественного развития» [Чумаков 2021: 38, 41]. Свойства современной глобальной целостности во многом определяются развитием информационно-коммуникационных технологий и информационных отношений, сосуществованием реальности и виртуальности. Особый характер отношений в глобальном информационном пространстве и механизмов их регулирования, постоянное усложнение социальных реальных и виртуальных связей, появление информационных сообществ, секторов экономик, экономики данных оказывают непосредственное влияние на появление новых видов и трансформаций информации.

Фундаментальной особенностью современного мира стало превращение жизненной среды в информационную и, наоборот, информационной среды – в жизненную: производство, накопление, потребление информации свойственно всем сферам жизнедеятельности. В силу этого, по утверждению М. Кастельса, информация и информационные технологии обрели интегральную функцию и роль информации столь высока, что речь более идет не об информации, предназначенной

для воздействия на технологию, а о технологиях воздействия на информацию [Кастельс 2000: 77–78]. И это в первую очередь связано с особыми свойствами информации и технологиями их использования. Информация обладает свойствами неисчерпаемости, самовозрастания, неуничтожимости, социальной интегративности. «Если процесс создания... информации требует значительных издержек, то тиражирование и распространение информации обходится уже значительно дешевле... В сочетании с низкой стоимостью и малыми энергозатратами на передачу информации это обеспечивает высокую скорость и малые издержки оборота информации» [Любимцева 2011: 29]. Наличие глобальной информационной сети, совершенствующиеся технологии позволяют каждому иметь доступ к мировым потокам информации, удовлетворять разнообразные потребности с минимальными затратами сил и времени. Такая легкость в обращении с информацией, инвариантность ее распространения значительно затрудняют процессы управления информационными потоками, особенно в части защиты прав и законных интересов лиц. Развитие информационных технологий имеет своим следствием не только расширение системы информационных прав, но и злоупотребление ими. Предусмотренная как международным, так и национальными законодательствами широкая свобода действий в работе с информацией без обеспечения должного уровня информационной культуры, безопасности, учета взаимных интересов оборачивается ростом рискогенности информационного пространства.

Существенную опасность представляют риски изменения информации в процессе оборота, создания и трансформации информации для придания ей нужных свойств. Находящаяся в обороте информация, переходящая от одного субъекта к другому, обезличивается, абстрагируется от контекста первоначального появления, модифицируется, теряет свои изначальные свойства, качество, смысл. Информация трансформируется и под влиянием растущего значения мира образов, имиджей, символов и соответствующих информационных потребностей в силу расширения пространства выбора между реальностью и достоверностью и возможностями иного восприятия, по причине множественности выбора и предположений в условиях меняющихся возможностей. Трансформация информации происходит и в силу ее получения из множества источников, освещающих как действительную, так и воображаемую реальность, отражающих как объективные свойства среды, так и ее интерпретацию и эмоциональное восприятие индивидом. В таких условиях коммуникация приобретает сложный характер и искажения информации неизбежны. Развитие и соразвитие социальной и виртуальной среды порождают трансформации содержания, формы, оперирование символами, знаками, образами придало последней существенное значение вплоть до обретения самостоятельного существования.

Искажения информации во многом детерминированы девальвацией ценностей, отрицанием привычного, традиционного, нормы и выраженным акцентом на нетривиальность, нестандартность, девиацию, социальное «отщепенство». Искажения неизбежно формируются в условиях переизбытка информации и информационного перегруза вследствие действия множества факторов: повторяемости информации в разных вариациях, в различном информационном контексте; наличия лишней, фоновой информации отвлекающего характера, не позволяющей сконцентрироваться на сущностном; сложности верификации массивов информа-

ции на предмет достоверности; трансформации механизмов восприятия, запоминания, усвоения информации; эффекта когнитивной редукции, поверхностного, фрагментарного, несистемного видения явлений; несформированности информационного иммунитета и навыков управления рисками, информационной безопасности. Искаженное восприятие и последующее воспроизводство информации заданного формата может являться следствием применения технологий социального инжиниринга, предполагающего управление действиями лица через манипулирование его слабостями, привязанностями, страхами и т. д. Оно возможно и вследствие действия или использования механизмов когнитивных искажений (рамочного эффекта, эффекта привязки, эффекта ореола, эффекта подталкивания и др.).

Информационная свобода, постоянно растущие и видоизменяющиеся информационные потребности и особые характеристики сетевой и виртуальной коммуникации в корне изменили качество информации. Этот феномен признается системным вызовом современного общества: информация, пронизывая все сферы социума, «предопределяя облик социальных явлений и процессов, зачастую оказывается недостоверной, некачественной и необъективной». Это связано в первую очередь с объективным «нарастанием дисфункционального производства информации» из-за увеличения числа лиц, производящих информацию, ее объемов и интенсификации ее потоков; бесконтрольного массового производства информации безотносительно к ее свойствам, обеспечивающим ее качество; информационного переизбытка, порождаемого растущими информационными запросами. Вызываемые этим информационное загрязнение, информационное перенасыщение «ведут к усилению энтропийных свойств информации, хаотизации процессов производства и обработки информации» [Жуйков, Машенко 2020: 91, 93, 95]. Роль субъективной составляющей находит выражение не только в массовости личных восприятий и трактовок, но и в целенаправленных действиях: «Качество и направленность информации могут заведомо и далеко не с лучшими намерениями искажаться, противоправно использоваться во вред или против кого-то...» [Чумаков 2018: 241–242]. В силу этого важнейшим фактором, влияющим на снижение качества информации, является преднамеренное приращение информации определенных поражающих свойств для воздействия на общественное и индивидуальное сознание и поведение, для получения предпочтений в политической, экономической, статусной конкуренции. Информация «становится важнейшим ресурсом и эффективным инструментом управления общественными процессами, в том числе и дистантно» [Там же: 41–42]. В условиях надгосударственного характера цифровой коммуникации, отсутствия регуляторных механизмов системного характера, свободы от диктата норм и правил, необходимости соблюдения прав, свобод и интересов иных лиц оборот информации в условиях виртуальности является идеальным опосредованным механизмом воздействия на реальность и достижения цели.

В силу этого проблематика трансформации качества информации, ее преобразования, модификации, синтезирования не может не рассматриваться в контексте целей и последствий этих действий. Возможности единого информационного пространства порождают новые формы конкуренции, идейно-культурной экспансии, защиты и продвижения интересов. Технологическая продвинутость, доступ к технологиям, инфраструктуре, управлению информационными ресурсами обес-

печивают не только конкурентные преимущества, но и широкие возможности создания информации любого содержания, ранжирования информационных потоков, ограничения доступа, распространения информации нужного контента, в том числе посредством инфоатак, инфопровокаций, инфовойн. Когда информация становится средой обитания, контролируемые технологии, цифровые платформы, большие данные позволяют оказывать все более широкое влияние. И здесь существенное значение имеют два фактора. Во-первых, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) невидимы, миллиарды использующих их людей не осведомлены о том, «что и как делают ИКТ, как они работают. Люди, не вникая в технический процесс, отступают, а технологии позволяют сделать все для них и за них». Пользователи устройств, систем, сетей не имеют представления о том, кто и как осуществляет сбор, обработку и использование информации, – владельцы и разработчики цифровых платформ получают неограниченные возможности информационного воздействия. Такую же власть получают государства, лидирующие в производстве цифровых платформ, конкуренция между которыми определяет характер современной глобализации [Новикова 2019: 95–98]. Пространство Интернета, социальных сетей и мессенджеров «в условиях глобализации становится сферой борьбы агентов влияния и выступает как “фронт” для реализации экономических и политических интересов посредством манипуляций с контентом, процедур контроля над коммуникационными потоками и отслеживания действий интернет-пользователей с применением возможностей искусственного интеллекта» [Савушкина 2023: 97]. Такие платформы, как Facebook, Twitter, Instagram¹, активно используют методы фильтрации контента без уведомления пользователя. Такая приватизированная цензура облегчает процесс манипуляции, распространения ложных новостей, позволяет «подавлять голоса несогласных в... коммерческих и политических интересах. Здесь кроются реальные проблемы этического плана и наступления на права человека при реализации цифрового социального контроля» [Комлев 2022: 115]. Во-вторых, серьезной проблемой информационного пространства является отсутствие «какого бы то ни было управления» [Лазаревич 2022: 73], слабая управляемость глобальными информационными процессами. Поэтому факторы цифрового неравенства, цифровых разрывов не могут не использоваться для реализации интересов различных субъектов на микро- и макроуровнях. Но эффект от активного информационного воздействия обеспечивается не только действием субъективного фактора, «ориентированного на достижение своих эгоистических целей», но и наличием объективных условий – серьезных противоречий, не находящихся своего адекватного решения, неразрешенных проблем, отсутствия гарантий реализации прав и свобод [Чумаков 2020: 84, 85] – и их целенаправленным использованием.

Природа трансформации и преобразования информации сложна, причины многообразны. В условиях массовых коммуникаций, господства интерпретаций, разности субъектов, их мнений, мотиваций, оперирования большими объемами информации это даже неизбежно. Информация чрезмерно разнообразна, как и ее трансформации – от превращенных форм до новых смыслов. Перефразируя мысль Е. В. Шведовой, заметим, что информация может отражать не только действи-

¹ Социальные сети принадлежат компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной в РФ.

тельное положение вещей и мнимое, но и возможное, «так как она преобразуется в связи с ценностными устремлениями индивида и общества. Особая сложность состоит в том, чтобы услышать и увидеть неартикулированную, подспудную, теневую часть культуры, которая только мимолетно и ненавязчиво “проговаривается”...» [Шведова 2004: 8]. Несомненно, разнообразие информации и ее смыслов, неоднозначность, креативность расширяют горизонты, варьируют подходы, позволяют менять акценты, векторы развития. Однако системообразующий, стабилизирующий, гармонизирующий характер имеет все же информация вполне определенного качества – адекватно отражающая действительность, истинное положение вещей. Успешность и благополучие в условиях современного информационного общества базируется не только на свободном доступе к информации, наличии развитых компетенций в работе с ней – для общества знания решающее значение имеет оборот качественной информации. Для РФ значимость, с одной стороны, «формирования информационного пространства с учетом потребностей... в получении качественных и достоверных сведений», с другой – «недопущения подмены, искажения, блокирования, удаления... и иных манипуляций с информацией» [Указ... 2017] особо подчеркивается в актах концептуального характера в области цифровизации, развития информационного общества (в Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг., Доктрине информационной безопасности РФ, Стратегии национальной безопасности РФ). Информация приобретает характер знания лишь при наличии определенных условий. Технологии обработки и использования данных обеспечивают иной жизненный уровень при условии обеспечения качества исходных данных. Именно это делает данные и информацию определяющим фактором производства, управления и социально-экономического развития. Стратегический выбор в пользу общества знания, экономики данных, наличие в этом общественного запроса и интереса предполагают придание коммуникационной системе определенных характеристик, в силу чего «регулятивное вмешательство государства, надзор за коммуникацией и ее целенаправленное формирование в той или иной форме возможны и желательны». Они тем более необходимы, когда «поток коммуникаций существенно усиливаются... конфликты интересов и ценностей становятся очевидными как никогда раньше» [Ветренко, Штриков 2022: 57, 58].

К числу специфических характеристик современной информации, наряду с ростом информационного оборота и развитием системности; ростом информационной эффективности за счет повышения качества генерирования информации, ее мобильности и открытости; ростом информационных массивов (больших данных); созданием и развитием нового информационного источника – искусственного интеллекта, относят информационные перегрузки и увеличение нерелевантной информации (информационного мусора, фейковой информации, ложных сведений и иных информационных помех, «искажающих истинный первоначальный информационный смысл») [Новикова 2020: 499–500, 501]. Переизбыток информации считается одной из главных причин изменения качества информации и информационного пространства: «Сама информация буквально обрушивается, давит на людей уже в такой мере, что впору ставить вопрос об “информационном загрязнении”, “информационной экологии общества”» [Чумаков 2018: 24]. О необходимости реализации такого подхода говорят со времени активного использова-

ния Интернета (в обиход вошел термин «смог данных»). В наши дни признание информационной среды неотъемлемой частью окружающей среды позволяет ставить вопрос о наделении индивида правом на благоприятную информационную среду: «Человек нуждается в здоровой информации так же, как в чистом воздухе, воде или пище», поэтому он «имеет право на благоприятную информационную среду, на возмещение ущерба от информационных преступлений, от причиненного ему физического и морального вреда, на защиту от ежедневного воздействия на его психику и сознание...» [Евдокимов 2013: 108].

В росте объемов информации значительна роль так называемой хронико-событийной информации. С одной стороны, именно она сделала воздействие информации на человечество глобальным, расширив знания и представления о реальности. «Любая информация глобального значения сразу же становится доступной в любой точке планеты и наоборот, информация локального или регионального уровня при соответствующих обстоятельствах в одночасье может получить распространение на весь мир» [Чумаков 2018: 230]. В этом качестве она стала необходимым общественным и личностным атрибутом, обязательным элементом системы социального управления и эффективным способом воздействия. В силу этого качество, достоверность, масштабы распространения и воздействия хронико-событийной информации имеют особое звучание. Но, с другой стороны, будучи «сообщениями о фактах, событиях, объектах, попавших в “поле зрения” человека, актуально воспринятых и переработанных в присущих ему информационных формах» [Лобанов 2003: 9], такого рода информация, «измельчившись» до описания малозначительных событий и массовых откликов на все и вся, заполнила собой информационное пространство. Создание событий и придание всему и вся характера события – выраженная тенденция в создании и распространении информации. Она порождена не только стремлением привлечь или отвлечь внимание, погоней за рейтингами, подписчиками и т. п., но и объемами информации, быстрой ее сменой. Поэтому в ходу не просто информация, а информационный продукт в виде события, специального события. Оно использует «эстетику перформансной, интерактивной, игровой коммуникации», силу «эстетического воздействия образом», порожденных эмоций, вовлечения в переживание и является «способом порождения, означивания и “запуска” смысла в публичное... пространство» и позволяющего не только «управлять трансляцией смысла и результатами его интерпретаций субъектами», но и формировать убеждения и ценности. Потенциал их воздействия достаточно широк, они «могут “запускать” в общественное и индивидуальное сознание как конструктивные, так и деструктивные идеи; способны консолидировать созидательные и разрушительные силы» [Каверина 2012: 9, 10]. Технологии оперирования инфособытиями и инфообразами рассчитаны на эффект первого запоминающегося появления, притягивания внимания (что используется, в частности, индустрией фейков). Этим объясняется ставка на яркость, зрелищность, выразительность, «эмоциональную пересыщенность», на способы преподнесения информации. В этом одна из причин трансформации качества информации и языковых средств: содержание информации и используемые слова перестают выражать истинную природу и свойства личности, явления, события, вследствие чего теряют свое смысловое наполнение. Нельзя не учитывать и того немаловажного факта, что использование инфошума, фейков, кликбейтов и т. п.

может преследовать множество целей – от банального стремления извлечь как можно больше прибыли, монетизировать созданный контент, до целей пропаганды и манипуляции [Иоселиани, Бунина 2023: 129, 130, 131].

Неизбежным следствием информационной избыточности является информационное загрязнение, засорение нерелевантной информацией и информационным мусором, представляющим собой информацию с низкими полезными свойствами. Извлечение ценных сведений из потока подобной информации сопряжено с большой тратой сил и времени. Это как у В. В. Маяковского («Разговор с фининспектором о поэзии»): «Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Информационные ресурсы заполнены, по меткому определению В. Л. Хмылева, «информацией без значения», посторонней, не согласующейся с повесткой информации – рекламными сообщениями, предложениями, сенсационными новостями. Для индивида, постоянно находящегося в инфопотоке и не имеющего возможности каждый раз задаваться вопросом об источнике, о целях, достоверности информации, анализировать и сопоставлять факты, информация превращается в информационный шум, то есть «неотфильтрованный поток информации, в котором полезность полученных данных уменьшается прямо пропорционально количеству этих данных». Кроме того, «перенасыщенность информационного поля влияет на качество обработки данных, формируя поверхностное отношение к процессам анализа, синтеза, исключения и сравнения...» [Шагапов 2019: 121]. Возникает так называемый информационный парадокс: объем информации и степень ее доступности растут, но ее качество и понимание снижаются. Он ведет к снижению надежности и достоверности знания, вымыванию смыслов, «параличу анализа». Но если применить к пониманию информационного загрязнения подход, предлагаемый С. А. Дружиловым, то становятся очевидными и иные угрозы. По его справедливому мнению, нужно учитывать не только количественные показатели избыточной информации, но и семантическую (связанную со смыслом) и прагматическую (связанную с влиянием на поведение людей) составляющие, что позволяет охарактеризовать степень и эффект «загрязнения» информации на формирование системы отношений человека и побуждение его к действиям [Дружилов 2018: 11]. Последнее имеет существенное значение в силу того, что придание информации тех или иных свойств зависит от цели и ожидаемых последствий. Так, масштабы и интенсивность распространения информации используются для целей пропаганды; манипулятивный контент основывается на достоверных фактах, приправленных ложными; фейк представляет собой моделирование информации о псевдореалиях; изложение информации в форме частного мнения призвано нивелировать сам факт и представить вместо него его интерпретацию. Поэтому именно цель определяет форму распространения, содержание и характер искажений и именно цель искажения информации имеет особое правовое значение.

Обеспечение достоверности информации в условиях постмодерна, виртуализации представляет сложность в силу объективной востребованности искаженных и «превращенных» форм информации, представляющих собой необъективное отражение реальности, которое воспринимается на субъективном уровне как истинное и в этом качестве преподносится. Это связано с изменением качества коммуникаций: псевдокоммуникации оперируют соответствующей им информацией, – чем менее реальна коммуникация, тем более искаженной становится ин-

формация. В условиях псевдореальных взаимодействий обеспечение соответствия между реалиями и формами их отражения в информации необязательно. Это делает возможным обособление формы от содержания, ее изменение вне зависимости от содержания. Все большее преобладание видимости в коммуникации усиливает роль формы в ущерб содержанию информации. «“Превращенные формы” преобразования информации возникают в результате выхолащивания, псевдоинтерпретации... изначального смысла сообщения и регулируют систему культурной коммуникации путем “восполнения”, замещения элиминированного ими содержания... Исходное культурное содержание “изымается” из коммуникативного процесса и подменяется его фантомным воспроизведением», созданием «информационных фантомов и иллюзий» [Шведова 2004: 10]. В современных условиях замена реальности образами реальности, автономное существование формы – обыденное явление и получающие все большее распространение формы искаженной информации. Феномен мемов – пример того, как вследствие массового распространения, многократного повторения и упрощения содержательная часть информации утрачивается и она начинает восприниматься на основе узнаваемой формы. Популярность и востребованность мемов заключается в скорости распространения, в узнаваемости и быстроте восприятия, а также в возможности «безопасно» распространять любую информацию, продвигать идеи, спланировать единомышленников. В этом контексте понятно, почему предвыборный штаб Дж. Байдена объявил о подборе специалистов по мемам.

Трансформация информации обусловлена также изменением качества и условий ее оборота. Высокая технологичность современного коммуникационного процесса формирует новые формы, стандарты взаимодействия и оборота информации. Массовое распространение информации осуществляется не усилиями самого субъекта, а действием эффектов самотрансляции, самокопирования, самоподобия, самовоспроизводства информации, действие которых во многом зависит от особых свойств информации – новизны, актуальности, необычности содержания и формы и т. п. Множественность каналов, способов, источников распространения и получения информации превратили оборот информации в бесконечный инфопоток. Видоизменение информационных интересов и потребностей подстегивает производство все большей информации, постоянную гонку в поисках неизбитых форм, форматов, контентов, способов подачи информации и привлечения аудитории. Современный способ подачи информации таков, что в ней должны найти отражение содержание информации, свойства личности и особость восприятия как автора, так и читателя. Для обеспечения силы воздействия, быстроты восприятия и ожидаемой реакции основное внимание сосредоточено на краткости, емкости изложения сути в манере, привлекающей внимание, с изрядной долей личностной оценки и эмоциональной окраски, как бы призывающих к аналогичному отклику. Таким образом индивид, сам того не осознавая, получает в готовом виде информационный продукт и программируется его содержательно-эмоциональным наполнением. Однако, чтобы индивид воспринял готовый смысло-эмоциональный продукт как собственный, необходима информация об аудитории, для которой она предназначена. Этим объясняется столь большой интерес к персональным данным, частной жизни, потребностям, предпочтениям, воззрениям и т. п. Их анализ и использование с применением методов персонификации, фильтрации

и индивидуализации позволяют создавать и предоставлять индивиду «скроенную под него» информацию. Вследствие этого информация многократно искажается. Для подталкивания человека к нужному восприятию, реакции, поведению активно используются «упрощение, повторение... стереотипизация, напоминание, сенсационность, эффект “плохих” изображений и видео», представляющих собой систему, где каждый из элементов «является структурной единицей, соединенной с другими единицами многочисленными связями в определенной последовательности» [Красовская, Гуляев 2020: 96]. Таким образом информационный продукт приобретает свойство таргетированной информации.

Все активнее используется контент нового свойства – синтезированная информация. Ее создает искусственный интеллект (ИИ), распознавая образы, классифицируя данные, обрабатывая и анализируя тексты на естественном языке, их тональность, контекст запроса. Так, нейросетевая модель ChatGPT «может генерировать тексты на более чем 90 языках», Midjourney используется «для обработки текстовой информации и ее трансформации в визуальные изображения», она способна «сгенерировать изображение, которое отображает идею, представленную в тексте». При этом нейросети просто генерируют связный текст, слово за словом развивая заданную тему, но не мысль [Мельникова и др. 2023: 44–45, 47]. Это к вопросу о качестве синтезированной информации. Все большую популярность набирает использование синтезированных ИИ цифровых образов людей. У таких технологий высокий рискогенный потенциал. Злонамеренное использование ИИ позволяет искажать информацию, чтобы заставить индивида и аудиторию «видеть то, что не существует», «видеть то, что существует, но в ложном свете» и «видеть то, что существует, но реагировать неадекватным способом». На данный момент для этого задействованы технологии: 1) deep-fakes для создания достоверных цифровых копий людей и их голосов; 2) Fake People, синтезирующие портреты несуществующих людей; 3) «отравленных данных» для случайного или умышленного искажения информации; 4) разработки и расширения повестки дня для искусственного продвижения контента и формирования его восприятия как важного [Пашенцев 2019]. Опасность дипфейков уже признается многими правовыми системами: в США они признаны угрозой национальной безопасности; в Китае публикация заведомо ложной информации с применением дипфейков – уголовное преступление, поэтому их следует отмечать «специальной пометкой, которая будет предупреждать пользователей о том, что это ненастоящая новость». Законодательство РФ не оперирует термином дипфейка как заведомо ложного материала, основанного на методе синтеза с использованием искусственного интеллекта [Данилова, Левкин 2022: 90]. Следует согласиться с теми исследователями, которые видят опасность использования ИИ не только в стремлении составить модели мышления, поведения определенных групп в целях повышения эффективности воздействия. «Развитие генеративного ИИ – это путь к усилению власти симбиоза правительств и крупнейших глобальных игроков, к окончательному попранию свобод и прав, при этом даже тех, на которые ранее никто не покушался... однозначно возрастут контроль, инфильтрация идей, нужных заказчикам» [Гринин 2024: 51, 52].

В условиях цифровой экономики многократно возрастает оборот информации в форме данных и больших данных, в которых «информация формируется без

прямого участия человека, с использованием специального оборудования». Само «использование подобных технологий неизбежно приводит к ослаблению защиты прав и неприкосновенности частной жизни людей» [Афанасьев, Чихладзе 2024: 40, 41]. Главный риск оборота информации в форме баз данных – получение и использование информации без ведома лиц, в отношении которых осуществляется ее сбор, без обязательной проверки на достоверность, без соотнесения для этого с иными источниками информации и базами данных. Большое число людей, оказавшись в поле зрения специальных устройств, не имеют ни малейшего представления ни о самом факте сбора информации, ни о его результатах, выводах, а главное, – дальнейшем применении. Проблема в том, что на законодательном уровне вовсе не берется в расчет факт наличия явных преимуществ (материальных, экономических, манипулятивных и т. п.) у лиц, обрабатывающих и использующих данные. Приходится констатировать, что технологии Big Data, искусственного интеллекта, Интернета вещей, виртуальной и дополненной реальности и т. д. не только изменили качество, ценность и объемы информации, но и развили «общества наблюдения», в котором цифровые инструменты «все чаще используются для подталкивания, смещения, направления, провоцирования, контроля, манипулирования и ограничения человеческого поведения» [Комлев 2022: 113, 115].

Итак, оборот недостоверной информации, производство искаженных и «превращенных форм» информации, возможность конструирования информации с заданными параметрами, ее синтезирования, использование разных способов ее распространения обеспечиваются современными технологиями и обусловлены процессами интернетизации, сетевизации, виртуализации, цифровизации и современными подходами в сфере информационных прав. Широкий спектр информации разных свойств и качества, подвергающейся постоянному видоизменению, усложняет процессы восприятия, верификации, анализа, мониторинга и реагирования. Главную сложность представляет обеспечение соответствия количественных показателей информационного оборота качественным, устранение ее дисфункциональных свойств, соотнесение информации на предмет ее истинности, достоверности, объективности, неискаженности. Постоянный рост нерелевантной информации, ее целенаправленное использование с неизбежностью ставят вопрос о придании технологическим процессам, информационным отношениям все более урегулированного характера. В особой мере это касается технологий воздействия на информацию. Развитие технологий, множественность риск-факторов требуют обеспечения мониторинга информационной среды, системного регулирования и реагирования, вариативности их механизмов. При этом большую сложность представляет не столько технологическая сторона вопроса, сколько идейно-концептуальная.

Литература

Афанасьев С. Д., Чихладзе Л. Т. Правовое регулирование оборота данных: современные проблемы в контексте формирования экономики данных // Закон и право. 2024. № 2. С. 37–42.

Ветренко И. А., Штриков С. А. Трансформация коммуникативных технологий в условиях цифрового общества: благо или зло // Управленческое консультирование. 2022. № 10. С. 54–64.

Гринин А. Л. Борьба за новый мировой порядок: технологическое измерение. Статья вторая. Военно-космические, кибернетические и иные аспекты технологического соперничества // Век глобализации. 2024. № 2. С. 47–64.

Данилова В. А., Левкин Д. М. Правовые аспекты регулирования «deepfake» технологии в России // Право и государство: теория и практика. 2022. № 7(211). С. 88–91.

Дружилов С. А. Негативные воздействия современной информационной среды на человека: психологические аспекты // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2018. Т. 11. № 59.

Евдокимов К. Н. О конституционно-правовых гарантиях информационных прав и свобод человека и гражданина // Известия Байкальского государственного университета. 2013. № 3. С. 106–109.

Жуйков А. А., Машенко И. В. Трансформация качества информации как системный вызов постиндустриального социума XXI в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: Философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 1(254). С. 91–96.

Иоселиани А. Д., Бунина М. А. Фейк и фейк-ньюз как инструменты влияния на формирование общественного мнения // Век глобализации. 2023. № 2. С. 125–135.

Каверина Е. А. Создание событий в современном социокультурном пространстве: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2012.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000.

Комлев Ю. Ю. Социальный контроль в VUCA-мире и «обществе наблюдения»: состояние, тренды и этические проблемы // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 2. С. 113–116.

Красовская Р. Н., Гуляев А. А. Технологии манипуляции сознанием при использовании дипфейков как инструмента информационной войны в политической сфере // Власть. 2020. № 4. С. 93–98.

Лазаревич А. А. Информационно-цифровой мир в зеркале процессов глобализации // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 5-й Международной конференции (3–4 февраля 2022 г., г. Москва). М. : ИПМ им. И. В. Келдыша, 2022. С. 66–75.

Лобанов С. Г. Хронико-событийная информация как социальный феномен: дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2003.

Любимцева О. Ю. Специфика обращения информации как экономического и общественного блага // Экономические науки. 2011. № 8(81). С. 28–32.

Мельникова Д. А., Лопаткин Д. С., Кожева А. А. Искусственный интеллект как способ создания нового контента // Успехи в химии и химической технологии. 2023. Т. XXXVII. № 1. С. 43–47.

Новикова И. В. Глобализация и цифровизация: асимметричность медиатехнологий и последствия для медиапространства // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2019. Т. 4. № 1. С. 84–103.

Новикова С. И. Особенности современных коммуникационно-информационных систем, оценка полезности и эффективности информации как ресурса // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 1. С. 497–510.

Пашенцев Е. Н. Злонамеренное использование искусственного интеллекта: новые угрозы для международной информационно-психологической безопасности и пути их нейтрализации [Электронный ресурс] : Государственное управление. Электронный вестник. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zlonamerennoe-ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-novye-ugrozy-dlya-mezhdunarodnoy-informatsionno-psihologicheskoy-bezopasnosti> (дата обращения: 02.10.2024).

Савушкина М. А. Глобальное цифровое общество и гибридная война // Век глобализации. 2023. № 4. С. 94–102.

Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 02.10.2024).

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов: монография. М. : Проспект, 2018.

Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные различия как источник конфликтов в современном мире // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер.: Педагогика. Психология. Философия. 2020. № 3(19). С. 83–91.

Чумаков А. Н. Глобализация и цифровизация: социальные последствия кумулятивного взаимодействия // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 36–46.

Шагапов И. А. К вопросу о производстве качественной безопасной информации // Вестник АГУ. 2019. № 1(236). С. 120–122.

Шведова К. В. Трансформация информации в коммуникативных процессах культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2004.

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

СИЛЬНАЯ ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ – ЗАЛОГ УСПЕХА НА ПУТИ К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРУ*

Файзуллин Ф. С., Дзюба Е. И.**

Современный этап развития цивилизаций проходит под знаком формирования многополярного мира. Россия укрепляет позиции в качестве одного из основных центров нового миропорядка. Возрастает авторитет нашей страны в мировой политике из-за определенных экономических успехов. Вместе с тем в условиях агрессивной внешней политики США, пытающейся любой ценой сохранить однополярный мир и роль гегемона, для России на современном этапе развития необходимостью становится проведение сильной не только внешней, но и внутренней политики. Адекватная новым реалиям внутренняя политика в нашей стране должна быть направлена на решение множества социальных проблем всего населения. Достижение такой цели невозможно без трансформации олигархического капитализма в социальное государство. Назрела необходимость и в новой государственной идеологии, основанной на принципах социальной справедливости. Такая идеология может быть успешно реализована на практике в результате заключения общественного договора, гарантирующего гражданам нашей страны равные возможности.

Ключевые слова: многополярный мир, Россия, сильная внутренняя политика, олигархический капитализм, трансформация, социальное государство, новая государственная идеология, социальная справедливость.

* Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00571-25-00 на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 гг.

Для цитирования: Файзуллин Ф. С., Дзюба Е. И. Сильная внутренняя политика современной России – залог успеха на пути к многополярному миру // Век глобализации. 2025. № 3. С. 119–129. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.10.

For citation: Fayzullin F. S., Dzyuba E. I. Strong Domestic Policy of Modern Russia is the Key to Success on the Road to a Multipolar World // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 3. Pp. 119–129. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.10 (in Russian).

** Файзуллин Фаниль Саитович – д. ф. н., г. н. с. Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН. E-mail: fayzullin.f@gmail.com.

Fanil' S. Fayzullin – DSc in Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Social and Economic Research of the UFRS, Russian Academy of Sciences. E-mail: fayzullin.f@gmail.com.

Дзюба Евгений Иванович – н. с. Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН. E-mail: intellectRus@yandex.ru.

Evgeny I. Dzyuba – Researcher of the Institute of Social and Economic Research of the UFRS, Russian Academy of Sciences. E-mail: intellectRus@yandex.ru.

STRONG DOMESTIC POLICY OF MODERN RUSSIA IS THE KEY TO SUCCESS ON THE ROAD TO A MULTIPOLAR WORLD

The current stage of civilizational development is marked by the formation of a “multipolar world”. Russia is strengthening its position as one of the main centres of the new world order. The authority of our country in world politics is growing due to certain economic successes. At the same time, given the aggressive foreign policy of the United States, which is trying to preserve the “unipolar world” and the role of hegemon at any cost, it is necessary for Russia at the present stage of development to pursue not only a strong foreign but also domestic policy. Adequate to the new realities, the internal policy in our country should be aimed at solving many social problems of the entire population. Achieving such a goal is impossible without transforming oligarchic capitalism into a social state. There is a need for a new state ideology based on the principles of social justice. Such an ideology can be successfully realized in practice as a result of the conclusion of a social contract guaranteeing equal opportunities for the citizens of our country.

Keywords: *multipolar world, Russia, strong domestic policy, oligarchic capitalism, transformation, social state, new state ideology, social justice.*

Введение

Глобализационные процессы, происходящие в современном мире, актуализировали целый ряд проблем политического, социально-экономического и духовно-идеологического характера. Сегодня разрешение сложных противоречивых вопросов, вызываемых глобализацией, требует совместных усилий всех государств и народов, поскольку выживание человечества и сохранение жизни на Земле зависит от совместных достижений населения мира. В сложившейся современной ситуации перехода от однополярного мира к многополярному особую роль приобретает политическая глобалистика, в том числе призванная совершенствовать внутреннюю политику стран. Не случайно в отечественной литературе справедливо отмечается, что «мировой порядок всегда отражал баланс сил, не только различия в богатстве между странами, но и их скрытую или явную геостратегическую мощь» [Сапир 2023: 40].

Агрессивная внешняя политика США и союзников по НАТО привела к ответной реакции России (СВО). Гегемония США становится историей. В мировой внешней политике усиливается роль России и стран – партнеров по БРИКС и ШОС. Происходит трансформация мирового геополитического ландшафта. Однополярный мир постепенно преобразовывается в многополярный. В современной внешней политике России лидером страны в качестве желаемого вектора развития указывается именно курс на многополярный мир. Так, президент Российской Федерации В. В. Путин недвусмысленно высказывает свое мнение по данному вопросу: «Мы исходим из того, что все люди равны, все имеют одинаковые права, права и свободы одной страны и одного народа заканчиваются там, где появляются права и свободы другого человека или целого государства. Вот так постепенно и должен рождаться многополярный мир. Вот именно к этому мы и стремимся» [Интервью... 2023].

Подобные заявления лидера нашей страны на современном этапе развития подкрепляются определенными экономическими успехами. В мировой экономике

усиливается роль России и стран – партнеров по БРИКС и ШОС. Например, совокупная доля стран БРИКС в мировом ВВП по паритету покупательной способности (ППС) в 2023 г. достигла исторического максимума и составила 32,1 % на фоне сокращения значения аналогичного показателя до 30 % для «Большой семерки». Относительно высокие темпы экономического роста наблюдались и в нашей стране – 3,6 % за 2023 г. [Теняков 2024: 101, 104].

Вместе с тем в современной России до сих пор нерешенным остается ряд важнейших социальных проблем. Как известно, прежде всего необходимо придать импульс борьбе с бедностью и сглаживанию социального неравенства, предполагающему, в свою очередь, развитие политической системы в нашей стране. Давно назрела потребность в новой государственной идеологии, которая, с одной стороны, учитывала бы российскую специфику, а с другой – и позитивный зарубежный опыт эволюции политических систем. Такая идеология должна обязательно учитывать запрос общества на социальную справедливость. В современных реалиях это невозможно без сбалансированности как внешней, так и внутренней политики. Только в этом случае можно рассчитывать на успешность трансформации олигархического капитализма в социальное государство.

Формирование многополярного мира

Идеологом многополярного (полицентричного, или многополюсного) мира можно считать автора одноименной концепции академика РАН Е. М. Примакова, работавшего в должности премьер-министра Правительства РФ в 1998–1999 гг. [Примаков 1996]. В настоящее время идея многополярного мира не только широко представлена в трудах зарубежных и российских авторов, но и реализуется на практике. Ярким примером движения в направлении многополярного мира можно считать основание организации БРИКС в 2009 г., что стало логическим развитием трехстороннего сотрудничества между Россией, Китаем и Индией. В настоящее время в состав БРИКС входит 10 государств.

Возвращаясь к вопросу освещения темы в научной литературе, необходимо подчеркнуть ее актуальность для нашей страны в связи с событиями на Украине. Отечественные исследователи ответили на внешнюю угрозу России со стороны коллективного Запада (прежде всего это США и страны ЕС) публикационной активностью. Если анализировать подобную литературу [Аду и др. 2023; Акаев 2023; Буровский 2022; Виноградов 2021; Волконский 2021; Гребнев 2023; Денильханов 2024; Дынкин 2024; Ильин, Морев 2023; Магадеев 2023; Фененко 2023; Чумаков, Оуян Кан 2024], то можно отметить, что большая ее часть фокусирует внимание читателя на так называемых цивилизационных глубинных противоречиях между различными странами или их группами. При этом отечественные ученые повышенное внимание уделяют анализу причинно-следственных связей гибридной войны России с коллективным Западом из-за событий на Украине через призму конфликта идеологий и ценностей.

Наиболее полный перечень центров нового многополярного мира представлен в работе [Гребнев 2023: 78]: русский мир, глобальный Китай, исламский мир, индо-тихоокеанская, африканская, латиноамериканская автаркии, англосаксонский мир и Европейский союз (ЕС). Причем, как справедливо отмечает автор статьи, для сохранения устойчивого многополярного миропорядка на современном этапе

развития цивилизаций англосаксонскому миру и ЕС необходимо кардинально изменить внешнеполитическую повестку и прежде всего отказаться от открытой конфронтации с Россией и Китаем.

В другой научной статье [Дынкин 2024] предпринята небезуспешная попытка систематизации мирового порядка за период с начала XIX в. по настоящее время. Автор выделяет четыре системы международных отношений: Венскую (после Наполеоновских войн), Версальскую (после Первой мировой войны), Ялтинско-Потсдамскую (после Второй мировой войны) и однополярную, или Вашингтонский консенсус (после холодной войны). Как видно, академик РАН А. А. Дынкин трансформацию определенного миропорядка связывает прежде всего с крупными военными конфликтами. В рамках работы он обсуждает дихотомию «многополярность – новая биполярность»: «оценивает историческую динамику балансов экономической и военной мощи государств, влияние идеологий, технологического прогресса, демографических процессов на архитектуру будущего постоднополярного мирового порядка. Ее контуры определяются противоречивым набором факторов, действующих как в сторону многополярности, так и в направлении новой биполярности» [Дынкин 2024: 8].

Работа В. А. Ильина и М. В. Морева посвящена анализу как внешнеполитического курса нашей страны, так и внутренней политики, проводимой президентом России в период с 2007 до 2023 г. через обратную связь от избирателей. Данные ЦИК РФ, а также итоги региональных и местных выборов позволили авторам статьи «выявить новые, более углубленные характеристики общественных настроений, сигнализирующие о потребности значительной части избирателей в приведении в соответствие действующих элит (политических, экономических, культурных) декларируемой государством общественно-политической повестке, связанной с целями специальной военной операции и с позиционированием России как государства-цивилизации». В целом анализ показал, что «как внутри России, так и на международной политической арене существует еще очень много сил, отчаянно цепляющихся за “старый” мировой порядок и препятствующих естественному ходу происходящих изменений» [Ильин, Морев 2023: 10].

Представляется, что на современном этапе развития проводить сильную суверенную внешнюю политику в нашей стране невозможно без трансформации олигархического капитализма в социальное государство. В настоящее время за счет реализации национальных проектов созданы предпосылки для ускорения такой трансформации. На смену завершившимся в 2024 г. проектам с 2025 г. стартовали новые проекты, инициированные президентом РФ В. В. Путиным.

Трансформация российского общества: от олигархического капитализма к социальному государству

В работе Ю. А. Данилова с опорой на ряд зарубежных исследований (концепций) утверждается, что нашу страну можно отнести к латиноамериканскому типу капитализма или модели «иерархической рыночной экономики». Развивая мысль, автор статьи перечисляет ряд отличительных признаков такого типа капитализма: «высокий уровень неравенства, низкий уровень влияния профсоюзов, высокая доля неформальной экономики, неэффективная конкурентная политика, доминирование крупных национальных бизнес-групп (которые лишь частично представ-

лены на национальных фондовых биржах), высокая концентрация корпоративной собственности» [Данилов 2023: 163].

Не оспаривая подобную точку зрения, подкрепленную аргументами, считаем современную Россию наиболее близкой к «капитализму связей» (олигархическому, или «кумовскому» капитализму). Такой тип капитализма рассматривается как альтернатива конкурентному капитализму (капитализму открытых рынков), например, в работе Т. Бэка (автора концепции «политическая система и финансы») [Beck 2012].

Практически идентичная точка зрения представлена в статье [Ильин, Морев 2024: 10], где справедливо подчеркивается первостепенная важность для общества нашей страны ответа на вопрос именно президентом РФ В. В. Путиным: «Какое государство мы строим? Государство “социального капитализма” или “капитализма для своих”»? Действительно важность ответа на такой вопрос трудно переоценить. Негативное воздействие внешних факторов (прежде всего в настоящее время это санкции и СВО) на национальную экономику также неблагоприятно сказывается на уровне и качестве жизни населения современной России, актуализируя борьбу с бедностью и социальным неравенством.

Отечественными учеными предпринимались и предпринимаются небезуспешные попытки очертить основной круг проблем, препятствующих трансформации нашей страны в социальное государство. Так, в частности, в работе Л. А. Беляевой справедливо отмечается цивилизационная гетерогенность современной России. Автор статьи переход от «капитализма для своих» к социальному государству связывает прежде всего с работой руководства по сглаживанию трех цивилизационных разломов [Беляева 2021: 27]. Во-первых, это наличие разных уровней технико-технологического развития, определяющих характер и содержание труда населения. Во-вторых, материальная дифференциации общества, выражающаяся в поляризации уровня и качества жизни граждан нашей страны. Действительно, в современной России наблюдается аномально высокая степень социального неравенства: от значительной части населения, живущего за гранью бедности, до сверхбогатых с многомиллиардным состоянием. И, наконец, в-третьих, исторически сложившееся неравномерное развитие регионов.

Не умаляя заслуг ученых, предлагающих свой «рецепт» успешной трансформации нашей страны в социальное государство через социально-экономические преобразования, считаем, что первоочередное значение приобретает построение эффективной политической системы. В современной России экономика и социальная сфера являются производными по отношению к политической системе государства.

Новая государственная идеология в России как ключевой фактор эволюции политической системы

Учитывая многочисленные труды исследователей [Аристов, Щепетильников 2024; Волконский 2024; Ильин, Морев 2021; Мусаелян 2022], необходимо подчеркнуть важность для нашей страны совершенствования государственной идеологии на основе учета происходящих трансформационных изменений в обществе, связанных с глобализацией. Так, в частности, трудно не согласиться с мнением Л. А. Мусаеляна, отмечающего, что «современная Россия, в отличие от России

90-х гг., перестала быть исключительно объектом глобального неолиберального капитала. В настоящее время она полноценный актор международных отношений и мировой политики. Как великая держава Россия не может не иметь своей государственной идеологии, выражающей ее национальные интересы, фундаментальные потребности, смысложизненные ценности и геополитическую стратегию, определяющую ее исторические перспективы» [Мусаелян 2022: 7].

В настоящее время известно множество трактовок полисемантической дефиниции «идеология» и производного от нее термина «идеосфера». По данному вопросу следует согласиться с точкой зрения академика РАН А. А. Гусейнова, считающего, что «идеология приучает людей смотреть на мир и самих себя субъективно, пристрастно, ее социальная функция заключается в том, чтобы организовать общественное сознание, управление людьми путем их приведения к некоему установленному стандарту. Идеологию следует рассматривать в единстве с людьми, организациями, средствами, которые предназначены для ее производства и распространения и составляют вместе с ней идеосферу общества. Идеосфера может включать в себя многообразие идеологических различий и тем не менее оставаться общим и цельным структурным компонентом современного общества, так же, например, как может быть единая государственная политика при наличии разных партий» [Гусейнов 2023: 5].

Даже небольшой экскурс в историю эволюции идеологии в России позволяет выделить особенности наиболее важных эпох развития общества нашей страны. Так, например, во времена царствования Екатерины II активно реализовывался «греческий проект», представляющий собой внешнеполитические и внутривнутриполитические начинания государственной власти со специфической идеологической составляющей. В работе [Черникова 2024: 130] показано, что «характерной чертой имперской идеологии царствования Екатерины II стал филэллизм, который включал осознание прежде всего дворянской элитой наследия Античной Эллады как истока общеевропейской цивилизации и сочувствие потомкам великих эллинов, единоверцам, попавшим под иноземное османское иго, с одной стороны, а с другой – власть и российское общество согласно позиционировали Российскую империю как законную преемницу Византии, которая может и должна вернуть греков-единоверцев в европейскую цивилизацию».

В рецензии Т. В. Андреевой [2022] на книгу известного американского историка Александра Мартина [Мартин 2021] раскрыты особенности истории российского консерватизма в период царствования Александра I. По мнению рецензента, «важнейшим является положение Александра Мартина о существенном вкладе консервативных мыслителей александровского царствования в формирование государственной политики в интересах России, оформление основ гражданского общества, развитие национального самосознания, русской культуры и языка. Автор приходит к обоснованному концептуальному выводу, что хотя ранние консерваторы не выработали единой идеологии, тем не менее они заложили основу для различных форм российского консерватизма второй четверти XIX – начала XX в., нашедших отражение в политическом мировоззрении и государственной деятельности С. С. Уварова, К. П. Победоносцева, П. А. Столыпина» [Андреева 2022: 1384–1385].

А какой должна быть государственная идеология в современной России? Попробуем корректно ответить на этот вопрос, опираясь на труды российских ученых с разными политическими взглядами.

Следует согласиться с мнением ряда исследователей, считающих, что государственная идеология играет огромную роль, прежде всего для молодежи, являясь ориентиром в морально-нравственном воспитании. Так, например, в работе [Великая, Ирсетская 2024: 414] с опорой на тематическое социологическое исследование¹ сделан ряд важных выводов. Во-первых, авторы подчеркивают гибридный характер идеологического сознания российского студенчества, включающего различные компоненты политических идеологий. Во-вторых, это политический эскапизм современного студенчества, которое не видит смысла во включенности в политические процессы. Так, порядка 70 % респондентов не поддерживают ни одну из известных политических партий. В-третьих, авторы отмечают возрастающую значимость для студенческой молодежи демократических ценностей и принципов правового государства. А это, в свою очередь, формирует запрос со стороны молодого поколения России на трансформацию партийной системы и политическую демократизацию.

В цикле взаимосвязанных научных статей [Мартьянов 2021; Мартьянов, Руденко 2022; Мартьянов 2023] небезосновательно ставится под сомнение целесообразность для современной России ориентира на западные демократии с либеральными ценностями. Так, в частности, В. С. Мартьянов справедливо отмечает, что «российское общество заинтересовано в создании и масштабировании своей версии Современности, ориентированной на объяснение закономерностей, снятие накопленных конфликтов и инициацию назревших ценностно-институциональных трансформаций, входящих в фундаментальное противоречие с “расколдованной” идеологией западного мейнстрима, построенной на двойных стандартах» [Мартьянов 2023: 56].

В работе [Елишев 2023] успешность национального развития России связывается с имперской государственностью. Автор считает, что «исследование феномена империи очень важно в настоящее время в свете определения перспектив и вектора дальнейшего развития Русского мира, российского общества и государственности. Ибо, как показывает история, судьба империи неотделима от судьбы стержневого имперского этноса, то есть русского народа. И в этом смысле империя не только традиция, но и судьба России» [Елишев 2023: 88].

И, наконец, исследование [Латов 2024] посвящено изучению субъективного восприятия будущего в контексте идеологических предпочтений современных россиян. Автор утверждает, что анализ данных за 2023 г. показал связь футуро-шоковых и футуроэйфорийных чувств с приверженностью разным идеологемам. Так, «сторонники консервативности и державности чаще уверены в будущем, реже испытывают страх и отчаяние перед ним, в то время как приверженцы социалистических и русско-националистических ценностей – наоборот» [Латов 2024: 88].

¹ «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии». Социологическое исследование проведено на общероссийской выборке центром политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН в апреле – мае 2023 г.

Учитывая вышесказанное, необходимо отметить, что к настоящему времени накоплено достаточно много работ, посвященных российскому пути развития политической системы посредством формирования новой государственной идеологии. По данному вопросу наша позиция наиболее близка к точке зрения, представленной в работе [Бессонова 2022], где предлагается идеология «нового солидаризма», которая «может стать следующей ступенью в мировоззрении российского общества, поскольку в ней интегрируются идеи либерализма и социализма через симбиоз их практической базы – рынка и раздатка» [Бессонова 2022: 17].

Представляется, что новая государственная идеология в России должна быть направлена на ускоренную трансформацию в нашей стране олигархического капитализма в социальное государство путем гибридизации либеральных и социалистических идей. В настоящее время авторами подготовлен и опубликован цикл тематических научных статей. В контексте построения социального государства в нашей стране первоочередной задачей становится развитие (или, точнее, реформирование) государственной гражданской службы по сингапурскому и южнокорейскому варианту. Авторская позиция по данному вопросу, в частности, представлена в работе [Гезалов и др. 2025]. Реформирование государственной гражданской службы в нашей стране связано прежде всего с изменением системы оплаты труда работников из органов исполнительной власти на мезоуровне управления. При этом предлагается учитывать позитивный опыт зарубежных стран (Сингапура и Южной Кореи). В настоящее время в вышеуказанных странах применяется азиатский, или корпоративный тип оплаты труда государственных служащих «по результатам». Он предполагает наличие прямой тесной связи между размером вознаграждения госслужащих и достигнутым уровнем социально-экономического развития страны. С учетом специфики нашей страны предполагается предварительная адаптация зарубежного опыта. Авторы предпочтительным считают «смягчение» зарубежного варианта, когда в прямую зависимость от социально-экономического развития субъекта РФ ставится лишь премиальная часть заработной платы региональных гражданских служащих. Такая новация (или, точнее, инновационная управленческая технология) позволит реально заинтересовать работников органов исполнительной власти на мезоуровне управления в устойчивом социально-экономическом росте территорий нашей страны.

Имеются все основания утверждать, что новая государственная идеология, основанная на принципах социальной справедливости, должна быть подкреплена общественным договором. Содержательная сторона такого договора применительно к современной России подробно освещена в работе [Тощенко 2023]. В интерпретации члена-корреспондента РАН Ж. Т. Тощенко социальный договор является формой социального согласия между государством и народом нашей страны, основанной на принципах социальной справедливости.

Заключение

Современная Россия находится на подъеме во многом благодаря внешнеполитическому курсу на многополярный мир. Претензии России на позицию одного из ключевых центров нового мирового порядка подкрепляются определенными экономическими успехами. Однако на современном этапе развития нашей страны нерешенным остается ряд социальных проблем. В первую очередь руководству

страны необходимо сфокусировать внимание на борьбе с бедностью и сглаживании социального неравенства. Именно такие проблемы генерируют повышенную социальную напряженность в обществе, что может привести к новой революции.

Снижение таких рисков можно связать с необходимостью утверждения новой государственной идеологии, основанной на принципах социальной справедливости. Причем идеология должна быть подкреплена новым общественным договором, гарантирующим гражданам нашей страны равные возможности. Авторское видение трансформации современной России в социальное государство прежде всего связано с развитием (или реформированием) государственной гражданской службы на мезоуровне управления по сингапурскому и южнокорейскому варианту.

Литература

Аду Я. Н., Бокерия С. А., Дегтерев Д. А., Мезяев А. Б., Шамаров П. В. Незападное миротворчество как фактор многополярного мира: контуры исследовательской программы // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2023. № 3. С. 415–434.

Акаев А. А. Процесс зарождения нового справедливого многополярного мироустройства и перспективы его становления // Век глобализации. 2023. № 3. С. 3–18.

Андреева Т. В. У истоков консервативной идеологии в России // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер.: История. 2022. № 4. С. 1384–1395.

Аристов Е. В., Щепетильников В. Н. Об идеологической составляющей в Конституции Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2024. № 3. С. 350–372.

Беляева Л. А. Цивилизационная гетерогенность России. Собственность в поле цивилизационного развития // Вестник Института социологии. 2021. № 3. С. 27–53.

Бессонова О. Э. Идеология в общественном развитии России: новый ракурс // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 17–29.

Буровский А. М. Мир двухполярный, однополярный, многополярный и бесполярный // Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2022. № 1. С. 36–54.

Великая Н. М., Ирсетская Е. А. Идеологические основания конструирования образа будущего в сознании современной студенческой молодежи // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2024. № 2. С. 414–429.

Виноградов А. «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 3. С. 23–32.

Волконский В. А. Противостояние цивилизаций и роль государства в эпоху многополярного мира // Экономическая наука современной России. 2021. № 1. С. 77–96.

Волконский В. А. К вопросу об идеологиях и их носителях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. № 1. С. 41–59.

Гезалов А. А., Дзюба Е. И., Файзуллин Ф. С., Губарев Р. В. Трансформация современной России в социальное государство: объективная реальность или утопия? // Вопросы философии. 2025. № 1. С. 5–13.

Гребнев Р. Д. Теоретические и методологические аспекты регионализации многополярного мира // Век глобализации. 2023. № 3. С. 78–89.

Гусейнов А. А. Идеология в России: прошлое и настоящее // Вопросы философии. 2023. № 1. С. 5–9.

Данилов Ю. А. Типы капитализма // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 3. С. 150–170.

Денильханов А. Х. Многополярный мир: современная политическая повестка // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2024. № 4. С. 605–618.

Дынкин А. А. Трансформация мирового порядка: экономика, идеология, технологии // Полис. Политические исследования. 2024. № 5. С. 8–23.

Елишев С. О. Имперская государственность как основа успешного национального развития России // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2023. № 3. С. 88–112.

Ильин В. А., Морев М. В. V политический цикл Президента РФ В. Путина: «косметический ремонт» капитализма для своих или переход к «социальному капитализму» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. № 3. С. 3–35.

Ильин В. А., Морев М. В. Замкнутость на материальном как фактор национальной уязвимости России в XXI веке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. № 3. С. 9–33.

Ильин В. А., Морев М. В. От «Мюнхена-2007» до «Валдая-2023»: 16 лет, изменившие Россию и мир // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. № 5. С. 9–31.

Интервью Президента РФ В. В. Путина Медиакорпорации Китая. 2023. 16 октября [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72508> (дата обращения: 27.02.2025).

Латов Ю. В. Между футурошоком и футурозйфорией (восприятие будущего в контексте идеологических предпочтений современных россиян) // Социс. 2024. № 12. С. 88–101.

Магадеев И. Э. Идеи многополярности в концептуальном арсенале советской дипломатии на завершающих этапах Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.) // Вестник МГИМО-Университета. 2023. № 6. С. 124–152.

Мартин А. Романтики, реформаторы, реакционеры: Русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I. СПб.: Библиороссика, 2021.

Мартянов В. С. В поисках другого мейнстрима // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 112–131.

Мартянов В. С. Шанс России на обновление глобальной современности // Мировая экономика и международные отношения. 2023. № 1. С. 56–67.

Мартянов В. С., Руденко В. Н. Магия белого прогрессора: от глобального каргокульта к новой политической нормальности // Полития. 2022. № 1. С. 24–49.

Мусаелян Л. А. К вопросу об отсутствии в России государственной идеологии // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2022. № 1. С. 6–21.

Примаков Е. М. Международные отношения накануне XXI в.: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10. С. 3–13.

Сапир Ж. Каким будет новый мировой порядок? // Экономические и социальные проблемы: факты, тенденции, прогноз. 2023. № 4. С. 38–56.

Теняков И. М. Экономический рост в России в контексте глобальных трансформаций // Вопросы политической экономии. 2024. № 3. С. 99–109.

Тощенко Ж. Т. Общественный договор: исторические и современные реалии в советском/российском обществе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. № 3. С. 39–53.

Фененко А. Мировой порядок как теоретико-методологическая категория // Международные процессы. 2023. № 1. С. 6–42.

Черникова Т. В. «Греческий проект» в политической практике и имперской идеологии в России в царствование Екатерины II // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2024. № 2. С. 130–142.

Чумаков А. Н., Оуян Кан. Диалог о глобализации, культуре и цивилизации // Век глобализации. 2024. № 1. С. 3–21.

Beck T. The Role of Finance in Economic Development: Benefits, Risks, and Politics // The Oxford Handbook of Capitalism / ed. by D. C. Mueller. Oxford: Oxford University Press, 2012.

МИРОВОЙ МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС: СТОЛКНОВЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ И СМЫСЛОВ*

Русакова О. Ф., Русаков В. М.**

В статье анализируются последствия глобального миграционного кризиса, неизбежно затронувшего Россию. Остроту ему придает столкновение ценностей и смыслов, разделяемых, с одной стороны, коренным населением страны, а с другой – массами мигрантов, прибывших из государств, в которых нередко является продвижение ценностей архаичного образа жизни, воинственного исламизма и представлений о собственном нравственном превосходстве. Мировой миграционный кризис явил новый тип мигрантов: категорически не желающих ассимилироваться в то общество, куда они устремляются в поисках лучших условий жизни, но активно пользующихся всеми благами социального государства. Апологеты бесконтрольного завоза масс мигрантов в интересах обогащения олигархата выстроили целую систему аргументации в защиту этого процесса: наличие якобы беспримерного дефицита рабочей силы, необходимость решения демографических проблем в принимающей стране. Мигранты, въехавшие в Россию из государств Средней Азии, в массе своей плохо владеющие русским языком, выросшие в архаичных социальных системах, с детства прошедшие интенсивную идеологическую обработку, направленную против «русского колониализма», не только несут чуждые, неприемлемые для коренного населения России ценности и смыслы, но и агрессивно навязывают их, не останавливаясь даже перед совершением преступлений.

Ключевые слова: мировой миграционный кризис, Россия, миграционная политика, мультикультурализм, архаическое общество, ассимиляция, безопасность, столкновение ценностей и смыслов.

* **Для цитирования:** Русакова О. Ф., Русаков В. М. Мировой миграционный кризис: столкновение ценностей и смыслов // Век глобализации. 2025. № 3. С. 130–144. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.11.

For citation: Rusakova O. F., Rusakov V. M. The Global Migration Crisis: A Clash of Values and Meanings // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 3. Pp. 130–144. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.11 (in Russian).

** Русакова Ольга Фредовна – д. полит. н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующая отделом философии Института философии и права УрО РАН. E-mail: rusakova_mail@mail.ru.

Olga F. Rusakova – Dr. Polit., Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Philosophy Department of the Institute of Philosophy and Law at the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: rusakova_mail@mail.ru.

Русаков Василий Матвеевич – д. ф. н., профессор, научный редактор Издательского дома «Дискурс-Пи». E-mail: dragonera768@gmail.com.

Vasily M. Rusakov – Doctor of Philosophy, Professor, scientific editor of the Publishing house “Discourse-Pi”. E-mail: dragonera768@gmail.com.

THE GLOBAL MIGRATION CRISIS: A CLASH OF VALUES AND MEANINGS

The article analyzes the consequences of the global migration crisis that inevitably affected Russia. It is made more acute by the clash of values and meanings shared, on the one hand, by the indigenous population of the country, and on the other, by the masses of migrants who came from countries where it is not uncommon to promote the values of an archaic lifestyle, militant Islamism and ideas about their own moral superiority. The global migration crisis has revealed a new type of migrants: categorically unwilling to assimilate into the society where they are rushing in search of better living conditions, but actively enjoying all the benefits of a welfare state. Apologists for the uncontrolled importation of masses of migrants in the interests of enriching the oligarchy have built a whole system of arguments in defense of this process: the existence of an allegedly unprecedented shortage of labor, the need to solve demographic problems in the host country. Migrants, who entered Russia from Central Asian countries, who for the most part have poor command of the Russian language, grew up in archaic social systems, and underwent intensive indoctrination against "Russian colonialism" since childhood, not only carry values and meanings that are alien and unacceptable to the indigenous population of Russia, but also aggressively impose them without stopping even before committing crimes.

Keywords: *global migration crisis, Russia, migration policy, multiculturalism, archaic society, assimilation, security, clash of values and meanings.*

Постановка проблемы

Миграционные волны не новость для современного общества. После Второй мировой войны потоки беженцев и мигрантов захлестнули страны Европы и Америки: беженцы искали убежища от репрессий, войн и конфликтов; трудовые мигранты бежали от нищеты, безработицы. Но страны, принимавшие их, так или иначе сумели «переварить» эти волны, главным образом потому, что мигранты в конечном счете разделили ценности и смыслы народов этих стран, интегрировались в общества и ассимилировались в них. Однако миграционные волны, следовавшие после «арабской весны» в 2011–2015 гг., обернулись настоящим глобальным кризисом, когда государственная власть принимающих стран оказалась неспособной к выработке эффективной миграционной политики, а массы мигрантов категорически отказывались интегрироваться в общество. Именно тогда аналитики и СМИ заговорили о погружении Европы в «хаос» [Левчук 2017]. Это стало весьма неприятным «открытием» не только для обывателей, которые в одночасье обнаружили на пороге своих мегаполисов людей чуждой культуры, агрессивно устанавливающих некие «свои» порядки, но и для политиков и государственных чиновников, наивно рассуждавших о том, что мигранты «вольют свежую кровь» в стремительно стареющее общество, закроют дефицит рабочей силы.

Политические деятели, вооруженные идеологией мультикультурализма с ее центральной теорией «плавильного котла» (Melting Pot), долго не могли согласиться с ее критиками и мрачной реальностью – когда никем не контролируемые толпы мигрантов с огромным риском для жизни переплывали моря, рушили по-

граничные заграждения и создавали в пригородах мегаполисов некие «зоны недоступности» («No-go zones») [Русакова, Русаков 2015: 111–115], рассадники всевозможного криминала, куда вооруженная полиция не решалась вторгаться, даже преследуя преступников. Лишь годы спустя западноевропейские лидеры (А. Меркель, Д. Кэмерон, Н. Саркози [Европейские... 2011]) признали провал мультикультурализма и показной терпимости. Критики провальной миграционной политики оказались правы: стихийная неконтролируемая миграция носителей чуждых европейцам смыслов и ценностей – это прямая дорога к гражданской войне. Когда государство оказывается неспособным урегулировать социальный процесс в интересах собственного населения, расписывается в собственной бессилии (прикрытом «теориями», рожденными *ad hoc*), то население само может взяться за «наведение порядка» и элементарной защиты своей жизни и своих семей.

Вопросы кризиса мировой миграционной политики в последние годы находятся в центре внимания научной общественности как в странах Запада [Brekke, Brochmann 2015; Chauvin 2012; Creighton *et al.* 2015 и др.], так и в России [Ивахнюк 2015; Алешковский, Ионцев 2015; Чумаков 2017; Керимов, Благодатских 2017; Кузнецов 2019; Дубровина и др. 2022 и др.].

Их авторы стремятся выяснить причины мирового миграционного кризиса, выделить особенности миграционной политики, проводимой в отдельных странах, раскрыть группы факторов, способствующих обострению или разрешению миграционного кризиса.

Суть нынешнего миграционного кризиса состоит в том, что так называемый коллективный Запад создал в огромном количестве стран Азии, Африки и Америки невыносимые условия жизни масс населения (войны, терроризм, сверхэксплуатация, уничтожение медицинского обслуживания населения и образования, безработица, наркотрафик и т. п.), которые двинулись из родных мест в поисках благ социального государства, созданных «золотым миллиардом» для себя. В то же время в массах мигрантов господствует убеждение в том, что эти блага были созданы в том числе и за счет ограбления их стран. Отсюда – категорическое нежелание ассимилироваться с «бывшими колонизаторами», усваивать их язык, культуру и обычаи. Это мстительное чувство рождает агрессию и оправдывает в их глазах любые преступления против общества, их принявшего (в СМИ часто проскальзывает поверхностное удивление тому, как разнится поведение этих мигрантов «дома» и «в гостях»).

Добавим, что свою лепту вносит стихийная миграционная политика современных государств, которая исходит из явно нелепых, не имеющих ничего общего с реальностью представлений о мигрантах (чем-то напоминающих псевдоруссоистские идеи о неких «наивных дикарях, не испорченных цивилизацией», – добрых, законопослушных, трудолюбивых), которыми прикрывается корыстный расчет (как в случае олигархата и его «обслуживающего персонала» из журналистов, коррумпированных чиновников, глубокомысленных псевдоученых) либо собственное бессилие и нежелание искать причины явления и вразумительные средства его решения.

Кроме того, для уяснения, откуда у мигрантов берется острое неприятие практически всех сторон жизни общества, принявшего их (вспомним наивных немецких старушек с печеньем и плакатиками «Welkom!», встречавших на вокза-

лах прибывших мигрантов), агрессивное сопротивление любым формам общественного порядка, – надо обязательно иметь в виду то, из какого социального строя они вышли, что они впитали «с молоком матери». Как правило, это крайне архаические общества, находящиеся на родоплеменной стадии развития, отягощенные всеми язвами трайбализма и неокOLONиализма. Кажется, ряд идей, в свое время высказанных С. Хантингтоном, оказались пророческими [Хантингтон 2003: 280–308].

Столкновение ценностей

Феноменология столкновения ценностей и смыслов мигрантов и коренного населения (в Западной Европе ли, в России ли) весьма разнообразна – по сферам (публичная жизнь, трудовая деятельность, общественное поведение), по формам и способам осуществления (от высмеивания и брезгливого неприятия до агрессии и насилия). Все это многообразно описано в СМИ, социальных сетях, выступлениях депутатов и чиновников¹.

Главные смыслы в процессе смысложизненного ориентирования людей – это установление смысла самой жизни, а здесь очевидным образом в мигрантской среде, как правило, господствует религиозная идеология, причем в наиболее радикальной форме ваххабизма.

Из ключевых смыслов вытекают ценностные ориентации людей, определяющие их отношение к жизни и смерти, к другим людям, к трудовой деятельности, к другому полу, к семье и браку [Баева 2018; Дудкина 2022; Леонтьев 1999: 25–26, 28].

И здесь необходимо, на наш взгляд, сделать пояснение. Дело в том, что различные типы социумов определяют различные приемы и способы смысложизненного ориентирования людей: в архаических обществах социум довольно жестко ставит границы индивидуальной свободы, предопределяя содержание смыслов и ценностей индивида, тогда как европейская цивилизация, преисполненная индивидуализма, предоставляет личности широкий выбор, за который она и несет свою ответственность [Баева 2018; Иванов 2012; Кутафина, Шахова 2022; Шкалина 2020].

Поэтому, когда индивид живет в условиях архаических общностей (род, клан, племя), ему изначально предписываются вполне определенные смыслы и ценности (уважай старших, чти обычаи и традиции предков, люби и защищай свою семью [клан, племя], избегай вредных привычек и т. п.). И затем этот индивид попадает в современное европейское общество, которое само-то толком и внятно вряд может объяснить даже себе, что такое «европейские ценности» [Баева 2018; Magun *at al.* 2017], где считается аксиомой самому выбрать «ценности цивилизованного общества» с его признанием наличия определенных достоинств за каждым человеком².

¹ Например, о беспрецедентном росте криминала среди мигрантов говорится в докладе Председателя Следственного комитета России А. И. Бастрыкина 27 июня 2024 г. на сессии Петербургского международного юридического форума [Полный... 2024].

² Хорошо известно, что племенное (трайбалистское) сознание «человеком» признает только соплеменника (прочие же «двуногие, но без перьев» вполне могут быть объектом охоты, сгодиться в пищу).

Давно подмечено, что в вопросах миграционной политики Россия следует аналогичной европейской политике, наступая на те же грабли, только некоторое время спустя, и российские чиновники предпочитают учиться сугубо на своих ошибках: вместо изучения реальных фактов (многие из государственных мужей не знают реальной численности мигрантов; чиновники и депутаты договариваются до того, что с угрозой воспроизводят тезис лоббистов миграции «без мигрантов Россия погибнет» – обычно звучит убойный «аргумент»).

Еще в 2005 г. отечественные авторы отмечали преимущественно нелегитимный характер иммиграции в постсоветскую Россию, которая осуществляется за счет маятниковых перемещений людей в трудовом возрасте, оседающих затем в теневом секторе экономики, что делает оценку этого явления крайне актуальной. Надо сказать, что разброс мнений на этот счет столь же широк, как и разноречивость цифр о численности иммигрантов. Одни эксперты видят в иммиграции «панацею», благодаря которой в условиях естественной убыли коренного населения сохраняется неизменной его численность и тем самым обеспечивается необходимое для экономического роста количество рабочих рук. Другие придерживаются диаметрально противоположной точки зрения. Они убеждены, что появление большого числа нерезидентов несет прямую угрозу безопасности российского общества, развитие которого приобретает нерегулируемый характер вследствие включения в него групп людей, далеко не всегда совместимых с его ядром в этническом, конфессиональном и культурологическом плане. Существуют и более взвешенные взгляды на данную проблему [Перепелкин, Стельмах 2005; Мукомель 2017].

Особенно острый, даже неприемлемый характер приобретает процесс создания «этнических анклавов», то есть мест «компактного» (концентрированного) проживания различных этнических групп, которые в конечном счете, как в странах Западной Европы, превращаются в так называемые «No-go zones» [Русакова, Русаков 2015: 111–115].

Но сущность современного миграционного кризиса заключается, во-первых, в решительном неприятии основных норм, ценностей и смыслов большинством прибывающих в страну мигрантов, в случае России – из центральноазиатских государств СНГ, а во-вторых, – в неспособности принимающей стороны выработать и осуществить эффективную миграционную политику, позволившую бы отделить и ограничить агрессивную, не желающую адаптироваться часть масс мигрантов от тех, кто стремится интегрироваться и даже ассимилироваться с коренным населением.

В чем же проходит ценностно-смысловой раскол между коренным населением и мигрантами? Он многократно и разнообразно описан в СМИ, есть даже попытки его аналитического исследования. Россия здесь отнюдь не является первооткрывательницей. Например, опрос, проведенный в Великобритании еще в 2015 г., показал, что британские мусульмане придерживаются совершенно иных ценностей и жизненных установок, чем коренные жители Туманного Альбиона. Так, более чем 100 тыс. британских мусульман сочувствуют террористам-смертникам. Почти треть (31 %) британских мусульман думает, что многоженство должно быть легализовано. Среди 18–24-летних 35 % полагают, что приемлемо иметь больше чем одну жену. 39 % опрошенных мусульман считают, что женщины дол-

жны всегда повиноваться своим мужьям, по сравнению с 5 % среди немусульман. Каждый третий британский мусульманин отказывается полностью осуждать побивание камнями женщин, обвиняемых в супружеской измене, 35 % опрошенных мусульман полагают, что еврейский народ имеет слишком много власти в Великобритании [Керн 2016].

Одним из примеров активно-наступательного внедрения в европейскую повседневную жизнь мусульманских религиозно-культурных ценностей является ситуация, сложившаяся в современной Швеции, где благодаря экспонентному увеличению числа мигрантов происходит стремительный рост количества мусульманских храмов и молельных комнат на фоне закрытия христианских храмов (с 2000 г. в стране было закрыто и уничтожено более 130 христианских церковных зданий). Сегодня на территории Швеции расположено 59 этнических гетто, где проживают главным образом мигранты-мусульмане, общая численность которых составляет 5,5 % от всего населения страны. Эти гетто служат базой для деятельности развернутой сети мигрантских преступных кланов, которые участвуют в контрабанде оружия и наркотиков, а также в бандитских нападениях на граждан иной этнической принадлежности [Мигранты-мусульмане... 2025]. В современной России можно наблюдать почти аналогичные процессы: распространение криминальных способов получения мигрантами средств к существованию – торговля наркотиками, организация проституции, грабежи, нападения на коренных жителей [В Москве... 2018]. Дополняет эту картину агрессивное насаждение исламского фундаментализма через невероятно огромную сеть мечетей и религиозных школ, которые занимаются интенсивной обработкой сознания как мусульман, так и граждан иного вероисповедания в духе шариатского права, создают сети «халяльных» предприятий питания, парикмахерских, магазинов, поликлиник, пропагандируют мусульманскую моду в виде ношения ваххабитских бород, никабов и хиджабов, продвигают религиозные порядки, призванные не просто подчеркнуть особенности мусульманских культурных традиций, но еще и вселить в сознание людей чувство своего превосходства над «иноверцами». Однако процесс на этом не останавливается. И вот уже представители этих закрытых общностей начинают настойчиво проникать в региональные и муниципальные органы власти, что чревато разрушением властных структур изнутри. Председатель Национального антикоррупционного комитета России Кирилл Кабанов специально подчеркнул эту реальную угрозу: «Фактически речь идет о внедрении в представительные органы власти людей, которые будут представлять интересы анклавов, образованных группами по национально-религиозному признаку, и, соответственно, отстаивать только их интересы. Что в корне противоречит принципам и задачам муниципальных и региональных законодательных органов и органов местного самоуправления. Продвижение такого рода представителей уже официально укрепляет/закрепляет влияние диаспор на власть, тем самым ее разрушая» [Диаспоры... 2024].

Какие же наиболее вопиющие ценностно-смысловые конфликты потрясли российское общество? Тем более что и здесь наблюдаются зачастую принципиальные расхождения в оценках. Так, по мнению демографов из РАН, проводивших опрос, «главной ценностью среднеазиатские рабочие назвали крепкую семью и хороших детей – это выбрали 57 %. Многодетную семью хотят 42 % мигрантов.

Для 35 % из них важно уважение со стороны окружающих, 30 % хотят “жить в мире, чувствовать себя в безопасности и не ощущать угрозы насилия”, 27 % считают правильным “жить по правде, совести, справедливости”, каждый четвертый хочет “иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты”, столько же “быть богатым человеком, чтобы ни в чем себе не отказывать”, а каждый пятый стремится к Богу и следованию заповедям.

А что москвичи? У них на первом месте “интересная работа” (42 %), потом идет безопасность (29 %), стремление к богатству (26 %), и только на четвертом месте крепкая семья (25 %). Многодетными хотят быть всего 17 %, еще меньше (15 %) считают важным жить по совести, и только для 9 % важно уважение со стороны окружающих. То есть что мы видим? Москвичи индивидуалисты, карьеристы и эгоисты, а гастарбайтеры – коллективисты, семейные и совестливые» [Акопов 2023]. Не означает ли это, что именно мигранты призваны укреплять систему духовных ценностей принимающего их государства? Нет, это не так, поскольку, помимо Москвы, есть еще и Большая Россия с ее традиционными ценностями, включающими и коллективизм, и совестливость, и признание значимости семьи. Поэтому мы можем одновременно признавать и наличие правильных ценностей у мигрантов, и укреплять те же самые ценности в своем народе, считая при этом необходимым минимизировать миграцию. «Это и называется жить по справедливости – бороться за сохранение и приумножение собственного народа» [Там же].

Выводы

Острота мирового миграционного кризиса, заключающегося, с одной стороны, в нежелании подавляющего большинства мигрантов интегрироваться в общество, их принявшее, а с другой – в неспособности принимающего государства вырабатывать и проводить эффективную миграционную политику, неизбежно приводит к столкновению смыслов и ценностей коренного населения и мигрантов. Следует также учитывать, что если категорическое нежелание масс нынешних мигрантов ассимилироваться в западное общество довольно мощно подпитывается идеологией и политикой сопротивления колониализму (который наглядно демонстрирует беспощадную сверхэксплуатацию, стравливание народов в межэтнических, межконфессиональных конфликтах, развязывание войн, уничтожающих элементарные условия жизни людей и порождающих гигантские массы беженцев), то в случае с Россией низкая способность к выработке эффективной миграционной политики подпитывается собственной олигархией, маскирующей своекорыстные интересы «антиколониальной» риторикой, в духе которой она вот уже более 30 лет обрабатывает свое население. Лоббисты миграции (в том числе – нелегальной) агрессивно навязывают идею о «дешевизне» мигрантской рабсилы, которая-де только и «спасет» страну от тотального дефицита трудоспособного населения. Реальность говорит о прямо противоположном. Так, к примеру, Россия потратила почти 5,7 млрд рублей на создание русскоязычных школ в Таджикистане и их оснащение всем необходимым [Как дешево...]. Сегодня дети гастарбайтеров бесплатно учатся в российских школах, им выдаются места в детских садах. В некоторых городах России есть школы, где дети коренного населения находятся в меньшинстве, а родители и дети приезжих командуют и устанавливают свои по-

рядки. В настоящее время в России обучаются порядка 185 тыс. студентов из стран Центральной Азии, из них за счет российского бюджета – около 68 тыс. человек [В МИД РФ...].

Но не только бесплатным образованием Россия одаривает мигрантов. Есть для них еще и бесплатная медицина. Так, по экспертным оценкам, на лечение гастарбайтеров к 2020 г. потребовалось до 20 % от всех госрасходов России на медицину, притом что возрастающее и неконтролируемое присутствие мигрантов в нашей стране ухудшает общероссийскую статистику заболеваемости гепатитом, ВИЧ-инфекциями, туберкулезом (поскольку в родных странах давно забыли про вакцинацию).

Вывод, увы, печальный: российский олигархат вначале систематически и фундаментально разрушает системы образования, воспитания, медицинского обслуживания, профессиональной подготовки, всю социальную сферу жизни общества (она, с его точки зрения, – непрофильный актив, подлежащий «оптимизации»), а когда наступают последствия его многолетней деятельности, он подает это как нечто «естественное» («почему-то» идет убыль населения, не хватает учителей, врачей, квалифицированных рабочих. Надо немедленно что-то делать!). Вот тут-то он и выдумывает «волшебное средство» – массовый завоз мигрантов (желательно нелегальных), которые в устах их пропагандистов предстают «законопослушными», «трудолюбивыми» (в отличие от «ленивого» и «пьянствующего» коренного населения), «богобоязненными», – правда, все социальные расходы на содержание таких мигрантов перекладываются на госбюджет (то есть на коренное население, обыкновенных налогоплательщиков [Проект...]).

В итоге страна планомерно заводится в ряд тупиков: резкое понижение технологического уровня производства, деградация социальной структуры общества, утечка мозгов, рост ксенофобии. Сегодня рождается еще один тезис этой ложной дилеммы («либо мигранты, либо конец целого ряда отраслей, значительное удорожание товаров и услуг») – рассуждения о том, что «резкий подъем заработной платы» (в том числе из-за оттока мигрантов после некоторого ужесточения законодательства) нисколько не повлиял на трудовую активность «ленивых россиян».

Для безопасности страны в качестве угрозы представляется мнение некоторой части управленцев, согласно которому все проблемы общества можно решить простым их «залитием» денежной массой. Такая миграционная политика создает предпосылки *гражданской войны* (вне зависимости от того, понимают ли это ее лоббисты или нет). К таковым, к примеру, можно отнести создание органов параллельной власти (так называемые диаспоры), которые, пользуясь коррупцией, «прокупают» любые органы власти. Кроме того, необходимо также учитывать тот факт, что по всей стране созданы так называемые «спортивные (этнические) клубы» ММА³. Сегодня только в Москве работают порядка 20 киргизских бойцов-

³ ММА (Mixed Martial Arts) – это вид спорта, в котором бойцы используют различные техники и стили боевых искусств для победы над соперником. Хотя формально такие клубы занимаются подготовкой бойцов для выступления на соревнованиях по боям без правил, на деле молодежь из диаспор получает там спортивную и боевую подготовку (включая стрельбу из оружия), а сами основатели таких клубов признаются, что связаны с этническим криминалом. Полиция уже многократно задерживала бандитов из бойцовских клубов, при них почти всегда было огнестрельное или травматическое оружие.

ских клубов, несколько таджикских и кавказских. Всего же в столице насчитывается до 400 подобных клубов, включая те, о которых информации в Интернете просто нет, так как они работают подпольно и попасть туда мигранты могут лишь по своим каналам. Что же касается тех клубов, которые на виду, то в каждый их них регулярно ходят заниматься около 150–200 человек из числа мигрантов [Мигранты...]. Из участников данных клубов готовятся кадры уличных бойцов (что наглядно демонстрируется ежедневной криминальной хроникой). Важно также иметь в виду, что наша страна опутывается сетью этнических хостелов, где отлеживаются и будут отсиживаться те самые бойцы в ожидании сигнала к наступлению (как это было в случае с «Крокус Сити Холлом» в Москве). Другими словами, Россию ее внешние и внутренние враги хотят взорвать изнутри. И это – не досужая конспирология. Об этом говорит и обнаруженная в стране целая сеть схронов с оружием, организованная мигрантами. Координировать управление мигрантским боевым сообществом довольно хорошо удастся из-за границы, о чем свидетельствует организованный украинским ТГ-каналом «Утро Дагестана» 21 июля 2023 г. в центре Москвы масштабный марш мигрантов, которые шли сразу несколькими толпами и скандировали радикальные лозунги. Становится очевидным, что мы столкнулись с еще не изученным нами проявлением когнитивной войны, когда большие группы мигрантов используются в качестве протестного ресурса в надежде на то, что это приведет к стычкам полиции с приезжими, что в итоге может вывести ситуацию из-под контроля [Россию... 2023].

Определенный «вклад» в процесс урегулирования ответственности за развертывание миграционного кризиса международный капитал пытается внести руками ООН путем перекалывания последствий развязываемых им войн, конфликтов и порождаемых этим потоков беженцев и трудовых мигрантов на плечи населения развитых стран, и в частности России. Еще в 2018 г. ООН был принят так называемый «Глобальный договор о миграции» (ГДМ) [Глобальный...], согласно которому подписавшие его должны: обеспечить за бюджетный счет мигрантам места поселения со всеми прилагаемыми условиями проживания, питания и медицинской помощи; в полном объеме принять культуру и традиции прибывающих людей, абсолютно все традиции, даже если они кардинальным образом отличаются от собственных традиций принимающей страны; обеспечить полное признание образования и профессиональной квалификации мигрантов для обеспечения их беспрепятственной интеграции на местном рынке труда; строжайше наказывать любое отступление или критику обозначенных целей договора, а также попытки помешать обоснованию мигрантов на территории страны в средствах массовой информации, в политических дискуссиях и индивидуальных разговорах.

Данный договор способен глубоко дестабилизировать сложившуюся систему национальных государств. Его авторы «исходят из автоматического предоставления мигрантам социального пакета, равного, а то и превосходящего его объем для собственных граждан страны. Хотя бы потому, что гражданам для получения благ следует работать и платить налоги, а мигрантов следует обеспечивать просто по факту их существования. Причем принимать их следует в обязательном порядке, столько, сколько их придет, и ни в коем случае не мешать формированию ими собственных этнических анклавов. Чем все это оборачивается, хорошо видно на примере Франции, Германии и особенно Скандинавских стран, где возникают и

расширяются анклав, вообще никак с принявшим государством уже не связанные. Внутри них мигранты живут по собственным законам и в соответствии с собственным культурным укладом, а принимающее государство их лишь содержит за счет налогоплательщиков» [Глобальный... 2018].

В Заявлении Российской Федерации к Глобальному договору о безопасности, упорядоченной и легальной миграции, принятом 11 декабря 2018 г., говорится, что Россия, поддерживая в целом принятие данного Договора, в то же время возражает против определенных его пунктов, в частности отмечается: «Мы против того, чтобы переложить все тяготы на чужие плечи, в то время как нынешняя сложная миграционная ситуация во многом является следствием безответственного вмешательства во внутренние дела суверенных государств Ближнего Востока и Северной Африки. В этой связи страны, активно участвовавшие в таком вмешательстве, должны нести первоочередную и наибольшую ответственность, в том числе за миграционные последствия» [Заявление... 2018].

В октябре 2018 г. Указом Президента РФ в России принимается Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг., в которой указывается, что одной из стратегических целей данной политики является создание такой миграционной ситуации, которая способствует решению задач «поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода» [Указ...]. Важно также отметить, что среди основных принципов миграционной политики страны назывался «приоритет интересов Российской Федерации и российских граждан, постоянно проживающих на ее территории», что должно способствовать правильному выстраиванию системы доминант в случае возникновения конфликтных ситуаций между коренными жителями страны и мигрантскими общинами.

Однако принятое миграционное законодательство Российской Федерации не в полной мере соответствовало текущим и будущим потребностям экономического, социального и демографического развития, интересам работодателей и российского общества в целом. Несовершенство действующей системы управления миграционными процессами проявляется, в частности, в наличии большого числа незаконных мигрантов. Ежегодно в стране от 3 до 5 млн иностранных граждан осуществляют трудовую деятельность без официального разрешения. Незаконная миграция, питающая рабочей силой теневой сектор экономики, является одной из главных причин усиления негативного отношения к мигрантам со стороны значительной части населения Российской Федерации.

Основной целью трудовой зарубежной миграции выступает создание работающей (не игнорируемой российскими работодателями и мигрантами) модели привлечения иностранной рабочей силы, которая вытекала бы из реальных потребностей российского рынка труда, не ущемляя прав российских работников, и при этом гарантировала бы права трудовых мигрантов. Политика по привлечению трудовых мигрантов должна быть дополнительным, а не основным инструментом исправления ситуации на рынке труда. В этой связи актуальной управленческой задачей является определение реального дефицита кадров на российском рынке труда, оценка возможностей перераспределения имеющихся нацио-

нальных трудовых ресурсов и, исходя из этого, – потребности в привлечении иностранной рабочей силы. Такая задача должна решаться в комплексе с реализацией государственной социально-экономической политики, политики занятости населения, политики в области образования и регионального развития. Защита интересов национальных работников может обеспечиваться не только количественными ограничителями для иностранной рабочей силы. Приоритетное право трудоустройства для российских работников уже гарантирует их преимущество на рынке труда. Законодательно закреплённая реализация принципа равной оплаты за равный труд для мигрантов и национальных работников также на деле является механизмом защиты национального рынка труда, так как не позволяет расценивать мигрантов в качестве источника дешёвой рабочей силы [Предложения...].

В Указе Президента РФ от 12.05.2023 № 342 «О внесении изменений в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.» [Указ... 2023], опубликованном после объявления специальной военной операции (СВО), были существенно расширены права мигрантов, проживающих на территории России и прибывающих из-за рубежа, а также уделялось особое внимание проблемам адаптации иностранных граждан и их детей к особенностям российского образа жизни. В частности, отмечалось, что для успешного протекания данного адаптационного периода необходимыми его элементами выступают следующие компоненты: успешное освоение мигрантами русского языка и общепризнанных в российском обществе норм поведения (правил общежития) с учетом социальных и культурных особенностей территорий, на которых они проживают; формирование присущих российскому обществу правосознания и правовой культуры; приобщение к традиционным российским духовно-нравственным ценностям.

Также предполагалось разработать методические рекомендации для профессиональных образовательных организаций и вузов по адаптации студентов-иностранцев, в том числе и по их приобщению к традиционным духовно-нравственным ценностям [Там же].

Сегодня в ряде субъектов Российской Федерации вводятся ограничения на участие мигрантов из ряда азиатских государств в разного рода профессиональной деятельности. В частности, речь идет о запрещении работы мигрантов курьерами и таксистами [Михеев]. Это решение городских властей Санкт-Петербурга является экспериментальным и действует до конца 2025 г. Данное решение поддержал известный общественный деятель и публицист Сергей Михеев, который подвергает резкой критике отечественную миграционную политику: «На моем Telegram-канале есть статья про нашу миграционную политику. Глубоко убежден, что наша миграционная политика в значительной степени выстроена в проглобалистском стиле, – это плохая копия с европейских практик, помноженная на нашу коррупцию и криминальную ситуацию. Если сказать честно, то миграционной политики у нас нет. Десятки миллионов завозят, они работают где хотят, покупают за деньги паспорта и становятся гражданами России... Происходит ситуация, схожая с европейской: создаются анклавные «государства в государстве», живущие по своим законам и местами пытающиеся навязывать свои правила игры. В экономической ситуации это выражается в том, что целая сфера экономики

практически оккупирована этническими группами. В политической – это тоже угроза, потому что большинство мигрантов живут в положении двойной лояльности: “Мы приехали в Россию, зарабатываем деньги, пытаемся здесь осесть, но у нас есть настоящая родина, на которую мы ориентируемся”. Вдобавок некоторые экстремистски настроенные религиозные объединения говорят: “Для нас авторитеты – это экстремистские (исламистские) проповедники в дальних странах”» [Михеев].

Согласно позиции некоторых политологов и экспертов, создается впечатление, что «мигранты приезжают в Россию для того, чтобы не жить вместе с нами, а жить вместо нас. Это говорилось в прошлом году на Международном юридическом форуме, об этом часто говорит председатель Следственного комитета Александр Бастрыкин... На мой взгляд, миграционная политика требует глубокого переосмысления» [Там же].

Мы целиком согласны с мнением С. Михеева о том, что и в Европе, и в России вопрос о решении проблемы адаптации мигрантов оказался полностью провален. Даже с экономической точки зрения еще требуется доказать, что расширение потоков мигрантов является весьма выгодным для принимающей их страны, приносит предпринимателям огромные деньги. Но если считать, что существование государства связано не только с ценностями, продиктованными экономической выгодой, но также с решением вопросов безопасности, сохранения самоидентификации, своего культурного кода, то задачи защиты собственных смысловых ценностей от различных атак со стороны мигрантов оказываются на переднем плане современной идеологической борьбы. По этому поводу Михеев отмечает: «Люди, которые сюда приезжают, очень часто настроены крайне враждебно – даже к СВО – и не скрывают этого... Тогда к чему все наши разговоры о патриотизме и истории, если самое главное – это деньги?» [Там же].

Потоки мигрантов на практике не только не способствуют развитию страны, но и тормозят его. Разрастающаяся сфера услуг, в которой мигранты часто находят работу, приносит выгоду не столько коренным гражданам государства, сколько самим мигрантам, поскольку в данной среде им удобно культивировать собственные правила жизни. Вместо того чтобы исполнять наши законы и соблюдать российские нормы жизни, мигранты нередко пытаются навязать обществу собственные религиозные порядки и отсталый образ существования. Современная Россия не может и не должна с этим мириться.

Литература

Акопов П. К чему ведет сравнение жизненных ценностей мигрантов и москвичей [Электронный ресурс] : ИА Regnum. 2023. 28 ноября. URL: <https://regnum.ru/opinion/3849247?ysclid=mbley8mqkt843003807> (дата обращения: 08.08.2024).

Алешковский И. А., Ионцев В. А. Управление международной миграцией в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 1(15). С. 75–87.

Баева Л. В. Компаративный анализ ценностей России и Европы в контексте исследования экзистенциальной безопасности // Вестник РУДН. Сер.: Философия. 2018. Т. 22. № 2. С. 183–196.

В МИД РФ сообщили, что в странах Центральной Азии откроют филиалы ведущих российских вузов [Электронный ресурс] : ТАСС. 2023. 16 мая. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17755981?ysclid=mbl8u7t4rt890781264> (дата обращения: 08.08.2024).

В Москве «выстраиваются» гетто [Электронный ресурс] : Коммерсантъ FM. 2018. 8 ноября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3793520> (дата обращения: 28.08.2024).

Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции [Электронный ресурс]. URL: https://www.eeas.europa.eu/node/414163_fr (дата обращения: 08.08.2024).

Глобальный договор о миграции разрушит весь нынешний мир. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://news-front.su/2018/12/06/globalnyj-dogovor-o-migratsii-razrushit-ves-nyneshnij-mir/?ysclid=mblbqf18qz570751537> (дата обращения: 08.08.2024).

Диаспоры берут власть в России. Кому выгодно превратить страну в халифат [Электронный ресурс] : Царьград. 2024. 8 сентября. URL: <https://dzen.ru/a/ZtxEYNLxk8RcoUd?ysclid=mbolmhupf0336870115> (дата обращения: 10.04.2025).

Дубровина О. В., Дубровина О. Ю., Ливанова И. В. Миграционные процессы: политико-правовое регулирование // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. Вып. 7(83). С. 2325–2334.

Дудкина А. В. Традиционные ценности российского общества в цифровую эпоху // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 4. С. 83–91.

Европейские лидеры признали крах политики мультикультурализма и показной толерантности [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2011-02-13/131261-evropeyskie_lidery_priznali_krah_politiki_multikulturalizma_i_pokaznoy_politkorrektnosti.html (дата обращения: 28.08.2024).

Заявление Российской Федерации к Глобальному договору о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, Марракеш, 11 декабря 2018 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/iniitsiativy_rossii_v_oon/1580147/ (дата обращения: 08.08.2024).

Иванов И. Д. Анатомия европейских ценностей // Современная Европа. 2012. № 2. С. 12–24.

Ивахнюк И. В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 1. С. 36–51.

Как дешево России обходятся мигранты [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/218815-kak-deshevo-rossii-obhodjatsja-migrany.html> (дата обращения: 08.08.2024).

Керимов А. А., Благодатских В. Г. Межнациональные отношения в современной России: проблемы и пути решения // Дискурс-Пи. 2017. № 2(27). С. 40–47.

Кузнецов Г. С. Миграционные процессы Российской Федерации в условиях глобализации // Экономика. Право. Общество. 2019. № 4. С. 121–130.

Кутафина К. В., Шахова Ю. В. Ценности западной и российской культур в сравнительном аспекте // Научные известия. 2022. № 28. С. 56–58.

Левчук К. Европа погружается в миграционный хаос. 2017. 25 февраля [Электронный ресурс]. URL: <http://business-swiss.ch/2017/02/evropa-migratsionny-j-haos> (дата обращения: 28.08.2024).

Леонтьев Д. А. Психология смысла. Природа, структура и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 1999.

Мигранты выходят на охоту: бойцовские клубы для приезжих поднимут бунт в России [Электронный ресурс]. URL: https://ekb.tsargrad.tv/articles/migranty-vyходjat-na-ohotu-bojcovskie-kluby-dlja-priezzhih-podnimut-bunt-v-rossii_853858 (дата обращения: 28.08.2024).

Мигранты-мусульмане меняют привычный облик Швеции [Электронный ресурс]: Взгляд. 2025. 15 апреля. URL: https://dzen.ru/a/Z_4a2zhKUzvf-jE5?ysclid=mbnyoiydbb900443243.

Михеев С. В Санкт-Петербурге решили запретить мигрантам работать курьерами и таксистами [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/aDrXPdi-mCCIZpDa> (дата обращения: 04.06.2025).

Мукомель В. И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Statistics and Economics. 2017. Т. 14. № 6. С. 69–79.

Полный текст выступления главы Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкина на Петербургском МЮФ-2024 «Правовые аспекты миграционной политики в современной России» [Электронный ресурс]. URL: <https://narodsobor.ru/2024/07/03/pravovye-aspekty-migraczionnoj-politiki-v-sovremennoj-rossii> (дата обращения: 28.08. 2024).

Перепелкин Л. С., Стельмах В. Г. Нелегитимная иммиграция и неофициальная занятость в Российской Федерации: зло, благо или неизбежность? // Общество и экономика. 2005. № 4. С. 49–62.

Предложения к миграционной стратегии России до 2035 года [Электронный ресурс]. URL: <https://roscongress.org/materials/predlozheniya-k-migratsionnoj-strategii-rossii-do-2035-g/?ysclid=mbkwziw7n8237550589> (дата обращения: 23.04.2025).

Проект «Вавилон»: кто задумал уничтожить Россию руками мигрантов [Электронный ресурс]. URL: https://ekb.tsargrad.tv/articles/proekt-vavilon-kto-zadumal-unich-tozhit-rossiju-rukami-migrantov_943543(дата обращения: 28.08.2024).

Россию хотят взорвать изнутри: по всей стране найдены арсеналы оружия мигрантов. 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://tsargrad.tv/articles/rossiju-hotjat-vzorvat-iznutri-po-vsej-strane-najdeny-arsenaly-oruzhija-migrantov_866234?ysclid=mbblaseh9iq925752969 (дата обращения: 08.08.2024).

Русакова О. Ф., Русаков В. М. «No-go-Zones» и проблемы суверенитета западноевропейских государств // Свободная мысль. 2015. № 5. С. 111–115.

Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/58986> (дата обращения: 08.08.2024).

Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 г. № 342 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49202> (дата обращения: 08.08.2024).

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.

Чумаков А. Н. Грядущая демографическая лавина: на пороге великого переселения народов // Век глобализации. 2017. № 2. С. 3–19.

Шкалина Г. Е. Европейские ценности: история формирования // Вестник Марийского государственного университета. Сер.: Исторические науки. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 1. С. 69–78.

Brekke J.-P., Brochmann G. Stuck in Transit: Secondary Migration of Asylum Seekers in Europe, National Differences and the Dublin Regulation // *Journal of Refugee Studies*. 2015. Vol. 28. No. 2. Pp. 145–162. DOI: 10.1093/jrs/feu028.

Chauvin S., Garces-Mascarenas B. Beyond Informal Citizenship: The New Moral Economy of Migrant Illegality // *International Political Sociology*. 2012. Vol. 6. No. 3. Pp. 241–259.

Creighton M. J., Jamal A., Malancu N. C. Has Opposition to Immigration Increased in the United States after the Economic Crisis? An Experimental Approach // *International Migration Review*. 2015. Vol. 49. No. 3. Pp. 727–756. DOI: 10.1111/imre.12091.

Gil-Bazo M.-T. Asylum as a General Principle of International Law // *International Journal of Refugee Law*. 2015. Vol. 27. No 1. P. 3–8. DOI: 10.1093/ijrl/eeu062.

Magun V., Rudnev M., Schmidt P. A Typology of European Values and Russians' Basic Human Values // *Sociological Research*. 2017. Vol. 56. No. 2. Pp. 149–180.

Kern S. UK: What British Muslims Really Think. 2016. April 17 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/7861/british-muslims-survey> (дата обращения: 23.08.2024).

МАТЕРИАЛЬНОСТЬ ВРЕМЕНИ: ПОЛИТИКА ТЕМПОРАЛЬНЫХ ГРУПП*

Митрофанова А. В., Рязанова С. В.**

В статье предложены аналитические инструменты, позволяющие выявить признаки и методы установления политического контроля над временем. Понятие «цайтшафт» отражает присутствие или отсутствие в материальном ландшафте элементов (объектов или темпорально обусловленных действий), выражающих социальные представления о времени, определенные властными отношениями. Авторы подчеркивают, что цайтшафт отражает не только историческую память, но и социальные представления о настоящем и будущем, как доминирующие, так и альтернативные. Характеристики конкретных цайтшафтов определяются темпоральными порядками или режимами, обуславливающими общую ориентацию на настоящее, прошлое или будущее. В качестве создателей цайтшафта авторы рассматривают темпоральные группы, сформированные по принципу временных предпочтений (например, постоянные жители и приезжие). Тема рассмотрена на эмпирическом материале российских городов, в первую очередь характеризующихся наличием «трудного наследия». Приведены примеры футуристических, пессимистических и презентистских цайтшафтов. Предложенная терминология предназначена не для описания новых политических феноменов, но для исследования уже известных явлений с помощью темпоральной оптики.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00514: «Борьба за новое прошлое: темпоральные группы в малых городах России». URL: <https://rscf.ru/project/25-28-00514/>.

Для цитирования: Митрофанова А. В., Рязанова С. В. Материальность времени: политика темпоральных групп // Век глобализации. 2025. № 3. С. 145–154. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.12.

For citation: Mitrofanova A. V., Ryazanova S. V. Materiality of Time: The Politics of Temporal Groups // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 3. Pp. 145–154. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.12 (in Russian).

** Митрофанова Анастасия Владимировна – д. полит. н., в. н. с. ИСПИ Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, профессор кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: avmitrofanova@fa.ru.

Anastasia V. Mitrofanova – Dr. Polit., Lead Researcher at the Institute of Socio-Political Research of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: avmitrofanova@fa.ru.

Рязанова Светлана Владимировна – д. ф. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований ПФИЦ УРО РАН, профессор кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры. E-mail: svet-ryazanova@yandex.ru.

Svetlana V. Ryazanova – Dr. Phil., Lead Researcher at the Institute of Humanitarian Research of the Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Perm State Institute of Culture. E-mail: svet-ryazanova@yandex.ru.

Ключевые слова: темпоральность, цайтшафт, темпоральные группы, темпоральный порядок, презентизм, ландшафты памяти, трудное наследие, городской ландшафт, ландшафт будущего, темпоральные привязки.

MATERIALITY OF TIME: THE POLITICS OF TEMPORAL GROUPS

This article introduces analytical tools for identifying the mechanisms and markers of political control over time. The concept of Zeitschaft captures the presence or absence of material elements (objects or temporally conditioned practices) in the landscape that embody socially constructed notions of time, as shaped by power dynamics. The authors argue that Zeitschaft encompasses not only historical memory but also social visions of the present and future, whether dominant or alternative. The characteristics of specific Zeitschafts are determined by temporal regimes or structures that determine a general orientation toward the past, present, or future. The authors consider temporal groups formed according to the principle of time preferences (for example, permanent residents and newcomers) as creators of the zeitschaft. Drawing on empirical case studies from Russian cities – particularly those with “difficult heritage” – the analysis illustrates futuristic, passéistic, and presentist Zeitschafts. Rather than promoting new political realities, the proposed framework re-examines familiar phenomena through a temporal lens.

Keywords: temporality, Zeitschaft, temporal groups, temporal order, presentism, memoryscapes, difficult heritage, urban landscape, futurescape, temporal anchoring.

Проблема политического контроля над временем сводится к отсутствию выбора. Если в пространстве человек более или менее свободно перемещается в любом направлении, наше движение во времени полностью детерминировано. Мы не можем непосредственно применить к нему привычные инструменты контроля или символически отметить фрагменты времени, которые контролируем, сами по себе. Политический контроль над временем осуществляется через посредство пространства и в данной сфере наиболее очевидна неразрывная связь пространства и времени. Точнее, речь идет не просто об абстрактном, геометрическом пространстве, а о «месте» – то есть пространстве, наделенном значением для человека [Cresswell 2004: 7].

Понятие «цайтшафт»

Нерасторжимая связь времени и места ассоциируется прежде всего с концепцией хронотопа у Михаила Бахтина. Однако понятие «хронотоп» первоначально применялось для анализа литературы, так как выявляло репрезентацию единства места и времени в тексте, причем это единство представлялось скорее символическим. Тем не менее концепция вполне применима к материальной реальности при условии нарративизации последней, то есть восприятия реальности как текста, который исследователь должен прочитать.

В социологии времени, в первую очередь у Барбары Адам, возникла также концепция «ландшафта времени», или таймскейпа (timescape), представляющая собой расширение представлений о пространственном ландшафте с целью выявить темпоральное измерение социальной жизни. Таймскейп [Adam 2008] отра-

жает такие аспекты человеческого существования, как ритм, длительность, темп и тому подобное (например, таймскейп большого города предполагает ритмическое чередование пиковых и спокойных часов). Концепция таймскейпа обладает серьезным эвристическим потенциалом для политической науки. Политическая жизнь обладает собственными ритмами и темпами: периодичность выборов, сроки пребывания у власти и т. д. [Esposito, Becker 2023: 3]. Таймскейпы разных социальных групп отражают социальное неравенство и тем самым представляют политическую проблему.

Тем не менее мы хотели бы предложить собственный аналитический инструмент, который считаем возможным назвать «цайтшафтом» на основе правил немецкого языка (*Zeitschaft*), так как русское слово «ландшафт» также имеет немецкое происхождение¹. В отличие от хронотопа Бахтина, концепция цайтшафта нацелена на исследование пространственно-временного единства в материальном мире, поскольку она не предполагает символических интерпретаций или нарративизации реальности. Мы связываем цайтшафт с присутствием или отсутствием в материальном ландшафте элементов, отражающих социальные представления о времени, включая как материальные объекты (здания, памятники, улицы, музеи, памятные знаки и др.), так и темпорально обусловленные действия (например, праздничные демонстрации или исторические реконструкции). Цайтшафт неотделим от ландшафта, образуя с ним пространственно-временное целое, создающее селективный образ времени, определенный властными отношениями, поскольку доминирующие группы обладают возможностями построения цайтшафтов в соответствии со своими интересами. В то же время возможны альтернативные цайтшафты, отражающие иные представления о времени.

Наша концепция цайтшафта близка как «местам памяти» Пьера Нора, так и разнообразным представлениям исследователей о «ландшафтах памяти». Например, по мнению Карен Тилл, «создавая места памяти, люди часто придают вызванным призракам [прошлого] пространственную форму через посредничество ландшафта» [Till 2005: 9]. Шэрон Макдоналд указывает, что ландшафты наполнены «продуктами коллективной работы памяти – местами наследия, мемориалами, музеями, мемориальными досками и инсталляциями, созданными, чтобы напоминать нам об исторических событиях» [Macdonald 2013: 1]. Макдоналд обозначает эти ландшафты как «территории памяти» (*memorylands*). Появился также термин *memorgscape* (буквально: ландшафт памяти) [Zavadski *et al.* 2024]. Следует отметить одну из ранних публикаций по теме: статью Тима Инголда «Темпоральность ландшафта» (1993), где автор утверждает, что ландшафт имплицитно содержит темпоральность, так как его восприятие человеком представляет собой «акт воспоминания» [Ingold 1993: 152].

Мы хотели бы провести существенное различие между указанными концепциями и понятием цайтшафта: последнее отражает не только историческую память, то есть социальное видение прошлого, но также представления о настоящем и будущем, как доминирующие, так и альтернативные. Ближайшие аналоги цайтшафта мы находим в утверждении Кевина Линча, что в физический мир встроена

¹ Насколько нам известно, в немецком языке такой термин отсутствует, хотя слово *Zeitschaft* было использовано при переводе с английского фантастического романа Грегори Бенфорда «*Timescape*» (1980), в русском переводе – «Панорама времен».

«очевидность времени» – включая прошлое, будущее и настоящее [Lynch 1972: 1]. Цайтшафты включают «футурошафты», ландшафты будущего (*futureescapes*), о которых упоминает Б. Адам [Adam 2008], хотя в ином ключе, чем авторы данной статьи. Цайтшафт отражает также представления общества о собственном настоящем – данная тема ранее рассматривалась через призму анализа нарративов о «нашем времени» [Орлова и др. 2022].

При изучении конкретных цайтшафтов можно отметить точки пересечения с ландшафтами памяти, так как современные цайтшафты ориентированы в основном на социальные представления о прошлом. Например, туристы, посещающие другой город или страну, стремятся увидеть прежде всего исторические места, и лишь в незначительной степени – познакомиться с образом настоящего, хотя относительно недавно почти все, что относилось к прошлому, маркировалось как «отсталое» и не заслуживающее внимания. Алейда Ассман выделяет ностальгию и травму как причины повышенного внимания современного человека к прошлому, неспособности расстаться с ним [Assmann 2013: 53].

Тема будущего в большинстве цайтшафтов представлена слабо, что можно объяснить нашими смутными представлениями о будущем. К. Линч пишет, что «прошлое создано из множественных опытов, о которых постоянно напоминают различные установления, материальное окружение или архивные записи. Понятие о будущем питается более слабыми источниками. Оно не только объективно неопределенно (конечно, как и прошлое, что подтвердит – с сожалением – любой историк), но и субъективно выглядит менее прочным и насыщенным» [Lynch 1972: 91]. Чтобы наполнить «футурошафт» материальными привязками (допустим, сооружениями, монументами), необходимо иметь подробный образ будущего, что проблематично для современного человека. Наблюдать масштабные «ландшафты будущего» приходится нечасто (к таковым можно отнести город Иннополис в Татарстане), но отдельные вкрапления будущего встречаются в цайтшафтах (бегущие по городу роботы-доставщики)².

Темпоральные порядки и темпоральные группы

Характеристики конкретных цайтшафтов определяются темпоральными порядками или режимами (общая терминология по данному вопросу в науке не сложилась, поэтому мы предлагаем пользоваться этими терминами как взаимозаменяемыми), которые обуславливают общую темпоральную ориентацию цайтшафта. Например, Франсуа Артог [2004] выделяет футуристическую (на будущее), пассивистическую (на прошлое) и презентистскую (на настоящее) ориентацию. Футуристический цайтшафт можно было наблюдать, например, пока существовала станция московского метро «Дворец Советов» (сейчас «Кропоткинская»), отделанная как подземный вестибюль дворца, который никогда не был построен. Пассивистические цайтшафты характеризуются консервацией прошлого, или, если консервировать уже нечего, тщательной реставрацией – можно назвать восстановление по чертежам бельгийского города Левена, который в 1914 г. был стерт немецкой артиллерией с лица земли. Презентистский цайтшафт характеризуется

² Отметим, что футурошафты могут отражать не только позитивный образ будущего, но и страх перед ним; по этой причине «постапокалиптический ландшафт» можно оценить как вариант цайтшафта будущего.

тем, что во имя потребностей настоящего уничтожаются элементы прошлого или будущего: например, в случае сноса памятников конфедератам на Юге США.

На практике темпоральные режимы не распределяются по четким категориям, напротив, как подчеркивают исследователи, они образуют комплексную темпоральную «экосистему», предполагающую не только конкуренцию и конфликт, но и сотрудничество, а иногда – нестабильность и анархию [Edelstein *et al.* 2020: 27]. Бербер Бевернаге и Крис Лоренц поднимают вопрос о том, что понятия «прошлое», «настоящее» и «будущее» не обязательно принимать на веру, так как эти три модуса темпоральности конструируются социальными акторами [Breaking... 2013: 10]. Утверждение, что нечто уже не является настоящим, но стало прошлым, очевидно, отражает результаты политических решений. Мы не можем не отметить, что в последние десятилетия граница прошлого – возможно, из-за быстрых социальных и технологических изменений – все ближе подходит к настоящему: например, «мир до смартфонов» уже воспринимается как глубокое прошлое.

Конкретный темпоральный порядок (режим) предполагает наличие привязок (якорей) – объектов и действий, которые включены в данный цайтшафт или исключены из него. Например, футуристический порядок (режим) предполагает целенаправленное изъятие из цайтшафта элементов, напоминающих о прошлом и настоящем. Привязка цайтшафта к определенному моменту прошлого или ориентация на настоящее может привести к очищению от других элементов, в результате чего происходит обеднение цайтшафта, наполненного уже не столько «местами памяти», сколько «местами забвения», lieux d'oubli [Beiner 2018; Nourkova, Gofman 2023]. Один из самых известных примеров – отсутствие на памятнике «Тысячелетие России» (1862 г., Великий Новгород) фигуры Ивана Грозного, несмотря на его вклад в становление российской государственности. «Белые пятна» цайтшафта являются объектами анализа, равноценными наличествующим объектам.

В качестве создателей темпоральных порядков и цайтшафтов мы предлагаем рассматривать темпоральные – то есть сформированные по принципу временных предпочтений – группы. Речь не о выделении особых групп, существующих наравне с этническими, религиозными или профессиональными, но о применении темпоральной оптики к анализу любых социальных групп, интересы которых расходятся или совпадают в зависимости от темпоральных факторов. Темпоральная группа может сформироваться на религиозном, национальном, территориальном, профессиональном и иных основаниях.

В качестве темпоральных групп можно выделить постоянных жителей местности и приезжих (туристов, мигрантов), подходы которых к цайтшафтам, вероятнее всего, будут различаться: постоянные жители могут быть заинтересованы в осовременивании цайтшафта и устранении «архаических» элементов, в то время как туристы, возможно, приезжают в данную местность ради аутентичных памятников старины. Возможна и противоположная ситуация, когда новоприбывшие пытаются осуществить проект развития территории и переформатировать цайтшафт как футуристический, в то время как местные жители защищают традиционный образ жизни и могут быть маркированы как «отсталые» или «слаборазвитые» (классическая ситуация колонизации).

Фернандо Эспозито и Тобиас Бекер предлагают рассматривать как темпоральные группы консерваторов, поскольку они ориентированы на прошлое, и

прогрессистов, ориентированных на будущее [Esposito, Becker 2023: 19]. Правые от левых в современной политике также отличаются в основном темпоральной ориентацией. Элиас Канетти фактически может считаться пионером данного подхода, так как указывает на предков и потомков как группы, в интересах которых осуществляются политические действия [Канетти 1997: 49–54]. В каждом цайтшафте можно увидеть результаты деятельности конкретных темпоральных групп, продвигающих собственные образы прошлого, настоящего или будущего.

Цайтшафты российского города как объект исследования

Цайтшафты обладают всеми свойствами ландшафтов, включая масштаб, что делает возможным исследование планетарного цайтшафта. Однако внимание авторов данной статьи сосредоточено на городских цайтшафтах России. Как правило, на этом уровне можно выделить доминирующую темпоральную группу (муниципальные власти), сосредоточенную на положительных элементах цайтшафта, этическая оценка которых выглядит устоявшейся, что позволяет создать привлекательный образ города для вышестоящих органов власти, инвесторов и туристов.

При достаточной вариативности практически неизменным элементом официального цайтшафта являются объекты и действия, связанные с Великой Отечественной войной. С целью привлечения туристов практически все города, история которых насчитывает хотя бы два столетия, прибегают к созданию однотипных коммерциализированных цайтшафтов «купеческий город XIX века»: например, в городе Рыбинске Ярославской области все вывески в центральной части написаны по старой орфографии и стилизованы под XIX век, в том числе «Магнитъ Косметикъ» и «Вайлдберризъ». В большинстве городов России цайтшафт включает также памятник Ленину. В некоторых случаях эти неизменные темпоральные якоря окружены морем элементов, исключенных из цайтшафта или вытесненных на периферию.

Как уже говорилось ранее, большинство городских цайтшафтов ориентированы на прошлое. Для новых городов альтернативу представляют презентистские цайтшафты, констатирующие факты настоящего и избегающие привязок как к прошлому, так и к будущему. Такая стратегия, например, реализована в г. Краснокамске (Пермский край), где на постаменте, ранее занятом памятниками Сталину и Марксу, расположен макет земного шара с надписью «Краснокамск – культурная столица Прикамья».

По мнению авторов, любой город, существующий несколько сотен лет, имеет возможность создать дополнительные точки темпоральной привязки и обогатить свой цайтшафт. Последние годы, в том числе по коммерческим причинам, характеризуются расширением цайтшафтов, в которые включают все новые привязки к разным историческим периодам: конструктивистские кварталы 1920-х гг., брутализм 1970-х гг., советские вывески и мозаики и прочие темпоральные якоря, расставляемые конкурирующими и маргинализированными группами.

Конкурирующие темпоральные группы применяют различные стратегии взаимодействия с доминирующим режимом темпоральности, к которым можно отнести, во-первых, создание параллельного цайтшафта, сосуществующего с доминирующим (обычная стратегия религиозных групп); во-вторых, формирование контр-цайтшафта, враждебного доминирующей темпоральности; и, в-третьих, ин-

теграцию различными способами в доминирующий цайтшафт. Конкурентные отношения темпоральных групп необязательно реализуются в прямом противостоянии, но часто приводят к формированию комплексных цайтшафтов, где временные линии накладываются друг на друга, частично совпадают, сохраняют независимость или вытесняют друг друга; границы между ними могут быть как четкими, так и расплывчатыми.

В качестве примера комплексного цайтшафта мы хотели бы привести остров Большой Соловецкий – административный центр архипелага. Благодаря труднодоступности и скудным ресурсам, доминирующая темпоральность острова определяется не государством, а Русской православной церковью. По этой причине темпоральный пласт, связанный с Великой Отечественной войной, когда на острове находилась школа юнг, оказался вытеснен на периферию. Цайтшафт Большого Соловецкого сложился в результате баланса интересов Церкви и группы (или групп), заинтересованной в материальной фиксации памяти о Соловецком лагере особого назначения. С одной стороны, конфликт этих акторов выглядит неизбежным, поскольку восстановление монастыря (темпорально привязанное к XVII–XIX вв.) предполагает уничтожение темпоральных якорей лагеря (1920–1930-е гг.). С другой – между группами нашлись точки темпорального пересечения, так как в Соловецком лагере пострадало много православных христиан. В результате образовались объекты с общей темпоральной привязкой, но разным смысловым наполнением: то, что для одних является местом принудительного труда, для других – место страдания новомучеников.

Тем не менее в соловецком цайтшафте заметно доминирование Церкви. Память о лагере вынесена в отдельный музей, в то время как из монастырских объектов следы его существования стираются в ходе реставрации. Также из цайтшафта полностью исключена борьба монастыря за старый обряд и его длительное досоветское использование в качестве тюрьмы. В целом соловецкий цайтшафт ориентирован полностью на прошлое и относится к категории мест, где время, по мнению большинства наблюдателей, «остановилось».

Трудное наследие и городские цайтшафты

Отягчающим фактором при формировании цайтшафта является наличие у города «трудного наследия», которое Ш. Макдоналд определяет как «прошлое, которое признано значимым для настоящего, но которое также является спорным и неудобным для публичного сосуществования с позитивной, утверждающей себя современной идентичностью» [Macdonald 2009: 1]. В современной российской ситуации самыми трудными моментами являются коллаборационизм в период Великой Отечественной войны и политические репрессии, точнее, сформированная на их основе система массового принудительного труда, которая сыграла огромную роль в индустриальном развитии страны. Тематика коллаборационизма однозначно оценивается как неприемлемая для представления в публичном пространстве, даже с условием его негативной оценки³. Тема политических репрессий не настолько стигматизирована и в большинстве случаев встраивается в доминирующий цайтшафт.

³ Например, власти Ростовской области много лет ведут борьбу против частного музея «Донские казаки в борьбе с большевиками», рассматривая его экспозицию как прославление коллаборационистов, в частности Петра Краснова.

Если речь идет о городе с длинной историей и комплексным цайтшафтом, не-большой памятный камень жертвам репрессий обычно устанавливается в любом доступном месте, иногда – в общем мемориальном сквере, где находятся такие же памятные знаки, посвященные воинам-интернационалистам, ликвидаторам черно-быльской аварии и другим жертвам войн и катастроф. Крупные мемориальные комплексы, как правило, удалены от черты города и труднодоступны («Медное» в Тверской области, «Пивовариха» под Иркутском, музей «Пермь-36» в Пермском крае и др.), так как считаются, с одной стороны, неинтересными для туристов, а с другой – искажающими городскую идентичность в негативную сторону.

Намного сложнее ситуация в городах, история которых начиналась в качестве административных центров системы принудительного труда 1930–1950-х гг. «Трудное наследие» для них действительно является трудным и раздражающим, часто становясь объектом отторжения. Например, брошюра «Лучше вы к нам. Развеем 5 мифов о Магаданской области», которую можно было получить на Международной выставке-форуме «Россия» в Москве (2023–2024), утверждает: «Многие жители нашей страны уверены: на Колыме живут только бывшие ээки... Миф сохранился еще со времен треста “Дальстрой”... Сегодня на Колыме остались две зоны... И все». В то же время в Магадане установлен памятник первому директору «Дальстроя» Эдуарду Берзину, фактическому основателю города, что в концентрированной форме отражает проблемы большинства городов с трудным наследием: как отказаться от этого наследия, одновременно от него не отказываясь?

Выход может быть как в чисто презентистских цайтшафтах, так и в темпоральной переориентации города. В качестве примера мы хотели бы привести Норильск, основание которого восходит к системе принудительного труда. В 1960-е гг. в городе доминировал футуристический темпоральный режим, представлявший Норильск как место радостного труда энтузиастов и романтиков. Лагерный период был полностью исключен из цайтшафта, а в 1966 г. в центре города установлен закладной камень с надписью: «Здесь будет сооружен обелиск, всегда напоминающий о подвиге норильчан, покоривших тундру, создавших наш город и комбинат». Надпись предельно абстрактна с точки зрения темпоральности: из нее невозможно понять, о каком историческом периоде идет речь.

Впоследствии в городе появились памятники жертвам репрессий, но не в тех масштабах, которые отражали бы роль системы принудительного труда в создании города (и комбината): даже в музее Н. Н. Урванцева, который считается одним из основателей Норильска, отсутствует информация о заключении последнего в Норильлаге. Упомянутый выше обелиск не был сооружен, оставшись на стадии закладного камня, рядом с которым в 2020 г. «Норильский никель» возвел презентистский объект – памятник «Металлургам Норильска».

В Норильске можно наблюдать контраст между доминирующей презентистской темпоральностью города и альтернативным цайтшафтом Русской православной церкви, которая рассматривает Норильск и окрестности как место, где пострадали и были прославлены многочисленные новомученики и исповедники. Церковные мемориальные объекты темпорально привязаны к периоду Норильлага, который официальный цайтшафт разными способами исключает. При храме Новомучеников и Исповедников Церкви Русской силами верующих создан музей.

Сам храм является памятником: на его стенах изображены сюжеты, связанные с Норильлагом, включая специфику работы заключенных⁴.

Заключение

Подводя итог исследования, авторы хотели бы подчеркнуть, что предложенная ими терминология, связанная с темпоральностью (цайтшафт, темпоральные группы, темпоральные порядки), предназначена не для обозначения новых феноменов политической жизни, а для того, чтобы взглянуть через оптику темпоральности на уже известные явления. Эта оптика стала привычной для многих социально-гуманитарных наук (истории, антропологии, социологии), но редко используется в политологии. В данной статье мы постарались продемонстрировать аналитические инструменты, позволяющие выявить как признаки политического контроля над временем, так и методы его установления. В неразрывной связи с местом время обретает материальную форму, позволяя различным группам (обозначенным нами как темпоральные) осваивать и колонизировать его, заполнять символами своего господства, проводить границы и осуществлять другие действия, ассоциирующиеся с политическим освоением пространства. Предложенная оптика обеспечивает возможность распознавания и изучения конфликтов между группами, стремящимися к установлению контроля над временем, а также возможностей примирения и сотрудничества между ними.

Литература

Артог Ф. Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени // Отечественные записки. 2004. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://strana-oz.ru/2004/5/typy-istoricheskogo-myshleniya-prezentizm-i-formy-voispriyatiya-vremeni> (дата обращения: 23.04.2025).

Канетти Э. Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997.

Орлова Г. А., Балахонская М. Н., Берлов А. А., Зарипова А. А., Лукин М. Ю. 1934-й. К археологии «нашего времени» // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2022. № 2(57). С. 83–104.

Adam B. Of Timescapes, Futurescapes and Timeprints. Paper presented at Lüneburg University, 17 June 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=57c02886201ab5de160be7461638b9c39cb66781> (дата обращения: 23.04.2025).

Assmann A. Transformations of the Modern Time Regime // Breaking up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future / ed. by Ch. Lorenz and B. Bevernage. Göttingen : Vandenhoeck and Ruprecht, 2013. Pp. 39–56.

Beiner G. Forgetful Remembrance: Social Forgetting and Vernacular Historiography of a Rebellion in Ulster. New York : Oxford University Press, 2018.

Breaking up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future / ed. by Ch. Lorenz, B. Bevernage. Göttingen : Vandenhoeck and Ruprecht, 2013.

Cresswell T. Place: A Short Introduction. Oxford: Blackwell Publishing, 2004.

⁴ Следует отметить, что строительство и отделку храма финансировала компания «Норильский никель».

Edelstein D., Geroulanos S., Wheatley N. Chronocenos: An Introduction to Power and Time // *Power and Time: Temporalities in Conflict and the Making of History* / ed. by D. Edelstein, S. Geroulanos, N. Wheatley. Chicago : University of Chicago Press, 2020. Pp. 1–51.

Esposito F., Becker T. The Time of Politics, the Politics of Time, and Politicized Time: An Introduction to Chronopolitics // *History and Theory*. 2023. Vol. 62. No. 4. Pp. 3–23.

Ingold T. The Temporality of the Landscape // *World Archaeology*. 1993. Vol. 25. No. 2. Pp. 152–174.

Lynch K. *What Time is this Place?* Cambridge, MA; London : The MIT Press, 1972.

Macdonald S. *Difficult Heritage: Negotiating the Nazi Past in Nuremberg and Beyond*. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York : Routledge, 2009.

Macdonald S. *Memorylands: Heritage and Identity in Europe Today*. Milton Park, Abingdon; Oxon; New York : Routledge, 2013.

Nourkova V. V., Gofman A. A. The “Sites of Oblivion”: How Not to Remember in a World of Reminders // *Memory Studies*. 2023. Vol. 17(6). Pp. 1483–1500.

Till K. *The New Berlin: Memory, Politics, Place*. Minneapolis, MI : University of Minnesota Press, 2005.

Zavadski A., Macdonald S., Hilden I. Postsocialist, Postmigrant, and Postcolonial Dynamics in Germany’s Changing Memoryscape // *Berliner Blätter*. 2024. No. 89. Pp. 3–24.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ*

Ромашкин Р. А., Рыбальский Н. Г.**

Статья посвящена анализу продовольственной безопасности стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В работе рассматриваются достижения и вызовы, с которыми сталкиваются страны-участницы в обеспечении продовольственной безопасности, а также предлагаются направления развития интеграционного взаимодействия в данной сфере. Исследуется динамика добавленной стоимости в сельском хозяйстве стран ЕАЭС, анализируются показатели продовольственной безопасности, включая самообеспеченность основными продуктами питания, индикаторы доступности продовольствия и качества питания. Несмотря на улучшение ситуации с наличием продовольствия, в странах ЕАЭС сохраняется дисбаланс в питании, что ведет к росту ожирения и анемии среди населения. Авторы подчеркивают необходимость разработки гармонизированных подходов к определению национальных норм потребления продуктов питания и предлагают создание системы интегральной оценки продовольственной безопасности в рамках ЕАЭС. В качестве ключевых направлений для укрепления продовольственной безопасности выделяются развитие региональных производственно-сбытовых цепочек, внедрение цифровых технологий в агропромышленный комплекс и формирование здорового пищевого поведения. Статья завершается выводом о необходимости комплексного подхода, сочетающего нацио-

* **Для цитирования:** Ромашкин Р. А., Рыбальский Н. Г. Продовольственная безопасность Евразийского экономического союза: достижения и перспективы интеграционного взаимодействия // Век глобализации. 2025. № 3. С. 155–175. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.13.

For citation: Romashkin R. A., Rybalsky N. G. Food Security in the Eurasian Economic Union: Achievements and Prospects for Integration Activity // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 3. Pp. 155–175. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.13 (in Russian).

** Ромашкин Роман Анатольевич – к. э. н., доцент, заместитель директора Евразийского центра по продовольственной безопасности МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: ecfs.msu@gmail.com.

Roman A. Romashkin – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Deputy Director of the Eurasian Center for Food Security under Lomonosov Moscow State University. E-mail: ecfs.msu@gmail.com.

Рыбальский Николай Григорьевич – д. б. н., профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, президент Российской экологической академии. E-mail: rng@priroda.ru.

Nikolay G. Rybalsky – Dr. Biol., Professor at Lomonosov Moscow State University, President of the Russian Ecological Academy. E-mail: rng@priroda.ru.

нальные стратегии, интеграционные инициативы и современные технологические решения для устойчивого роста агропромышленного комплекса (АПК) и улучшения качества жизни населения стран ЕАЭС.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, Евразийский экономический союз, агропродовольственные системы, самообеспеченность продовольствием, агропромышленная интеграция.

FOOD SECURITY IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION: ACHIEVEMENTS AND PROSPECTS FOR INTEGRATION ACTIVITY

The article analyzes the food security in the member states of the Eurasian Economic Union (EAEU). It examines the achievements and challenges faced by these countries in ensuring food security and proposes directions for developing integration activity in this area. The study explores the dynamics of value-added growth in the agricultural sector of EAEU countries and analyzes food security indicators, including self-sufficiency in basic food products, food availability indicators, and dietary quality. Despite improvements in food availability, an imbalance in nutrition persists in EAEU countries, leading to rising obesity and anemia rates among the population.

The authors emphasize the need to develop harmonized approaches to defining national food consumption standards and propose the creation of an integrated food security assessment system within the EAEU. Key directions for strengthening food security include the development of regional production and supply chains, the introduction of digital technologies in the agro-industrial complex, and the promotion of healthy eating habits. The article concludes by highlighting the necessity of a comprehensive approach that combines national strategies, integration initiatives, and modern technological solutions to ensure sustainable growth of the agro-industrial sector and improve the quality of life in EAEU countries.

Keywords: food security, Eurasian Economic Union, agri-food systems, food self-sufficiency, agro-industrial integration.

Введение

Вопросы продовольственной безопасности носят комплексный характер, являясь важным аспектом развития любой страны и региона. Обеспечение продовольственной безопасности влияет на здоровье населения и социальную стабильность, способствует улучшению качества жизни и устойчивости общества в условиях внешних и внутренних трансформаций.

В рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз), объединяющего Армению, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россию, государства-члены стремятся к совместному решению вопросов обеспечения продовольственной безопасности, используя преимущества экономической интеграции и сотрудничества. При этом агропродовольственные системы стран ЕАЭС остаются уязвимыми перед влиянием климатических изменений, нестабильностью товарных рынков, зависимостью от продовольственного импорта, геополитической обстановки. В этой связи государства-члены сталкиваются с замедлением темпов роста, необходимостью преодоления структурных и институциональных ограничений для укрепления конкурентоспособности и устойчивости производства, внедрения агроэкологических и климатически оптимизированных практик, повышения качества сельхозпро-

дукции для расширения участия в региональных и глобальных производственно-сбытовых цепочках.

Настоящая статья посвящена вопросам оценки состояния национальных агропродовольственных систем и продовольственной безопасности стран ЕАЭС, а также разработке предложений по совершенствованию наднациональных механизмов обеспечения продовольственной безопасности, включая разработку системы интегральной оценки продовольственной безопасности по широкому перечню показателей.

1. Общая характеристика аграрных систем и продовольственной безопасности стран ЕАЭС

В целом за период 1991–2023 гг. можно выделить ряд общих стадий, характеризующих динамику добавленной стоимости в сельском хозяйстве стран ЕАЭС: трансформационный спад, восстановление, поствосстановительный рост и коррекция роста (Табл. 1). На протяжении рассматриваемого периода наиболее высокие среднегодовые темпы прироста добавленной стоимости наблюдались в сельском хозяйстве Армении (2,3 %), а наименьшие – в России (0,6 %). При этом Казахстан и Россия в ходе трансформационных стадий прошли через наибольшие темпы падения добавленной стоимости (Рис. 1). В Казахстане этот показатель сокращался на 58 % по сравнению с 1990 г., а в России – на 46 %. Этим странам потребовалось заметно больше времени для восстановления: Казахстану – 22 года, России – 19 лет. Указанные страны характеризуются наименьшими темпами роста добавленной стоимости в сельском хозяйстве за анализируемый период в целом и более чем в два раза уступают среднемировому показателю.

Таблица 1

Среднегодовые темпы прироста добавленной стоимости и трансформационные стадии в сельском хозяйстве стран ЕАЭС в 1991–2023 гг., %

Стадии трансформации	Армения		Беларусь		Казахстан		Кыргызстан		Россия	
	годы	темпы прироста	годы	темпы прироста	годы	темпы прироста	годы	темпы прироста	годы	темпы прироста
Весь период	1991–2023	2,3	1991–2023	1,2	1991–2023	0,9	1991–2023	1,8	1991–2023	0,6
Спад	1991–1993	–5,5	1991–1999	–4,6	1991–1998	–8,9	1991–1995	–5,9	1991–1998	–7,3
Восстановление	1994–1999	3,1	2000–2007	5,9	1999–2023	4,0	1996–1998	10,1	1999–2017	3,6
Рост	2000–2015	6,2	2008–2020	4,3			1999–2023	2,3	2018–2023	1,9
Коррекция роста	2016–2023	–3,4	2021–2023	–0,6						

Источник: рассчитано по данным [Agriculture...2025].

Армения является единственным государством – членом ЕАЭС, которому на определенных этапах в ходе трансформации (2005–2009 гг. и 2011–2018 гг.) удалось превзойти среднемировые темпы роста добавленной стоимости в сельском

хозяйстве (Рис. 1). Однако после 2015 г. вследствие структурных ограничений и неблагоприятного влияния климатического фактора аграрный сектор страны испытывает спад. Причем среднегодовые темпы и длительность периода падения превысили темпы и продолжительность трансформационного спада 1991–1993 гг. В результате с 2019 г. накопленные темпы роста добавленной стоимости в аграрном секторе Армении стали отставать от среднемировых показателей. Тем не менее по рассматриваемому показателю республика все еще опережает остальных партнеров по ЕАЭС, и в ближайшие годы возможно удвоение добавленной стоимости в ее сельском хозяйстве по сравнению с 1990 г.

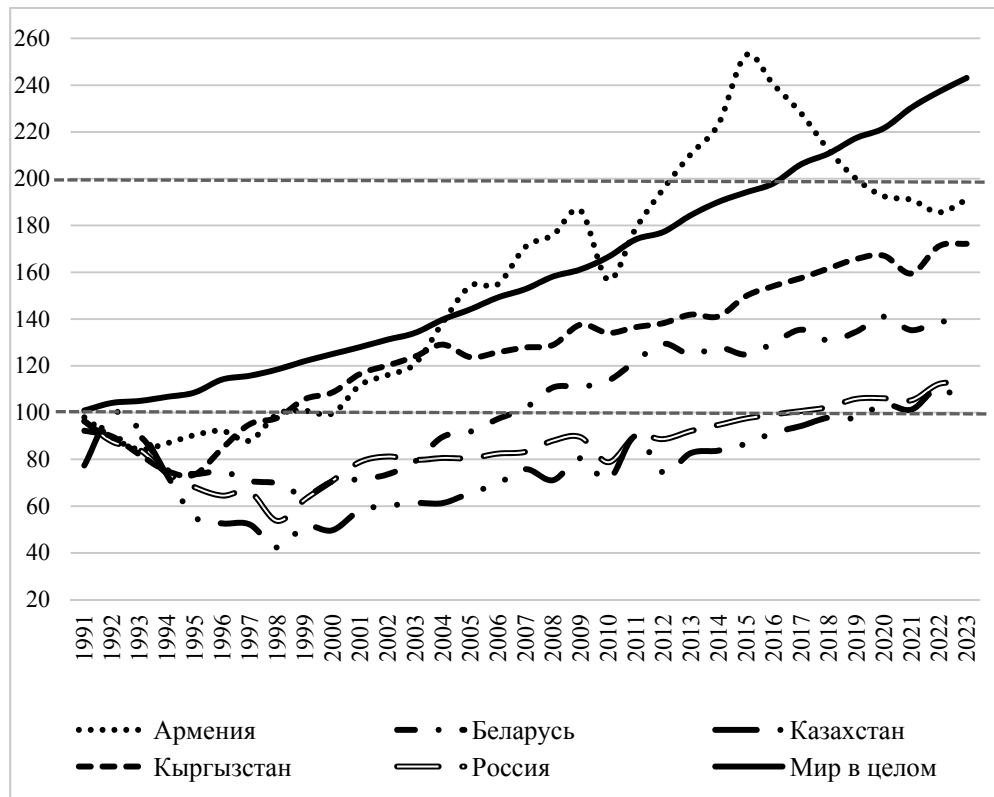

Рис. 1. Динамика добавленной стоимости в сельском хозяйстве стран ЕАЭС накопленным итогом в 1991–2023 гг., %

Источник: рассчитано и построено по данным [Agriculture... 2025].

Невысокие темпы увеличения добавленной стоимости в аграрном секторе стран ЕАЭС, а следовательно, зарплат и прибыли сельхозпроизводителей, замедляют процессы технологической модернизации производств, препятствуют прогрессу в области обеспечения продовольственной безопасности и улучшения питания сельских жителей. Повышению добавленной стоимости в сельском хозяйстве, конкурентоспособности аграрного производства и устойчивости продовольственных систем могло бы способствовать развитие инфраструктуры товарных рынков и внедрение цифровых технологий.

Оценивая положение в области продовольственной безопасности и питания, необходимо отметить, что во всех странах ЕАЭС показатели энергетической ценности питания превосходят среднюю норму (Табл. 2). В то же время ни в одной из стран-участниц не сформировано достаточных объемов предложения по основным группам продовольственных товаров в целом в соответствии со среднефизиологическими (рациональными) нормами их потребления (Табл. 3). Так, в Кыргызстане наличие продовольствия в 2022 г. составляло 79 % от рассчитанной по среднефизиологическим нормам потребления потребности, в Казахстане – 83 %, в Армении и Беларуси – 86 %, в России – 89 %.

Таблица 2

Благосостояние домашних хозяйств и продовольственная безопасность

Страна	Классификация доходов Всемирным банком		Уровень бедности, исходя из социального порога бедности Всемирного банка, % населения	Наличие продовольствия	Доступность продовольствия		Питание		
	Уровень дохода*	Валовой национальный доход на душу населения в 2023 г., \$		Средняя энергетическая ценность питания по сравнению со средней нормой энергетической ценности рациона питания (в среднем за три года: 2021–2023 гг.), %	Умеренное или серьезное влияние отсутствия продовольственной безопасности (в среднем за три года: 2021–2023 гг.)		Взрослое население, страдающее от ожирения, 2022 г.	Распространенность анемии среди женщин репродуктивного возраста (15–49 лет), 2019 г., %	
					% населения	млн человек	% населения	млн человек	
Армения	UM	8053	20,1	135	7,8	0,2	24,5	0,5	17,3
Беларусь	UM	7829	8,1	138	–	–	21,4	1,6	20,6
Казахстан	UM	12 919	8,3	144	2,2	0,4	18,4	2,4	28,7
Кыргызстан	LM	1970	19,5	116	7,0	0,5	26,6	1,1	35,8
Россия	HI	13 817	15,9	138	4,6	6,7	24,2	27,7	21,1
Мир в целом	UM	13 170	26,7	124	29,0	2311,7	15,8	880,7	29,9

* HI – высокий, UM – выше среднего, LM – ниже среднего, L – низкий.

Источник: [Metcue *et al.*; GDP...; Poverty...; FAOSTAT...].

За рассматриваемый период во всех странах ЕАЭС ситуация в области наличия продовольствия по среднефизиологическим нормам питания улучшилась (Табл. 3). Ухудшение ситуации имело место в 2020 г. в Казахстане и Кыргызстане вследствие нарушения цепочек поставок в период пандемии коронавируса COVID-19. Однако уже в следующем году центральноазиатским республикам удалось вернуться к предпандемийным значениям показателей.

Таблица 3

**Интегральный показатель наличия продовольствия
в странах ЕАЭС в 2015–2022 гг., %**

Страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Армения	82	82	83	84	85	85	82	86
Беларусь	81	90	90	90	89	89	88	86
Казахстан	84	84	84	86	86	78	86	83
Кыргызстан	72	74	75	76	77	71	75	79
Россия	80	80	80	90	91	90	90	89

Источник: расчеты Евразийского центра по продовольственной безопасности МГУ имени М. В. Ломоносова (ЕЦПБ МГУ) в соответствии с методикой [Шоба и др. 2024] по данным [О Доктрине... 2017; Приказ... 2016; Об утверждении... 2010; Научно обоснованные... 2016; Межгосударственный...].

По итогам 2022 г. в Армении потребление фруктов и ягод, мяса и мясопродуктов, молока и молокопродуктов, рыбы и рыбопродуктов, сахара, а также растительных масел находилось на уровнях ниже рациональных норм (Табл. 4). В Беларуси рациональные нормы потребления не достигнуты по рыбе, молоку, яйцам, картофелю, хлебопродуктам. В Казахстане наблюдается недостаточное потребление овощей и бахчевых, фруктов и ягод, мяса, молока и хлебопродуктов. На рынке Кыргызстана отмечается недостаток потребления фруктов и ягод, яиц, мяса, рыбы. В России заметно недопотребление населением картофеля, овощей и бахчевых, фруктов и ягод, молока и молокопродуктов, рыбы.

Таблица 4

**Показатели наличия основных групп продовольственных товаров
в странах ЕАЭС в 2022 г., %**

Товарная группа	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Картофель	121*	95	103	108	93
Овощи и бахчевые	166	140	52	156	74
Фрукты и ягоды	94	118	45	36	63
Мясо и мясопродукты	83	123	94	75	107
Молоко и молокопродукты	86	61	69	106	74
Яйца	97	90	97	67	111
Рыба и рыбопродукты	44	49	101	10	87
Сахар	86	121	125	102	163
Масла растительные	88	136	194	124	115
Хлебопродукты	–	70	78	148	118
Интегральный показатель наличия продовольствия	86	86	83	79	89

* Для Армении хлебопродукты и картофель рассматриваются совместно.

Источник: расчеты ЕЦПБ МГУ в соответствии с методикой [Шоба и др. 2024] по данным [О Доктрине... 2017; Приказ... 2016; Об утверждении... 2010; Научно... 2016; Межгосударственный...].

Самообеспеченность определяет такой аспект продовольственной безопасности, как стабильность. Среди стран ЕАЭС наибольшими интегральными показателями самообеспеченности по основным группам продовольственных товаров в соответствии со среднефизиологическими нормами их потребления характеризуются Россия и Беларусь (Табл. 5). Интегральные показатели продовольственной самообеспеченности этих стран в 2022 г. составляли 84 % и 83 % соответственно. В Армении после продолжительного периода сокращения показатель самообеспеченности восстановился до уровня 2015 г., достигнув 64 % в 2022 г. Аналогичное значение показателя достигнуто и в Кыргызстане, который характеризуется наиболее быстрыми темпами роста самообеспеченности. В Казахстане за рассматриваемый период интегральный показатель самообеспеченности увеличился с 65 % до 70 %.

Таблица 5

**Интегральный показатель продовольственной самообеспеченности
в странах ЕАЭС в 2015–2022 гг., %**

Страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Армения	64	63	62	62	61	59	58	64
Беларусь	81	80	79	84	81	85	81	83
Казахстан	65	67	68	68	69	67	69	70
Кыргызстан	56	59	61	63	61	59	58	64
Россия	83	83	83	84	84	84	84	84

Источник: расчеты ЕЦПБ МГУ в соответствии с методикой [Шоба и др. 2024] по данным [Межгосударственный...; Баланс...; ArmStatBank...; Производство...; Национальный...; Федеральная...].

По итогам 2022 г. в Армении только по овощам и бахчевым имела место самообеспеченность (Табл. 6). В Беларуси высокие показатели самообеспеченности достигнуты по многим товарным группам, за исключением фруктов и ягод, рыбы и хлебопродуктов. Возможности дальнейшего наращивания сельскохозяйственного производства в Республике Беларусь сдерживаются невысокой емкостью внутреннего рынка и ограниченными возможностями увеличения экспорта. В Казахстане объемы производства мяса и мясопродуктов, фруктов и ягод, овощей и бахчевых, яиц, рыбы, молока и сахара не позволяют достичь самообеспечения. В Кыргызстане остается нерешенной проблема низкой самообеспеченности молоком, мясом, яйцами, рыбой, фруктами и ягодами, растительными маслами, сахаром. Россия характеризуется недостаточными объемами производства овощей и бахчевых, фруктов и ягод, картофеля, молока и молочных продуктов.

Таблица 6

**Показатели самообеспеченности по основным группам
продовольственных товаров в странах ЕАЭС в 2022 г., %**

Товарная группа	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Картофель	54*	109	106	102	88
Овощи и бахчевые	138	128	62	124	67
Фрукты и ягоды	87	87	16	32	23
Мясо и мясопродукты	46	161	80	58	109
Молоко и молокопродукты	66	179	80	111	65

Окончание Табл. 6

Товарная группа	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Яйца	87	115	88	45	108
Рыба и рыбопродукты	63	8	18	33	137
Сахар	74	196	53	60	156
Масла растительные	0	287	282	8	166
Хлебопродукты	–	40	151	108	202
Интегральный показатель самообеспеченности	64	83	70	64	84

* Для Армении хлебопродукты и картофель рассматриваются совместно.

Источник: расчеты ЕЦПБ МГУ в соответствии с методикой [Шоба и др. 2024] по данным [Межгосударственный...; Баланс...; ArmStatBank...; Производство...; Национальный...; Федеральная...].

Согласно показателям ФАО, определенная часть населения стран ЕАЭС испытывает умеренное или серьезное влияние отсутствия продовольственной безопасности (Табл. 2). Это обусловлено бедностью и, как следствие, недостаточной экономической доступностью продовольствия. Так, исходя из социального порога бедности Всемирного банка, который составляет половину от ежедневного медианного уровня потребления плюс 1,15 доллара, в Армении 20,1 % населения живет за чертой бедности, в Кыргызстане – 19,5 %, в России – 15,9 %.

Однако важно отметить, что показатели умеренного или серьезного влияния отсутствия продовольственной безопасности в странах ЕАЭС кратно ниже среднемирового уровня, достигшего 29 % в 2021–2023 гг. (Рис. 2, Табл. 2). В Армении и России эти показатели со временем улучшаются, тогда как для республик Центральной Азии прослеживается их некоторое ухудшение. При этом наилучшая доступность продовольствия наблюдается в Казахстане, где умеренному или серьезному влиянию отсутствия продовольственной безопасности подвержено 2,2 % населения, а наихудшая доступность – в Армении и Кыргызстане с показателями 7,8 % и 7,0 % соответственно.

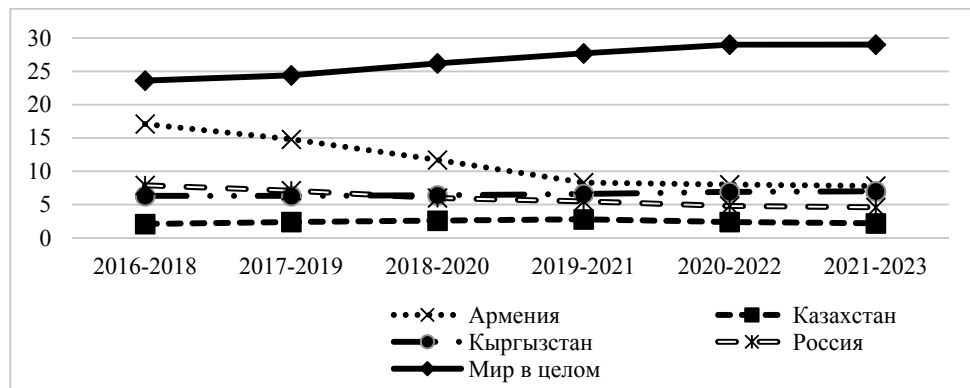

Рис. 2. Динамика показателей умеренного или серьезного влияния отсутствия продовольственной безопасности в странах ЕАЭС и мире в целом в 2016–2023 гг. (скользящие средние значения за трехлетние периоды), %

Источник: данные [FAOSTAT...].

Прогрессирующей проблемой обеспечения продовольственной безопасности в ЕАЭС является высокая доля взрослого населения, страдающего от ожирения, что обусловлено неполноценным питанием. Показатели распространенности ожирения по странам ЕАЭС существенно выше среднемирового уровня и характеризуются положительной динамикой (Рис. 3, Табл. 2). Наибольшей долей населения, страдающего от ожирения, характеризуется Кыргызстан (26,6 %), а наименьшей – Казахстан (18,4 %). Беларусь – единственная страна в ЕАЭС с невысоким темпом прироста ожирения. За рассматриваемый период анализируемый показатель в Беларуси увеличился на 0,9 %, тогда как в Кыргызстане – на 20,4 %, Армении – на 13,4 %, Казахстане – на 10,2 %, России – на 5,7 %.

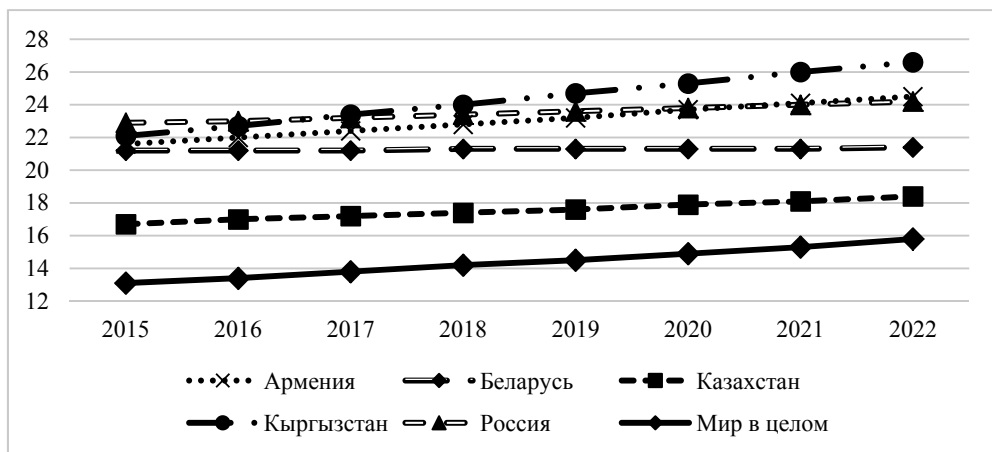

Рис. 3. Динамика доли взрослого населения, страдающего от ожирения, в странах ЕАЭС и мире в целом в 2015–2022 гг., %

Источник: данные [FAOSTAT... 2025].

Ожирение повышает риск развития различных заболеваний и осложнений, включая некоторые виды рака, болезни сердечно-сосудистой системы, нарушение обмена веществ, болезни дыхательной и опорно-двигательной систем. У людей с ожирением вероятность преждевременной смерти увеличивается. Как правило, ожирение чаще встречается у женщин, однако смертность от причин, связанных с ожирением, выше у мужчин. Ранние меры по снижению веса и ведение здорового образа жизни значительно снижают риск возникновения опасных осложнений.

Еще одним следствием неполноценного питания является распространенность анемии (снижение гемоглобина в крови ниже нормы) среди женщин репродуктивного возраста (Рис. 4, Табл. 2). Анемия во время беременности опасна как для матери, так и для плода [Виноградова и др. 2015]. Среди стран ЕАЭС наиболее сильно эта проблема выражена в Кыргызстане, где распространенность анемии превышает среднемировое значение и достигает 35,8 %. В Казахстане этот показатель составляет 28,7 % и практически соответствует среднемировому уровню (29,9 %). Армения, где распространенность анемии среди женщин репродуктивного возраста составляет 17,3 %, наиболее благополучна по этому заболеванию среди партнеров по ЕАЭС. Уровни распространенности заболевания по России и Беларуси близки и составляют 21,1 % и 20,6 % соответственно.

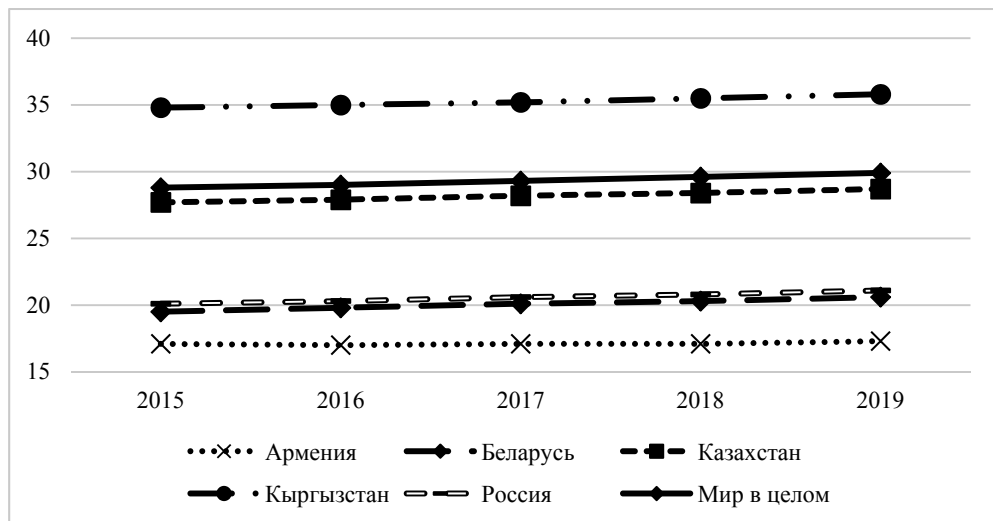

Рис. 4. Динамика распространенности анемии среди женщин репродуктивного возраста в странах ЕАЭС и мире в целом в 2015–2019 гг., %

Источник: данные [FAOSTAT... 2025].

Для смягчения проблем, связанных с неполноценным питанием, необходимо обеспечить трансформацию национальных продовольственных систем ЕАЭС на основе сочетания экономических и образовательных мер, включая пропаганду здорового образа жизни, развитие соответствующей инфраструктуры, субсидирование базовых продуктов питания и реализацию программ питания для уязвимых групп населения, борьбу с бедностью, а также формирование у различных групп населения адекватных современной нутрициологии моделей пищевого поведения.

2. Подходы к обеспечению продовольственной безопасности в ЕАЭС

В странах ЕАЭС уделяется серьезное внимание вопросам продовольственной безопасности. На национальных уровнях реализуются стратегические документы, направленные на обеспечение продовольственной безопасности посредством развития собственных АПК, снижения зависимости от импорта продовольствия и ресурсов для сельхозпроизводства, повышения безопасности и качества продукции.

Так, в Армении и Кыргызстане приняты отдельные законы, раскрывающие определение, основные цели и направления политики в области продовольственной безопасности [Об обеспечении... 2002; Закон... 2008]. Кроме того, в Армении действует Концепция обеспечения продовольственной безопасности [Концепция... 2011], а в Кыргызстане – Программа продовольственной безопасности и питания на 2025–2030 гг. [Программа... 2024].

В Казахстане понятие продовольственной безопасности содержится в законе «О национальной безопасности Республики Казахстан» [О национальной... 2012]. Закон РК «О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий» определяет критерии, основные направления и механизм обеспечения продовольственной безопасности [О государственном... 2005].

В Беларуси и России действуют доктрины продовольственной безопасности, в которых определяются цели, задачи, направления, меры укрепления продовольственной безопасности, а также целевые показатели и критерии их выполнения [О Доктрине... 2017; Указ... 2020]. Кроме того, в России в 2025 г. стартовал новый национальный проект «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности», направленный на развитие технологической независимости национального АПК по пяти ключевым направлениям: биотехнологии, селекция и генетика, ветеринарные препараты, техника и оборудование для АПК, кадры в АПК [Технологическое... 2024].

Анализ национального законодательства показывает, что понятие продовольственной безопасности в странах ЕАЭС опирается на сформулированное в рамках Всемирного саммита по продовольственной безопасности (2009 г.) определение: «...продовольственная безопасность существует, когда все люди всегда имеют физический, социальный и экономический доступ к достаточному количеству безопасного и питательного продовольствия для удовлетворения своих диетических потребностей и пищевых предпочтений для ведения активной и здоровой жизни. Четырьмя основами продовольственной безопасности являются следующие: наличие, доступность, использование и стабильность» [Декларация... 2009]. Вместе с тем государства-члены в качестве одного из главных критериев достижения продовольственной безопасности рассматривают продовольственную независимость как определенный уровень самообеспеченности основными продовольственными товарами, а также ресурсами для сельхозпроизводства. В этом заключается основное отличие подхода стран ЕАЭС к обеспечению продовольственной безопасности от принятого в международной практике.

Помимо реализации национальных политик определенная работа по обеспечению продовольственной безопасности в ЕАЭС проводится государствами-членами на наднациональном уровне при координации ЕЭК. В частности, регулярно формируют совместные прогнозные балансы спроса и предложения по основным сельскохозяйственным товарам, на основании которых анализируется динамика сельхозпроизводства, торговли и уровня продовольственной самообеспеченности по ЕАЭС в целом и каждому государству.

С целью регулирования взаимной торговли социально значимыми товарами на ежегодной основе утверждаются индикативные балансы спроса и предложения по отдельным сельскохозяйственным товарам (пшеница, ячмень, кукуруза, семена подсолнечника, подсолнечное масло, сахар). Индикативные балансы позволяют государствам-членам реализовывать меры регулирования агропродовольственного экспорта на национальном уровне и обеспечивать в достаточном объеме поставки социально значимых товаров на рынки партнеров по ЕАЭС.

Кроме того, в 2021 г. принято решение Совета ЕЭК «Об общих принципах и подходах к обеспечению продовольственной безопасности государств – членов ЕАЭС» [Об общих... 2021]. В качестве общих принципов определены:

- недопустимость дискриминации на общем аграрном рынке ЕАЭС;
- сочетание национальных интересов государств-членов и целей ЕАЭС;
- обеспечение устойчивого развития АПК государств-членов и общего аграрного рынка ЕАЭС;
- учет международного опыта при оценке продовольственной безопасности.

К сожалению, в отношении указанных принципов в документе не представлены необходимые пояснения. В этой связи возникают вопросы о возможностях практического использования некоторых принципов. Например, не совсем понятно, по отношению к каким объектам или субъектам применим принцип недопустимости дискриминации на общем аграрном рынке ЕАЭС. Являются ли дискриминацией различия в налогах, ценах, субсидиях, мерах экспортного и ценового регулирования, доходах потребителей, доступности продукции, качестве продукции, невозможность потреблять продукцию иностранного происхождения в отдельных странах ЕАЭС? Если это так, то по факту дискриминация встречается и этот принцип не будет соблюдаться до тех пор, пока не будут сформированы единые рынки (реализованы унифицированные механизмы правового регулирования) и не произойдет сближение уровней экономического развития стран ЕАЭС. А это весьма отдаленная перспектива.

Второй общий принцип, заключающийся в сочетании интересов государств-членов и целей ЕАЭС, в определенной степени повторяет базовые положения Договора о ЕАЭС [Договор... 2014], где изложены основные цели ЕАЭС (ст. 4) и в качестве одного из основных принципов приводится учет национальных интересов (ст. 3). В такой ситуации закономерно возникает вопрос, по какой причине остальные базовые принципы функционирования ЕАЭС (обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправия, соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции) не распространяются на сферу продовольственной безопасности.

Помимо четырех общих принципов документом утверждаются три общих подхода к обеспечению продовольственной безопасности государств-членов:

- повышение уровня продовольственной независимости государств-членов за счет увеличения эффективности производства, развития взаимодействия по вопросам государственной поддержки сельского хозяйства, содействия развитию производства и обращения органической продукции;

- реализация потенциала взаимной торговли стран ЕАЭС сельскохозяйственной продукцией и продовольствием, включая взаимодействие по вопросам взаимных оперативных поставок сельскохозяйственных товаров, использование системы долгосрочного прогнозирования развития АПК, создание благоприятных условий для стимулирования хранения и потребления сельхозпродукции и продовольствия, проведение совместных отраслевых мероприятий;

- снижение зависимости от импорта материально-технических ресурсов из третьих стран путем развития племенного животноводства, селекции и семеноводства, разработки современных технологий производства кормов и средств защиты растений, совершенствования ветеринарного обеспечения, производства современной техники и технологического оборудования, проведения совместных НИОКР, обмена опытом в области инновационных достижений, развития возможности трансфера технологий и др.

На наш взгляд, представленные подходы к обеспечению продовольственной безопасности не полностью учитывают международный опыт и вызовы, с которыми сталкиваются страны ЕАЭС. В частности, они не охватывают такие важные

направления продовольственной безопасности, как обеспечение экономической доступности продовольствия и стабильности доступа к продовольствию, полноценности питания и пищевой безопасности. Кроме того, в предложенных подходах слабо учитывается декларируемый в документе ЕЭК принцип устойчивого развития АПК. Между тем руководство этим принципом призвано ориентировать агропродовольственные системы стран ЕАЭС на адаптацию к климатическим изменениям, рациональному использованию земельных и водных ресурсов, восстановлению деградированных почв и др.

К недостаткам можно также отнести слабое отражение в документе ЕЭК интеграционной составляющей. Для устранения этого недостатка как один из возможных вариантов предлагается в подходах к обеспечению продовольственной безопасности предусмотреть содействие ЕЭК выстраиванию в ЕАЭС региональных производственно-сбытовых цепочек для замещения импорта, развития взаимной торговли, включая кооперационные поставки, и экспорта продукции в третьи страны.

Важным подходом к развитию агропромышленной интеграции и обеспечению продовольственной безопасности могло бы стать взаимодействие государств-членов и ЕЭК по разработке перспективной специализации АПК стран – участниц ЕАЭС в рамках единого торгового пространства. Такого рода специализация позволит АПК государств-членов сосредоточиться на производстве агропродукции с наиболее высокими показателями конкурентоспособности, наилучшим способом использовать ресурсные возможности каждой из стран ЕАЭС, их природно-климатический потенциал.

На наш взгляд, перспективная специализация АПК включает три базовые компоненты:

- систематизированные, научно обоснованные возможности (нормы) производства отдельных видов сельхозпродукции в стране / регионе страны, с учетом агроклиматических условий, развития мелиорации, агрологистики и т. п.;
- маркетинговый среднесрочный прогноз направлений и объемов реализации продукции АПК страны / региона страны с учетом ожидаемой конъюнктуры союзного и мирового рынков;
- современную цифровую платформу по обработке массивов данных по сельхозугодьям стран – участниц ЕАЭС.

Перспективная специализация позволяет сформировать продуктовую стратегию развития АПК страны – участницы ЕАЭС. Продуктовая стратегия представляет собой сценарий получения максимально возможного дохода от производства и реализации продукции АПК в рамках общего рынка ЕАЭС.

Основные предпосылки для реализации предложения в значительной степени созданы. Аграрная наука в ЕАЭС разработала и постоянно модернизирует научно обоснованные, адаптированные к условиям различных регионов стран-участниц технологии выращивания сельскохозяйственной продукции. Следование этим технологиям позволяет получать гарантированные объемы производства продукции с заданными качественными характеристиками. На этой основе можно сформировать цифровую карту использования сельхозугодий в разрезе природно-кли-

матических зон. Цифровизация сельхозугодий имеет своим результатом создание программного продукта, часто именуемого «Умное поле».

Маркетинг рынков реализации национальной продукции позволяет сформировать прогноз продаж, под который выстраивается оптимальная структура производства сельхозпродукции в странах ЕАЭС.

Активное развитие цифровых технологий по обработке массивов данных по использованию земель сельхозназначения происходит в разных странах ЕАЭС. В частности, в России по заказу Министерства сельского хозяйства Российской Федерации была создана и в 2013 г. зарегистрирована в Реестре федеральных государственных информационных систем Роскомнадзора (07.02.2013 г. № 0296) Федеральная государственная информационная система «Электронный атлас земель сельскохозяйственного назначения» Минсельхоза России (ФГИС ФП АЗСН). С 2017 г. ведется разработка Единой федеральной информационной системы земель сельхозназначения (ЕФИС ЗСН). Основная задача системы: получение, хранение, обработка, анализ объективных, актуальных и достоверных сведений о землях сельскохозяйственного назначения. С использованием возможностей ЕФИС ЗСН проводится анализ рентабельности производства отдельных сельскохозяйственных культур для формирования «портретов» выращивания этих культур в стране. Для информационной поддержки системы сформулированы меры стимулирования собственников (пользователей) земельных участков, предоставляющих сведения в ЕФИС ЗСН.

Таким образом, созданы необходимые научные и информационные предпосылки для постановки задачи по разработке национальных продуктовых стратегий развития АПК стран – участниц ЕАЭС. Задачей Совета по агропромышленной политике ЕАЭС [О Совете... 2018] представляется координация усилий по поддержке национальных стратегий. Результатом работы может стать формирование стратегии сбалансированного развития единого рынка агропродукции в ЕАЭС. При этом вопрос о политике обеспечения продовольственной безопасности может ставиться уже не в национальных границах стран-участниц, а в масштабе ЕАЭС в целом. При формировании единого рынка ЕАЭС на смену недружественной конкуренции может прийти взаимовыгодная специализация агропромышленных комплексов государств ЕАЭС [Укрепление... 2023].

3. Мониторинг и оценка продовольственной безопасности стран ЕАЭС

Решением Совета ЕЭК «Об общих принципах и подходах к обеспечению продовольственной безопасности государств – членов ЕАЭС» [Об общих... 2021] ЕЭК поручено ежегодно осуществлять мониторинг обеспеченности государств-членов и Союза сельскохозяйственной продукцией и продовольствием в соответствии с перечнем утвержденных показателей, включая показатели по самообеспеченности, объемам производства и потребления основных видов сельхозпродукции, средним ценам производителей и потребителей, индексам цен, экспорту, импорту и взаимной торговле, валовому внутреннему продукту на душу населения на основе паритета покупательной способности валют, энергетической ценности потребленных продуктов и др. Результаты мониторинга отражаются в подсистеме АПК государств-членов в рамках интегрированной информационной системы Союза [Мониторинг...].

Сбор и расчет согласованных показателей проводятся с целью мониторинга реализации утвержденных ЕЭК общих подходов к обеспечению продовольственной безопасности стран ЕАЭС. При этом ключевым показателем выступает уровень самообеспеченности сельскохозяйственной продукцией и продовольствием. Этот индикатор рассчитывается ЕЭК по отношению к фактическим объемам потребления, что затрудняет проведение сравнительного анализа ввиду меняющегося из года в год количества платежеспособного спроса. Помимо этого, в условиях отставания фактических показателей от среднефизиологических (рациональных) норм потребления рассчитываемый ЕЭК уровень самообеспечения является завышенным, что приукрашивает действительное положение дел (Табл. 7). Также расчеты ЕЭК необходимо сопровождать дополнительными пояснениями в случае роста уровня самообеспеченности в условиях падения спроса, чтобы не вводить в заблуждение лиц, принимающих решения.

Таблица 7

Уровни самообеспеченности в странах ЕАЭС по всем продуктам в целом в 2020–2022 гг. при различных подходах к расчету показателя, %

Страна	Подход ЕЭК, основанный на использовании объемов потребления			Подход ЕЦПБ МГУ, основанный на использовании среднефизиологических (рациональных) норм потребления		
	2020	2021	2022	2020	2021	2022
Армения	68	67	74	59	58	64
Беларусь	96	94	97	85	81	83
Казахстан	80	79	83	67	69	70
Кыргызстан	81	77	78	59	58	64
Россия	88	89	90	84	84	84

Источник: расчеты ЕЭК [Мониторинг...] и ЕЦПБ МГУ в соответствии с методикой [Шоба и др. 2024] по данным [Межгосударственный...; Баланс...; ArmStatBank...; Производство...; Национальный...; Федеральная...].

С учетом недостатков подхода к расчету уровня продовольственной самообеспеченности на основании объемов потребления более предпочтительным выглядит использование в оценках среднефизиологических норм потребления, которые стабильны во времени. Однако необходимо отметить, что и предлагаемый подход не лишен недостатков. Так, нормы потребления основных продуктов питания отличаются по странам, и зачастую такие отличия весьма существенны (Табл. 8). Кроме того, в Армении отсутствуют официально утвержденные нормы потребления. В этой связи на основе данных по половозрастной структуре населения, обобщенной информации по структуре занятости и месту проживания жителей, а также рациональных норм потребления продуктов питания для половозрастных групп в зависимости от тяжести труда были разработаны ориентировочные среднефизиологические нормы потребления основных продуктов питания. Предлагаемые нормы не в полной мере учитывают национальную структуру питания, но сбалансированы по макро- и микронутриентам.

Таблица 8

**Среднефизиологические нормы потребления основных продуктов питания
в странах ЕАЭС, кг в пересчете на первичный продукт
на душу населения в год**

Товарная группа	Армения*	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Картофель	199**	170	100	99	90
Овощи и бахчевые	123	124	149	114	140
Фрукты и ягоды	127	78	132	124	100
Мясо и мясопродукты	75	80	78,4	61	73
Молоко и молокопродукты	13	393	301	200	325
Яйца (штук)	253	294	265	183	260
Рыба и рыбопродукты	292	18	14	9	22
Сахар	12	33	33	26	24
Масло растительное	13	13	12	9	12
Хлебопродукты	—	105	109	115	96

* Для Армении представлены ориентировочные среднефизиологические нормы потребления основных продуктов питания.

** Для Армении хлебопродукты и картофель рассматриваются совместно.

Источник: данные [Межгосударственный...; Баланс...; ArmStatBank...; Производство...; Национальный...; Федеральная...].

С учетом сложившейся ситуации перспективным направлением интеграционной работы стран ЕАЭС видится разработка гармонизированного подхода к определению национальных норм потребления продуктов питания и потребности в макро- и микронутриентах в зависимости от пола, возраста и уровня физической активности людей. Это заложит основу для формирования единой системы оценки продовольственной безопасности в рамках ЕАЭС.

В отношении остальных показателей мониторинга необходимо отметить, что при анализе объемов взаимной торговли целесообразно предусмотреть отслеживание динамики кооперационных поставок в агропромышленной сфере стран ЕАЭС. По этому индикатору можно судить о влиянии региональной интеграции на развитие производственного сектора.

Показатель энергетической ценности (калорийности) потребленных продуктов питания является малоинформативным, поскольку не дает представления о качестве питания. В современных условиях этот показатель не обладает и практической ценностью ввиду устойчиво высокого уровня средней энергетической ценности питания во всех странах ЕАЭС (Табл. 2). По этой причине более полезным было бы проведение мониторинга энергетической ценности питания в отношении наиболее уязвимых (низкодоходных) групп населения ввиду возможности недобора ими калорий. Следуя опыту ФАО, для проведения мониторинга качества питания систему показателей ЕЭК необходимо дополнить индикаторами потребления в странах ЕАЭС белков, жиров и углеводов.

Помимо совершенствования подхода к мониторингу самообеспеченности важной задачей является разработка евразийской системы оценки продовольст-

венной безопасности. Такая система оценки должна основываться на официальных статистических данных и включать расчет сводного индекса продовольственной безопасности государств ЕАЭС, состоящего из частных индексов, характеризующих отдельные аспекты продовольственной безопасности, такие как наличие продовольствия, доступность (физическая и экономическая), использование и стабильность. Результаты оценки будут востребованы уполномоченными органами сторон и позволят проводить межстрановые сопоставления уровня продовольственной безопасности в целом и по отдельным ее аспектам.

Региональная система оценки продовольственной безопасности может стать хорошей альтернативой проекту по оценке глобального индекса продовольственной безопасности [Global... 2022], который, несомненно, является полезным и востребованным аналитическим инструментом, предоставляет возможность сопоставлять, ранжировать и сравнивать различные страны как по общему уровню обеспечения продовольственной безопасности, так и по уровню доступности, наличия или качества продуктов питания [Ромашкин, Белугин 2022]. В то же время из стран ЕАЭС за рамками оценки глобального индекса продовольственной безопасности остаются Армения и Кыргызстан. Кроме того, при расчете глобального индекса не в полной мере учитывается специфика исследуемого региона, присутствуют субъективные оценки, отсутствует информация в разрезе основных продуктовых групп.

Согласно рейтингу 113 стран мира по индексу глобальной продовольственной безопасности, в 2022 г. из стран ЕАЭС наиболее высокую позицию занял Казахстан с 32-м местом (Табл. 9). Казахстан совсем немного уступает таким странам, как Катар и Греция, и значительно опережает своих партнеров по ЕАЭС, Россию и Беларусь, которые занимают 43-ю и 55-ю позиции рейтинга соответственно. Лидерами глобального рейтинга являются Финляндия (индекс 83,7), Ирландия (81,7), Норвегия (80,5), Франция (80,2), Нидерланды (80,1).

Таблица 9

**Глобальный индекс продовольственной безопасности в 2022 г.
для стран ЕАЭС, %**

Страна	Место в рейтинге	Интегральный индекс	Составляющие интегрального индекса			
			доступность	наличие	качество и безопасность	устойчивость и адаптивность
Казахстан	32	72,1	78,0	67,2	76,3	65,4
Россия	43	69,1	77,8	61,4	78,7	56,6
Беларусь	55	64,5	67,8	61,9	69,0	58,5

Источник: [Global... 2022].

Таким образом, несмотря на высокие уровни самообеспеченности, Россия и Беларусь существенно уступают Казахстану в глобальном рейтинге продовольственной безопасности. Такая ситуация, в свою очередь, свидетельствует о необходимости корректировки подхода к расчету показателей самообеспеченности, наряду с целесообразностью проведения мониторинга и формирования в рамках ЕАЭС системы интегральной оценки продовольственной безопасности по широ-

кому перечню показателей, включая самообеспеченность. Весьма полезной для уполномоченных органов сторон была бы подготовка ЕЭК на ежегодной основе комплексного аналитического обзора по вопросам обеспечения продовольственной безопасности и перспективным направлениям развития продовольственных систем стран ЕАЭС.

Выводы

Исследование различных аспектов продовольственной безопасности стран ЕАЭС показывает, что, несмотря на достигнутые успехи в повышении уровня самообеспеченности, остаются существенные вызовы, связанные с невысокой экономической доступностью продовольствия, неполноценностью питания, а также недостаточной устойчивостью продовольственных систем. Во всех государствах-членах наблюдается дисбаланс в питании населения, что ведет к росту распространенности ожирения и анемии. Темпы роста добавленной стоимости в сельском хозяйстве стран ЕАЭС отстают от среднемировых значений и подвержены существенным колебаниям, что замедляет технологическую модернизацию и снижает конкурентоспособность национальных АПК.

Государства ЕАЭС активно реализуют национальные стратегии и программы, направленные на обеспечение продовольственной безопасности, включая развитие агропромышленного производства и экспорта, снижение зависимости от импорта и повышение качества продукции. На наднациональном уровне ЕЭК координирует усилия по реализации общих подходов к обеспечению продовольственной безопасности, формированию совместных прогнозных балансов, а также осуществляет мониторинг индикативных показателей развития АПК и обеспеченности продовольственными товарами.

Однако существующие методы оценки продовольственной самообеспеченности, основанные на объемах потребления, не всегда отражают реальное положение дел. Более предпочтительным является использование среднефизиологических норм потребления, что требует разработки гармонизированных подходов к определению национальных норм питания и потребности в макро- и микронутриентах. Кроме того, уровень координации между государствами-членами остается недостаточным для эффективного решения вопросов продовольственной независимости и устойчивого развития агросектора. Важным направлением интеграционного взаимодействия является разработка перспективной специализации АПК стран-участниц, что позволит максимально эффективно использовать ресурсный потенциал каждой страны и повысить конкурентоспособность на мировом рынке.

Повышение продовольственной безопасности в ЕАЭС сопряжено с необходимостью укрепления региональных производственно-сбытовых цепочек, активного внедрения цифровых технологий в АПК, развития совместных программ по формированию здорового пищевого поведения, а также разработки системы интегральной оценки продовольственной безопасности. Дальнейшее укрепление продовольственной безопасности в ЕАЭС требует комплексного подхода, сочетающего национальные стратегии, интеграционные инициативы и современные технологические решения, направленные на устойчивый рост АПК, повышение качества жизни и улучшение питания населения.

Источники и литература

Баланс ресурсов и использования основных продуктов сельского хозяйства Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-forrest-village-hunt-fish/spreadsheets/> (дата обращения: 10.01.2025).

Виноградова М. А., Федорова Т. А., Рогачевский О. В. Влияние железодефицитной анемии на исходы беременности [Электронный ресурс] : Акушерство и гинекология. 2015. № 7. URL: <https://aig-journal.ru/articles/Vliyanie-jelezodeficitnoi-anemii-na-ishody-beremennosti.html> (дата обращения: 20.01.2025).

Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности. Рим, 16–18 ноября 2009 г.

Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014).

Закон Кыргызской Республики от 4 августа 2008 года № 183 «О продовольственной безопасности Кыргызской Республики».

Концепция обеспечения продовольственной безопасности Республики Армения. Распоряжение Президента РА от 18.05.2011 НК-91-Н.

Межгосударственный статистический комитет СНГ. Балансы важнейших видов продовольствия, 2014–2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://new.cisstat.org/%D0%91%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%8B-%D0%B2%D0%B0%D0%B6%D0%BD%D0%B5%D0%B9%D1%88%D0%B8%D1%85-%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D0%B2-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 15.01.2025).

Мониторинг обеспеченности государств-членов и Союза сельскохозяйственной продукцией и продовольствием [Электронный ресурс]. URL: <https://agro.eaeunion.org/MonitoringFS/Pages/default.aspx#> (дата обращения: 15.01.2025).

Научно обоснованные физиологические нормы потребления продуктов питания. Приказ Министра национальной экономики Республики Казахстан от 9 декабря 2016 года № 503.

Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Производство основных видов промышленной продукции [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/promyshlennost/> (дата обращения: 10.01.2025).

О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий. Закон РК 08.07.2005 № 66.

О Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года. Постановление Совета Министров Республики Беларусь 15 декабря 2017 г. № 962.

О национальной безопасности Республики Казахстан. Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV.

О Совете по агропромышленной политике ЕАЭС. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 14.05.2018 № 6.

Об обеспечении продовольственной безопасности. Закон РА от 07.05.2002 № ЗР-339.

Об общих принципах и подходах к обеспечению продовольственной безопасности государств – членов ЕАЭС. Решение Совета ЕЭК от 14.09.2021 № 89.

Об утверждении среднефизиологических норм потребления основных продуктов питания для населения Кыргызской Республики. Постановление Правительства КР от 19.02.2010 № 111.

Приказ от 19 августа 2016 г. N 614 об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания.

Программа продовольственной безопасности и питания в Кыргызской Республике на 2025–2030 годы. Постановление Кабинета Министров КР от 09.12.2024 № 747.

Производство основных видов продукции в натуральном выражении [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 10.01.2025).

Производство промышленной продукции в натуральном выражении. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам РК [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-industrial-production/spreadsheets/?year=2023&name=19177&period=&type=> (дата обращения: 10.01.2025).

Ромашкин Р. А., Белугин А. Ю. Продовольственная безопасность и устойчивое развитие сельского хозяйства Евразийского региона // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2022. № 1. С. 121–124.

Технологическое обеспечение продбезопасности [Электронный ресурс] : Минсельхоз России. 2024. 13 сентября. URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/obshchestvennyu-sovet-pri-minselkhoze-soglasoval-pasport-natsproekta-tehnologicheskoe-obespechenie/> (дата обращения: 17.01.2025).

Указ Президента РФ «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» от 21.01.2020 № 20.

Укрепление сотрудничества через взаимовыгодную специализацию необходимо странам и регионам ЕАЭС. 2023. 25 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/ukreplenie-sotrudnichestva-cherez-vzaimovыgodnuyu-spetsializatsiyu-neobkhodimo-stranam-i-regionam-ea/> (дата обращения: 15.01.2025).

Федеральная государственная информационная система «Электронный атлас земель сельскохозяйственного назначения» Минсельхоза России (ФГИС ФП АЗСН).

Шоба С. А., Ромашкин Р. А., Рыбальский Н. Г. и др. Продовольственная безопасность Евразийского региона в новых экономических условиях: состояние и перспективы: коллективная монография. М. : ЕЦПБ МГУ, НИА-Природа, 2024.

Agriculture, Forestry, and Fishing, Value Added, 1961–2023 [Электронный ресурс] : World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.AGR.TOTL.KD.ZG> (дата обращения: 27.01.2025).

ArmStatBank.am. Food Security. Ra National Food Balances by Food Commodity Groups/Food Commodity, Indicator and Year [Электронный ресурс]. URL: https://statbank.armstat.am/pwweb/en/ArmStatBank/ArmStatBank__7%20Food%20Security/FS-1-2023.px/?rxid=9ba7b0d1-2ff8-40fa-a309-fae01ea885bb (дата обращения: 10.01.2025).

FAOSTAT. Suite of Food Security Indicators [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/FS> (дата обращения: 27.01.2025).

GDP Per Capita, 1960–2023 [Электронный ресурс] : World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> (дата обращения: 27.01.2025).

Global Food Security Index 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://impact.economist.com/sustainability/project/food-security-index> (дата обращения: 08.02.2025).

Metreau E., Young E. K., Earpen G. S. Классификация стран по уровню дохода, применяемая Всемирным банком в 2024–2025 годах [Электронный ресурс]. URL: <https://blogs.worldbank.org/ru/voices/world-bank-country-classifications-by-income-level-for-2024-2025> (дата обращения: 27.01.2025).

Poverty Headcount Ratio at Societal Poverty Line, 2022–2023 [Электронный ресурс] : World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.SOPO> (дата обращения: 27.01.2025).

РЕЗИЛИЕНТНОСТЬ КАК НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА*

Ненашева М. В.**

Изменение климата является одной из глобальных проблем современности, последствия которой создают серьезные риски для развития экономики и общества. На сегодняшний день основные мероприятия международных политических институтов по борьбе с изменением климата направлены на снижение выбросов парниковых газов и разработку мер по адаптации к последствиям природных вызовов. С научной точки зрения резилиентность – это новый теоретический и методологический подход к исследованию способности экономических, экологических и социальных систем сохранять структуру и функции в условиях изменений. Основными факторами резилиентности являются способность системы реагировать на внутренние и внешние шоки, адаптироваться к ним и восстанавливаться. Эти три аспекта обеспечивают функционирование и жизнеспособность системы в условиях различных вызовов. Несмотря на имеющееся общее понимание резилиентности, одной из наиболее трудных задач является разработка универсальных показателей резилиентности к изменению климата и методов их оценки. Это может быть обусловлено как отраслевой спецификой, так и социально-экономическими и природно-климатическими факторами. На сегодняшний день универсальный перечень показателей резилиентности к изменению климата, как и методология их оценки, отсутствует, что затрудняет разработку рекомендаций по ее повышению.

Ключевые слова: изменение климата, адаптация, резилиентность, глобальные вызовы, устойчивое развитие, управление.

RESILIENCE AS A NEW POLITICAL STRATEGY IN THE FACE OF CLIMATE CHANGE

Climate change is one of the global problems, the consequences of which pose serious risks to the development of the economy and society. At present the main

* Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках государственного задания № FSRU-2023-004.

Для цитирования: Ненашева М. В. Резилиентность как новая политическая стратегия в условиях изменения климата // Век глобализации. 2025. № 3. С. 176–185. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.14.

For citation: Nenasheva M. V. Resilience as a New Political Strategy in the Face of Climate Change // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 3. Pp. 176–185. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.14 (in Russian).

** Ненашева Марина Викторовна – к. ф. н., доцент Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: m.nenasheva@narfu.ru.

Marina V. Nenasheva – Ph.D., Associate Professor of the Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov. E-mail: m.nenasheva@narfu.ru.

activities of international political institutions to combat climate change are aimed at reducing greenhouse gas emissions and developing measures to adapt to the effects of natural challenges. From a scientific point of view, resilience is a new theoretical and methodological approach to the study of the ability of economic, ecological and social systems to maintain structure and function in the face of change. The main factors of resilience are the system's ability to respond to internal and external shocks, adapt to them, and recover. These three aspects ensure the functioning and viability of the system in the face of various challenges. Despite the common understanding of resilience, one of the most difficult tasks is to develop universal indicators of climate change resilience and methods for their assessment. This may be due to industry specifics, as well as socio-economic and climatic factors. At present there is no universal list of indicators of climate change resilience, as well as a methodology for their assessment, which makes it difficult to develop recommendations for its improvement.

Keywords: *climate change, adaptation, resilience, global challenges, sustainable development, governance.*

Введение

Одной из актуальных проблем современного мира является глобальное потепление [Вебер 2011; Данилов-Данильян 2019]. Согласно докладам Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) и результатам ежегодного мониторинга Росгидромета, с 1970 г. глобальное потепление происходит быстрее, чем в предыдущие периоды, что связано с увеличением антропогенной нагрузки на окружающую природную среду [IPCC 2023; Доклад... 2024]. Климатологи признают, что в будущем станут важны не только показатели средних температур, но также частота и интенсивность возникающих вследствие изменения климата аномальных погодных явлений, которые создают угрозу экономике и обществу [Доклад... 2024].

Осознание серьезности последствий изменения климата привело к тому, что с конца XX в. обсуждение этой проблемы перешло в политическую плоскость [Вебер 2015]. С 1992 г. под эгидой Организации Объединенных Наций (ООН) проводятся конференции по вопросам охраны окружающей среды и устойчивому развитию, на которых обсуждаются мероприятия по снижению правительствами выбросов парниковых газов как одной из главных причин изменения климата [Конференция... 1992]. После принятия Парижского соглашения эти мероприятия были дополнены мерами по адаптации экономики и общества к последствиям климатических изменений [Paris... 2015].

МГЭИК определяет адаптацию как процесс приспособления к фактическому или ожидаемому изменению климата с целью смягчения негативных последствий и/или использования возможностей, которые могут возникнуть в результате изменения климата [IPCC 2022]. В свою очередь политика адаптации – это комплекс мер, которые разрабатывают правительства для предотвращения, защиты и обеспечения готовности экономики и общества к стихийным бедствиям. Она включает четыре этапа: 1) оценку последствий изменения климата; 2) планирование мероприятий по адаптации к изменению климата; 3) осуществление адаптационных мер; 4) мониторинг и оценку результатов адаптации к изменению

климата. На сегодняшний день национальные планы по адаптации к изменению климата разработали 55 стран, включая Россию [Национальный... 2019; 2023].

Резилиентность к изменению климата

Наряду с адаптацией одной из главных задач Парижского соглашения является повышение резилиентности экономики и общества к изменению климата [Paris... 2015]. Термин «резилиентность» (*англ.* resilience) заимствован из естествознания, где он характеризует способность физических тел возвращаться в исходное состояние после некоторого воздействия. В 1973 г. канадский эколог К. С. Холлинг использовал этот термин для описания способности экологической системы выдерживать внешнее воздействие без перехода в иное состояние [Holling].

С 1980-х гг. концепция резилиентности по аналогии стала использоваться для изучения устойчивости социально-экологических систем. Согласно исследованиям, человек постоянно оказывает воздействие на экосистемы, а реакция экосистем на такое воздействие редко бывает предсказуемой [Folke *et al.* 2002]. В последнее время экологические системы трансформируются более быстрыми и непредсказуемыми темпами, чем когда-либо в истории человечества [Folke *et al.* 2004]. Эти изменения приводят к снижению устойчивости социально-экологических систем и создают проблемы для управления окружающей природной средой [Adger 2005].

В 1999 г. при непосредственном участии К. С. Холлинга была создана международная междисциплинарная организация «Resilience Alliance», члены которой занимаются исследованием локальных аспектов устойчивости антропогенно-природных систем, их адаптационного потенциала и разработкой методов управления такими системами в условиях глобальных климатических изменений. Альянс определяет резилиентность как величину изменений, которым может подвергнуться социально-экологическая система, сохраняя при этом свою структуру и функции [Resilience...]. Важную роль в этом играет внутренний потенциал социально-экологической системы, который позволяет выдерживать такое воздействие. Адаптация считается одним из элементов резилиентности системы наряду с ее способностью к самоорганизации и восстановлению. Обратной стороной резилиентности является уязвимость, или неспособность системы преодолевать негативное воздействие. В уязвимой социально-экологической системе даже небольшие изменения могут иметь разрушительные последствия, а в резилиентной они могут создать возможности для развития [Folke 2016].

С 2010-х гг. концепция резилиентности начала постепенно вытеснять понятие устойчивости (*англ.* sustainability). Эксперты считают, что сначала нужно понять, как общество реагирует на изменение климата и адаптируется к нему на местном уровне, а затем переходить к национальным и региональным программам и планам устойчивого развития. В пятом оценочном докладе МГЭИК была представлена концепция обеспечения резилиентности к изменению климата (*англ.* climate-resilience pathway) [IPCC 2014: 17]. Согласно докладу, адаптация и смягчение последствий являются взаимодополняющими стратегиями снижения климатических рисков и управления ими, что в долгосрочной перспективе может способствовать

повышению резилиентности к изменению климата [IPCC 2014: 17]. В свою очередь резилиентность – это «способность социальных, экономических и экологических систем справляться с опасными погодными явлениями, реагируя на них или перестраиваясь таким образом, чтобы сохранять основные функции, идентичность и структуру, а также способность к адаптации, развитию и преобразованию» [*Ibid.*: 127]. По мнению авторов доклада, уже сейчас нужно принимать действия, которые будут направлены как на смягчение последствий изменения климата, так и на обеспечение резилиентности общества [*Ibid.*: 90].

После публикации доклада увеличилось количество научных исследований резилиентности к изменению климата. В западной науке концепция резилиентности используется в качестве методологии для анализа того, как местные сообщества реагируют на стихийные природные бедствия при организации спасательных операций и предоставлении помощи пострадавшим, координации действий государственных и общественных организаций, поддержке со стороны местных сообществ и волонтеров для ускорения процессов восстановления. К числу ключевых факторов резилиентности зарубежные авторы относят коллективные знания и опыт; вовлеченность людей в совместные действия; социальную ответственность и способность к сотрудничеству; открытость к адаптации и изменениям [Walker *et al.* 2006].

В российской науке исследования резилиентности связаны с изучением закономерностей и особенностей территориального развития [Жихаревич и др. 2020]. Эти исследования проводятся на примере городов и сельских поселений для объяснения различных социально-экономических явлений и процессов, изучения способов снижения уязвимости социально-экономических систем в условиях глобальных вызовов, а также разработки конкретных мероприятий по повышению жизнеспособности социумов и их адаптации к внешним воздействиям. Для перевода термина на русский язык в российском научном дискурсе часто используется калька «резиль(и)ентность» [Климанов и др. 2018], однако в некоторых работах встречаются такие значения, как шокоустойчивость [Жихаревич и др. 2020], жизнестойкость [Замятина и др. 2020; Ненашева 2022]. Российские ученые пытаются разработать систему показателей жизнестойкости городов и сельских поселений, а также методы их количественного и качественного анализа, которые могут помочь выявить резилиентностный потенциал, отражающий степень надежности социально-экономической системы в условиях возмущающих воздействий [Замятина и др. 2020; Ненашева, Максимов 2023]. Исследования резилиентности к изменению климата в российской науке являются единичными и в основном связаны с оценкой влияния глобального потепления на жизнь человека в северных и арктических районах России [Виноградова 2021; Никулкина и др. 2021; Ненашева 2024].

Несмотря на рост научного интереса к исследованию резилиентности к изменению климата, отсутствует ясность того, как развивать ее на практике. Анализ имеющихся работ позволяет сделать вывод о том, что резилиентность – это не результат, а скорее процесс, который осуществляется на микро-, мезо- и макроуровнях общественного бытия. Важная роль в обеспечении резилиентности к природным вызовам принадлежит различным формам капитала: человеческому, социальному, природному, экономическому.

Обобщив несколько тематических исследований, группа ученых под руководством шведского исследователя и сооснователя Resilience Alliance Карла Фолке выделила четыре фактора, влияющих на резилиентность общества к изменению климата [Folke *et al.* 2002]:

1. Адаптивность, то есть способность общества существовать в условиях изменений, неопределенности и риска. Основную роль в этом процессе играет социальный капитал, который нужно укреплять путем развития социальных сетей с широким кругом участников: от местных жителей до институтов власти. В этой связи демографические изменения, такие как миграция, естественная убыль населения, оказывают негативное влияние на резилиентность социальных систем.

2. Разнообразие видов экономической деятельности, источников и средств к существованию, способов реагирования на негативные факторы, что является своего рода «страховкой» от неопределенности и рисков и способствует лучшей адаптации общества к изменениям. В этом контексте ресурсная зависимость общества, по мнению ученых, приводит к снижению резилиентности, так как может быть подорвана высокой изменчивостью рынка или серьезными нарушениями в экологической системе.

3. Сочетание различных типов знаний. Этот фактор связан с необходимостью использовать традиционные экологические знания коренных малочисленных народов в стратегиях и планах по адаптации к изменению климата и повышению резилиентности общества.

4. Способность к самоорганизации и обучению, которая является важным элементом адаптивного управления. Фолке и его соавторы определяют адаптивное управление как процесс, с помощью которого институциональные механизмы, направленные на борьбу с изменением климата, проверяются и пересматриваются в динамичном, непрерывном процессе самоорганизации и обучении общества на практике.

Резилиентность к изменению климата как новая политическая стратегия

В 2017 г. Всемирный банк разработал программу повышения резилиентности общества к изменению климата, в которую вошли мероприятия по адаптации и управлению природно-климатическими рисками [World Bank 2017]. Согласно документу, понятие «резилиентность» не имеет однозначного определения, поэтому невозможно точно определить меры, которые будут способствовать повышению резилиентности. Отчасти это связано с тем, что резилиентность зависит от определенных условий и контекста. Например, мероприятия по ирригации земель могут относиться к мерам по повышению резилиентности в условиях недостатка воды и, наоборот, могут представлять угрозу в условиях достаточных водных ресурсов.

Несмотря на отсутствие универсального определения в содержании понятия «резилиентность», можно выделить три ключевых элемента – это способность общества предвидеть последствия изменения климата, реагировать на них и восстанавливаться [World Bank 2017: 8]. Соответственно, мероприятия, связанные с повышением резилиентности, должны быть направлены на смягчение и предотвращение негативных последствий изменения климата, разработку мер по адаптации и восстановлению.

Для разработки таких мероприятий необходимо оценить степень резилиентности системы. Согласно теории экологической резилиентности, экосистема может существовать в альтернативных стабильных состояниях [Holling], поэтому меры по обеспечению резилиентности должны быть направлены на поиск и оценку таких атрибутов системы, которые позволяют ей сохранять устойчивость в условиях возмущающих воздействий. На практике эта задача может оказаться невыполнимой, поскольку способность системы противостоять негативному воздействию можно обнаружить только тогда, когда событие уже произошло. Тем не менее можно попытаться определить показатели резилиентности.

Показатели могут быть количественными (например, данные статистики) и качественными (результаты опросов, интервью с экспертами, обсуждений в фокус-группах). Показателей не должно быть много, но они должны отражать весь спектр мероприятий по повышению резилиентности и соответствовать так называемым SMART-критериям, а именно – быть конкретными, измеримыми, достижимыми, значимыми и ограниченными во времени [World Bank 2017: 28]. Этот перечень рекомендуется дополнить отраслевыми, а также «сквозными» показателями. К последним относится, например, число бенефициаров, получивших выгоду от мероприятий по повышению резилиентности. Показатели могут быть объединены в индексы, однако определить весовые коэффициенты для таких индексов может быть сложно, особенно в условиях нехватки исходных данных [*Ibid.*: 26–27]. Эксперты утверждают, что универсального набора показателей не существует. В каждом конкретном случае он будет зависеть от географического, социально-экономического, природного либо отраслевого контекста.

Особое место в программе повышения резилиентности отводится мониторингу [*Ibid.*: 36–40], который необходим для оценки результатов. Согласно экспертам, мониторинг также может быть сопряжен с рядом проблем, связанным, например, с доступностью данных, изменением исходных условий и т. п. Для решения этих проблем эксперты предлагают использовать метод «контекстуализации», то есть корректировки показателей, мероприятий и ожидаемых результатов в процессе реализации программ по повышению резилиентности. Например, измерение физических переменных, связанных с географическим местоположением, может не включаться в перечень результатов, но оказаться полезным на этапе оценки.

При оценке результатов повышения резилиентности решается вопрос о том, как показатели будут реагировать на конкретные виды воздействий и какие характеристики системы можно улучшить, чтобы избежать превышения определенных пороговых значений. Оценка результатов повышения резилиентности к изменению климата также может быть адаптирована под потребности заинтересованных сторон и конкретные условия: географические, социально-экономические, отраслевые и т. д. В целом оценка результатов необходима для формирования базы знаний о том, какие мероприятия способствуют повышению резилиентности системы, а какие нет, и их последующего учета в будущих проектах.

Ограничения концепции резилиентности

Определение показателей резилиентности к изменению климата необходимо для принятия управленческих решений и разработки программ по повышению

устойчивости общества к природным вызовам. Но, как было сказано выше, открытым остается вопрос о способах их определения, измерения и оценки.

Зарубежные ученые предлагают следующие подходы:

1. Подход на основе построения универсальной модели, которую можно использовать для анализа конкретных случаев [Bennett *et al.* 2005]. Этот подход был разработан для экосистем и включает в себя определение ключевых показателей, связанных с резилиентностью. По мнению исследователей, хорошая модель должна включать все ключевые элементы экосистемы, а также учитывать взаимосвязи между ними, а разработка системной модели является важным шагом в процессе определения мер по повышению ее устойчивости [*Ibid.*]. Недостатком этого метода является то, что он был объяснен с использованием только экологических переменных, относящихся, например, к качеству воды, составу лесов, популяции водорослей, и поэтому не может использоваться для анализа и повышения резилиентности более сложных, например, социально-экологических и других систем.

2. Подход на основе метода сценариев [Carpenter *et al.* 2006]. Сценарии – это наборы правдоподобных ситуаций, которые можно использовать для анализа альтернативных вариантов развития будущего, планирования и принятия управленческих решений. Разработка сценариев включает в себя множество сюжетных линий, их количественную и качественную оценку. В отличие от других методов прогнозирования будущего, разработка сценариев требует привлечения к процессу многих заинтересованных сторон.

3. Стейкхолдеровский подход [Walker *et al.* 2002], который состоит из четырех этапов и предусматривает активное вовлечение заинтересованных сторон. На первом этапе разрабатывается концептуальная модель системы, включая ее исторический профиль и предварительную оценку факторов, влияющих на устойчивость системы. Второй этап связан с определением непредсказуемых и неконтролируемых факторов и определением сценариев будущего развития. На третьем этапе проводятся выявление и анализ показателей резилиентности социально-экологической системы. На четвертом этапе заинтересованные стороны разрабатывают программу повышения резилиентности системы. На наш взгляд, этот подход к анализу резилиентности представляет собой интеграцию методов, описанных выше, – системных моделей и разработки сценариев – с добавлением социального компонента.

Выводы

Повышение резилиентности к изменению климата является новым направлением при разработке международных стратегий устойчивого развития в условиях глобальных вызовов. В отличие от мероприятий по смягчению последствий изменения климата и адаптации к ним резилиентность – это системное свойство. Оно относится к масштабу внутренних и внешних изменений, которые может выдерживать система, не переходя в альтернативное состояние и сохраняя свою структуру и свойства.

На сегодняшний день среди ученых и экспертов нет единого мнения относительно того, что представляет собой «показатель резилиентности к изменению климата», как и нет адекватных инструментов и методов его оценки. Соответственно, невозможно разработать единый подход к повышению резилиентности к

изменению климата, которым будут руководствоваться правительства для достижения целей устойчивого развития. Тем не менее концепция резилиентности может способствовать лучшему пониманию того, как общество должно адаптироваться к изменению климата или смягчать его последствия, а управление на основе резилиентного подхода повышает вероятность устойчивого развития в условиях глобальных изменений.

Литература

Вебер А. Б. Человечество перед глобальным экологическим вызовом // Век глобализации. 2011. № 1. С. 110–121.

Вебер А. Б. Страсти по климату. Кто и почему против борьбы с глобальным потеплением? // Век глобализации. 2015. № 1. С. 96–105.

Виноградова В. В. Районирование России по природным условиям жизни населения с учетом экстремальных климатических событий // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2021. № 1. С. 5–13. DOI: 10.31857/S2587556621010167.

Данилов-Данильян В. И. Глобальная климатическая проблема и возможности прогнозирования // Век глобализации. 2019. № 4. С. 3–15. DOI: 10.30884/vglob/2019.04.01.

Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2023 год. М. : Росгидромет, 2024.

Жихаревич Б. С., Климанов В. В., Марача В. Г. Шокоустойчивость территориальных систем: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. 2020. № 3. С. 4–15.

Замятина Н. Ю., Медведков А. А., Поляченко А. Е., Шамало И. А. Жизнестойкость арктических городов: анализ подходов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Науки о Земле. 2020. № 65(3). С. 481–505. DOI: 10.21638/spbu07.2020.305.

Климанов В., Казакова С., Михайлова А. Региональная резилиентность: теоретические основы постановки вопроса // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 6. С. 164–187. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-164-187.

Конференция ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, Бразилия, 3–14 июня 1992 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/conferences/environment/rio1992> (дата обращения: 11.01.2025).

Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период 2022 года. Утвержден Распоряжением Правительства Российской Федерации № 3183-р от 25.12.2019.

Национальный план мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период 2022 года. Утвержден Распоряжением Правительства Российской Федерации № 559-р от 11.03.2023.

Ненашева М. В. Феномен жизнестойкости в теории и практике адаптации арктических сообществ к экологическим вызовам // Арктика и Север. 2022. № 47. С. 188–205. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.188.

Ненашева М. В. Оценка климатических рисков для жизнедеятельности сельского населения Европейского Севера на примере Приморского района Архангельской об-

ласти // Регион: экономика и социология. 2024. № 3(123). С. 251–273. DOI: 10.15372/REG20240311.

Ненашева М. В., Максимов А. М. Оценка жизнестойкости сельских сообществ Севера России (на примере поселений Архангельской области) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. Т. 26. № 2. С. 175–188. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2023.80.012.

Никулкина И. В., Романова Е. В., Герарди Ж. Факторы резильентности арктических поселений на примере Арктической зоны Республики (Саха) Якутия // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 12. С. 3073–3085.

Adger W. N., Brown K., Tompkins E. L. The Political Economy of Cross-Scale Networks in Resource Management [Электронный ресурс] : Ecology and Society. 2005. Vol. 10(2). P. 9. URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol10/iss2/art9/> (дата обращения: 22.02.2025).

Bennett E. M., Cumming G. C., Peterson G. D. A Systems Model Approach to Determining Resilience Surrogates for Case Studies // Ecosystems. 2005. No. 8. Pp. 945–957. DOI: 10.1007/s10021-005-0141-3.

Carpenter S. R., Bennett E. M., Peterson G. D. Scenarios for Ecosystem Services: An Overview [Электронный ресурс] : Ecology and Society. 2006. No. 11(1). P. 29. URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol11/iss1/art29/> (дата обращения: 28.02.2025).

Folke C. Resilience (republished) // Ecology and Society. 2016. Vol. 21. No. 4. P. 44. DOI: 10.5751/ES-09088-210444.

Folke C., Carpenter S., Elmqvist T., Gunderson L., Holling C. S., Walker B. Resilience and Sustainable Development: Building Adaptive Capacity in a World of Transformations // Ambio. 2002. No. 31. Pp. 437–440. DOI: 10.1579/0044-7447-31.5.437.

Folke C., Carpenter S., Scheffer M., Elmqvist T., Gunderson L., Holling C. S. Regime shifts, resilience and biodiversity in ecosystem management // Annual Review of Environment and Resources. 2004. No. 35. Pp. 557–581.

Holling C. S. Resilience and Stability of Ecological Systems [Электронный ресурс] : Annual Review of Ecology and Systematics. URL: https://zoology.ubc.ca/bdg/pdfs_bdg/2013/Holling%201973.pdf (дата обращения: 20.02.2024).

IPCC. Climate Change 2014: Synthesis Report. Contribution of Working Groups I, II and III to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / ed. by R. K. Pachauri, L. A. Meyer. Switzerland: Geneva, 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/02/SYR_AR5_FINAL_full.pdf (дата обращения: 28.02.2025).

IPCC. Climate Change 2022: Impacts, Adaptation, and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / ed. by H.-O. Pörtner, D. C. Roberts, M. Tignor, E. S. Poloczanska, K. Mintenbeck, A. Alegría, M. Craig, S. Langsdorf, S. Löschke, V. Möller, A. Okem, B. Rama. New York: Cambridge University Press, 2022 [Электронный ресурс]. DOI: 10.1017/9781009325844.

IPCC. Climate Change 2023: Synthesis Report. Switzerland: Geneva, 2023. DOI: 10.59327/IPCC/AR6-9789291691647.001.

Paris Agreement. 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/english_paris_agreement.pdf (дата обращения: 01.03.2025).

Resilience Alliance [Электронный ресурс]. URL: <https://www.resalliance.org> (дата обращения: 03.03.2025).

Walker B., Carpenter S., Anderies J., Abel N., Cumming G., Janssen M., Lebel L., Norberg J., Peterson G. D., Pritchard R. Resilience Management in Social-Ecological Systems: a Working Hypothesis for a Participatory Approach // *Conservation Ecology*. 2002. No. 6(1). P. 14.

Walker B. H., Gunderson L., Kinzig A., Folke C., Carpenter S., Schultz L. A Handful of Heuristics and Some Propositions for Understanding Resilience in Social-Ecological Systems [Электронный ресурс] : *Ecology and Society*. 2006. URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol11/iss1/art13/> (дата обращения: 19.10.2024).

World Bank. Operational Guidance for Monitoring and Evaluation (M&E) in Climate and Disaster Resilience-Building Operations [Электронный ресурс] : World Bank Group. 2017. URL: <https://www.worldbank.org> (дата обращения: 14.02.2025).

ФАКТОРЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ: ГЛОБАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ*

Васильев В. П.**

В статье анализируются факторы, определяющие основные направления и условия достижения экологического благополучия в общем контексте устойчивого развития и моделирования социально-экономической динамики в модели «экология – экономика – социальные отношения». Показана трансформация базовой модели предельного роста к факторам устойчивости и благополучия человека. Представлены международные программы долгосрочной экологической повестки и сложности их реализации в условиях кризиса глобализации. Показано, что достижение определенной границы потепления климата не означает форсированного сокращения потребления невозобновляемых источников энергоносителей. Определены цели и противоречия международных программ климатической повестки. Выявлены основные направления включения в процессы «зеленого развития» публичных компаний. Показаны особенности экологической стратегии в стратегическом планировании РФ в условиях «провалов рынка» и приоритетов национального суверенитета, отраженные в экологической доктрине и национальных целях развития РФ на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: экологические риски, устойчивое развитие, пределы роста, глобальное потепление, энергопереход, экологические стратегии, экологическое благополучие, стратегические проекты, стандарты ESG.

ENVIRONMENTAL SUSTAINABILITY FACTORS: GLOBAL AND NATIONAL PRIORITIES

The article analyzes the factors determining the main directions and conditions for achieving environmental well-being in the general context of sustainable development and modeling socio-economic dynamics in the ecology – economics – social relations model. The transformation of the basic model of marginal growth to the factors of sustainability and human well-being is shown. International pro-

* **Для цитирования:** Васильев В. П. Факторы экологической устойчивости: глобальные и национальные приоритеты // Век глобализации. 2025. № 3. С. 186–199. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.15.

For citation: Vasilyev V. P. Environmental Sustainability Factors: Global and National Priorities // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 3. Pp. 186–199. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.15 (in Russian).

** Васильев Владимир Петрович – к. э. н., доцент, заведующий кафедрой социологии государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: vasvp15@gmail.com.

Vladimir P. Vasilyev – Ph. D. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Sociology of Public Administration at Lomonosov Moscow State University. E-mail: vasvp15@gmail.com.

grams on the long-term environmental agenda and the difficulties of their implementation in the context of the globalization crisis are presented. Programmatic indicators and current practice show that reaching a certain limit on climate warming does not mean a forced reduction in consumption of non-renewable energy sources. The objectives and contradictions of the international programs of the climate agenda are defined. The main directions of inclusion in the processes of "green development" of public companies have been identified. The article shows the features of the environmental strategy in the strategic planning of the Russian Federation in the context of "market failures" and priorities of national sovereignty, reflected in the environmental doctrine and national development goals of the Russian Federation in the long term.

Keywords: *environmental risks, sustainable development, limits to growth, global warming, energy transition, environmental strategies, environmental well-being, strategic projects, ESG standards.*

Введение

Социально-экономические практики, обусловленные необходимостью защиты человека от негативных влияний окружающей среды, выявили новые направления и противоречия социально-экономической динамики в контексте климатической повестки. На основе исследований воздействия окружающей среды обитания человека определены глобальные риски цивилизационного масштаба [Вернадский 1989; Моисеев 1999; Данилов-Данильян 2018]. Выявленные взаимосвязи экологии, экономики и социальной сферы позволили сформировать новую модель устойчивого развития в долгосрочном периоде [Бобылев 2017; Порфильев, Шилов 2022]. Новые подходы к долгосрочному прогнозированию разработаны на основе математического моделирования системы «экология – экономика – социальные отношения» с учетом факторов климатических изменений и наметившейся технологической модификации [Преодолева... 2024; Шилов, Колпаков 2023].

Решение глобальных проблем зависит от соотношения межгосударственной и национальной координации целей и факторов современной системы сокращения экологических рисков. При этом первичной становится проблематика технологического суверенитета, особенностей и масштабов климатических проблем и их прогнозирования для разработки целевых ориентиров.

Востребованной становится стратегия устойчивого развития, направленная не только на интересы будущих поколений, но и на реализацию современных потребностей населения – обеспечение благосостояния, сокращение бедности, решение острых экологических проблем – при приоритетном значении охраны окружающей среды.

Формирование системы устойчивого развития

В 70-х гг. XX в. кооперацией ученых в рамках Римского клуба на основе интерпретации долгосрочного прогноза была представлена новая концепция социально-экономического развития, в которой защита окружающей среды выступила базовой, приоритетной задачей, предполагающей ограничения индустриального развития и сокращения потребностей человека и общества. Направленность исследования экологических проблем была подготовлена целым рядом явлений со-

циально-экономической динамики. Во-первых, уже получили хождение представления о надвигающихся климатических катастрофах, угрожающих, по предсказаниям, целым государствам и континентам. Во-вторых, в мировой экономике произошел первый энергетический (нефтяной) кризис, нанесший удар по социально-экономическому развитию в глобальном масштабе. Причина кризиса проявлялась в виде роста добычи, торговли и ограниченности доступа к невозобновляемым нефтяным ресурсам. В-третьих, индустриальный рост, базирующийся на потреблении энергоносителей, автоматически увеличивал экологические риски. В-четвертых, функционирующие и нарождающиеся экологические движения и партии нуждались в теоретическом обосновании целей своей деятельности.

В докладе Римскому клубу «Пределы роста» анализ построен на рассмотрении глобальной системы как единого целого, без учета частных различий между регионами или странами, в системе взаимовлияния «экология – экономический рост – население» [Meadows *et al.* 1972]. Математическая модель «Мир-3» была построена для исследования пяти основных глобальных процессов: быстрой индустриализации, роста численности населения, увеличивающейся нехватки продуктов питания, истощения запасов невозобновляемых ресурсов и деградации природной среды. В основу анализа и моделирования была положена социальная модель качества жизни в виде системы показателей: уровень (стандарт) жизни – уровень скученности населения – уровень питания – уровень загрязнения окружающей среды [Форрестер 2003].

Данный доклад нередко называют «экологической революцией». Однако его значение более широкое – был осуществлен, с известными недостатками, методологический переход от констатации рисков для цивилизации к моделированию и прогнозированию системы «экология – ВВП – потребление». Затрагивая существенные проблемы социального развития (сокращение населения), авторы в качестве альтернативы утверждали, что человечеству придется направлять больше усилий и капитала на то, чтобы бороться с ухудшением состояния окружающей среды, что приведет к снижению уровня жизни. В последующих изданиях авторы более детально изложили свою аргументацию: «В представленных сценариях рост населения и материального капитала постепенно вынуждает человечество направлять все больше и больше капитала на решение проблем, которые вызваны его же воздействием на среду. Со временем потребуются траты столько, что поддерживать дальнейший промышленный рост станет невозможно... Когда останавливается рост в этих секторах, рост населения также прекращается» [Медоуз и др. 2007: 342].

Выводы авторов о нулевом росте ВВП и необходимости снижения роста населения подверглись критике как вариант неомальтузианства, не учитывающий объективность научно-технического прогресса, перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, и были скорректированы в последующих докладах Римскому клубу.

Второй доклад Римскому клубу «Человечество на перепутье» предлагал в ответ на критику идеи «нулевого роста» концепцию «органического роста», согласно которой каждый регион мира должен выполнять свою особую функцию, подобно клетке живого организма [Mesarovic, Pestel 1974]. Тем самым подвергалась сомнению универсальность «нулевого роста» для всех стран и регионов, утвер-

ждалась необходимость анализа неравномерности их развития и стадии экономической динамики.

Продвижение теорий устойчивости общественного развития трансформировало аргументацию по сокращению потребностей общества в подход, ограничивающий потребности производства экологозатратными энергоносителями и защитой жизни и здоровья населения. Экологическая доминанта определила цели, задачи и теоретические подходы к моделям устойчивого развития. Экологическая компонента устойчивости является значительной в социальных практиках и стала теоретическим вектором ряда направлений исследования социоэкономической динамики. Для оценки экологического состояния и нарастающих рисков необходимо учитывать ограниченность энергетических ресурсов, их истощение в ходе человеческой деятельности.

На этой теоретической базе был сформирован ряд прикладных критериев и показателей общественной динамики для аналитического анализа, разработанных международными организациями (ООН и Мировой банк). Для построения системы критериев и показателей используется система национальных счетов с введением в базовую модель параметра «скорректированных чистых накоплений»:

1. *«Скорректированные чистые накопления»* –

$EDP = (NDP - DPNA) - DGNA$, где:

- NDP – чистый внутренний продукт;
- DPNA – стоимостная оценка истощения природных ресурсов;
- DGNA – стоимостная оценка экологического ущерба (размещение отходов, загрязнение атмосферы и гидросферы и т. д.).

2. *«Истинные сбережения»* – $GS = (GDS - CFC) + EDE - DPNR - DMGE$, где:

- GDS – валовые внутренние сбережения;
- CFC – величина обесценивания произведенных активов;
- EDE – величина расходов на образование;
- DPNR – величина истощения природных ресурсов;
- DMGE – ущерб от загрязнения окружающей среды.

Все показатели рассчитываются в процентах от ВВП. Проведенные на основе данных методик расчеты показали значительное расхождение между традиционными экономическими показателями и экологически скорректированными. Однако при оценке экономической деятельности по социально-экономическому развитию территорий этот показатель снижал эффективность инвестиций в реальный сектор экономики, в позитивном свете характеризовал развитие с невысоким темпом ВВП.

На протяжении многих лет в обществоведческой научной литературе и глобальных практиках взаимодействия устойчивое развитие ассоциировалось с анализом и практическими мерами по защите окружающей среды. В явном или микшированном виде формировались взгляды по актуализации способов экологической устойчивости – торможения экономического роста и модификации на этой основе общественных потребностей. В поисках новой модели осуществлялось моделирование социально-экономической динамики, выстраивались приоритеты общественного развития.

Современный концепт устойчивого развития был предложен в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию в 1987 г. Представленная

позиция не только определила устойчивое развитие как развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, не ставит под угрозу способности будущих поколений удовлетворять собственные потребности, но и структурировала содержание и взаимосвязи определенных сфер социально-экономического развития общества в контексте экологической, социальной и экономической стабильности и устранения рисков. Авторы доклада ввели в проблематику устойчивости развития социальное неравенство, удовлетворение базовых потребностей населения, экономическую динамику, уровень технологий, систематизировали глобальные проблемы и угрозы.

Структура устойчивого развития

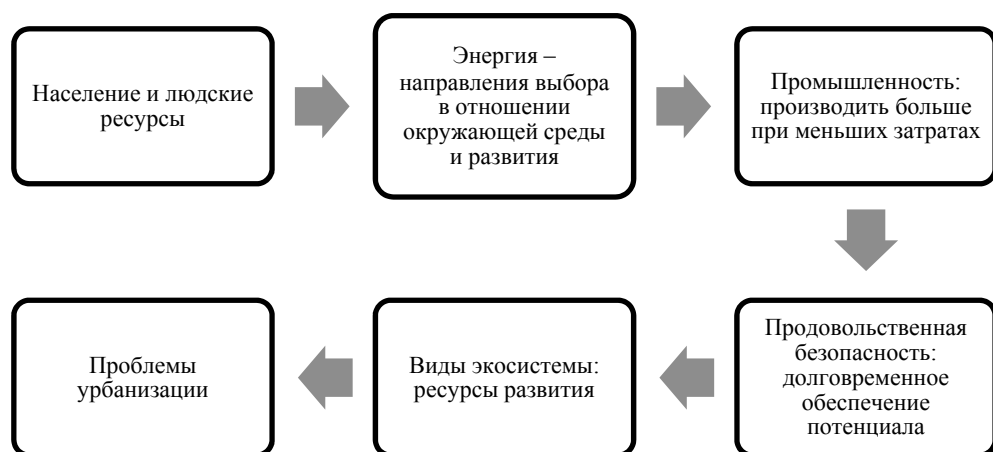

Рис. Структура устойчивого развития

Источник: [Report...].

Основные положения доклада были трансформированы в решениях Конференции ООН 1992 г. в Рио-де-Жанейро, итоговый документ которой носил название «Повестка дня на XXI век». В документе наряду с экологическими проблемами были актуализированы социальные факторы устойчивости, которые, особенно для развивающихся стран, стали значимым риском социально-экономического и политического развития.

Расширение факторов устойчивого развития позволяет комплексно анализировать и давать экспертные оценки устойчивого развития на основе имеющихся статистических методов и социологических оценок со стороны населения, не сводимых к показателям ВВП.

Приоритеты устойчивого развития

В 2015 г. под эгидой ООН на основе консенсуса был принят план долгосрочных совместных действий в области устойчивого развития, включающий структуры «экономика», «социальная сфера», «экология» [Преобразование...]. Интегрируя нередко противоречивые цели, план действий на долгосрочную перспективу

тиву дает новую трактовку устойчивого развития, его факторов, претендуя на роль новой междисциплинарной парадигмы общественной динамики.

«Преобразование нашего мира» представляет собой долгосрочный план совместных действий, сформированный на основе общих принципов стратегического планирования – цели, задачи, индикаторы, средства достижения результатов, мониторинг. Однако он не носит директивного характера и по ряду задач представлен в общем виде. Данный документ институционально актуализировал взаимосвязи экологии, социальной сферы и экономики. Определены приоритетные задачи, направленные не только на снижение экологических рисков, но и на решение приоритетных проблем экономического роста и сокращения социального неравенства. Для анализа реализации целей определены ежегодные индикаторы, показатели которых и их мониторинг основаны на известных методиках статистического наблюдения. Однако достижение запланированных индикаторов требует не институционального, а ресурсного управления, масштабных инвестиционных затрат. Но данный план и достижение его целей лишь координирует деятельность национальных государств, общие затраты не аккумулируются и не распределяются. Определенная помощь развивающимся странам осуществляется на добровольной основе. Экономический рост в этой группе стран заложен из-за его непосредственного влияния на решения проблем безработицы, роста доходов населения и ликвидации нищеты. Унифицированные методы государственного управления по цепочке «экология – экономика – социальная сфера» объективно трудно реализовать, так как страны и их социально-экономические реалии находятся в разных условиях собственности, стадий развития, значительной доли доиндустриальных обществ.

Особенность рассматриваемого индикативного плана ООН 2015 г. – индикативное планирование по 17 целям в области устойчивого развития и 169 связанным с ними задачам, консенсус между развитыми и развивающимися странами в решении среднесрочных проблем сохранения окружающей среды и индустриального развития. В рассматриваемой резолюции ООН для развивающихся стран запланирован значительный экономический рост индустриального развития, отложенный переход к возобновляемым источникам энергии, целый ряд преференций в области инвестиционного финансирования. Основные цели устойчивого развития представлены следующим образом:

Таблица 1

Цели устойчивого развития до 2030 г.

Повсеместная ликвидация нищеты	Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности	Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию	Качественное образование
Гендерное равенство	Чистая вода и санитария	Недорогостоящая и чистая энергия	Достойная работа и экономический рост
Индустриализация, инновации и инфраструктура	Уменьшение неравенства	Устойчивые города и населенные пункты	Ответственное потребление и производство
Борьба с изменением климата	Сохранение морских экосистем. Сохранение экосистем суши	Мир, правосудие и эффективные институты	Партнерство в интересах устойчивого развития

Источник: [Преобразование...].

Единая глобальная экологическая повестка была провозглашена в Парижском соглашении по климату 2015 г., направленном на существенное сокращение глобальных выбросов парниковых газов и ограничение повышения глобальной температуры [Парижское... 2015].

Идеология соглашения выстроена на основе глобального подхода по переходу от невозобновляемых к возобновляемым источникам энергии и целевой задаче сдерживания потепления климата в 1,5–2 °С по сравнению с началом XX в. в долгосрочной перспективе за счет сокращения выбросов в атмосферу, формирующих парниковый эффект. Соглашением констатированы два существенных новых критерия для анализа динамики социоэкономических процессов. Во-первых, добиваться «нулевых показателей загрязнения» – это означает, что объемы эмиссий углекислого газа, попадающих в атмосферу, не превышают объемов, поглощаемых океанами и лесами¹. Во-вторых, сокращать базовые источники энергии, определяющие масштаб выбросов в атмосферу (нефть, газ, уголь), и заменять их возобновляемыми энергоносителями (ветровая и солнечная энергия). На основе прогнозных оценок рисков загрязнения окружающей среды в Соглашении в качестве цели равновесия выбросов и их поглощений определен 2040 г.

Временной порог – дискуссионный и широко обсуждаемый параметр. Существующие возобновляемые ресурсы на данной стадии их эффективности не готовы заменить используемые энергоносители. В международной статистике к возобновляемым, экологически нейтральным источникам добавляется гидро- и атомная генерация электроэнергии, не рассматриваемая как источник экологических угроз. Сокращение использования природных энергоносителей – политизированная проблема, используемая в международной борьбе за рынки сбыта на европейском пространстве, где отсутствует собственный потенциал нефти и газа и по политическим мотивам российский экспорт заменяется на СПГ США и норвежский газ.

Задачи углеродной нейтральности требуют значительных инновационных разработок и инвестиций. Обозначен двухступенчатый механизм реализации соглашения: для индустриально развитых стран – национальные стратегические планы и экономические механизмы, для развивающихся стран – ежегодная помощь в размере 100 млрд долларов. Однако механизма управления аккумулярованием и целевым расходованием финансовых ресурсов не создано. Предполагалось, что управленческая деятельность будет осуществляться Мировым банком и несколькими благотворительными структурами энергетического профиля. Лишь в 2023 г. состоялось решение о концентрации помощи развивающимся странам по климатической повестке в создаваемом Фонде потерь и ущерба.

Оба плана ООН 2015 г. в основании содержат противоречия и несбалансированность, которые привели к кризису достижения целей климатической повестки к 2023 г. «На середине пути к 2030 г. Цели устойчивого развития находятся в серьезном кризисе. Предварительная оценка примерно 140 целевых показателей, по которым есть данные, показывает, что только около 12 % задач выполняются в соответствии с планом, а более половины, хотя и демонстрируют некоторый про-

¹ Россия имеет значительные преимущества по объемам поглощения эмиссий CO₂ – по данным Росстата, лесистость составляет 46,4 % территории, что предполагает меры по ее защите и воспроизводству.

гресс, но умеренно или сильно отстают от намеченного курса. При этом около 30 % либо не изменились, либо опустились ниже уровня 2015 года» [Progress... 2023]. Невыполнение ЦУР чревато резким обострением проблем глобального неравенства, продовольственной безопасности и климатической миграции, особенно актуальных для наиболее уязвимых групп населения. В общем виде проявившиеся проблемы провала сводятся к следующим:

- неопределенность экономической динамики и ее факторов после кризиса 2008–2009 гг.;
- кризис мировой экономики, обусловленный COVID-19;
- обострение неэкономической конкуренции на мировых рынках энергоносителей.

В проектирование планов заложены конструктивные недостатки. Во-первых, преувеличен темп перехода к возобновляемым источникам энергии развитых стран, который не отвечает необходимой энергетической сбалансированности развития. К тому же вероятно определенный показатель потепления климата из-за выбросов углекислого газа в 1,5–2 % вызывает сомнение специалистов. В планировании и координации мероприятий климатической повестки существуют значительные методологические трудности: «принципиальная неопределенность как самих процессов изменения климата, так и их последствий» [Порфирьев и др. 2023]. Однако именно эти факторы, во-первых, позволяют ставить вопрос не о локальных, а о глобальных климатических проблемах. Во-вторых, для развивающихся стран запланирован форсированный переход к индустриальной экономике темпом в 7 %. При этом никаких намерений по инвестиционному обеспечению не было просчитано. Идеологической основой экономической помощи развивающимся странам в решении экологической повестки является экспертная оценка, согласно которой «80 % мировых выбросов парниковых газов генерирует промышленность стран, входящих в “G20”, остальные 20 % приходится на государства доиндустриального или догоняющего развития» [Цифры...].

Современные теоретические взгляды и практика устойчивого развития трансформирует систему координат устойчивости и рассматривает экологические риски и способы их сокращения в комплексе с развитием экономики, воспроизводства населения, что обуславливает новые системные подходы к адаптации к условиям социоэкономических практик. Трансформация институтов устойчивости происходит по направлению от торможения индустриального роста и сокращения общественных потребностей к генерированию новых энергетических источников динамики.

Для межгосударственной координации и управления основной целью выступает сдерживание потепления климата, предопределяемого выбросами в атмосферу парниковых газов. Долгосрочной стратегией для национальных систем государственного управления является переход от невозобновляемых к возобновляемым источникам энергии. Основным методом в национальных системах выступают инструменты бюджетно-налогового регулирования и использования рыночных механизмов для реализации планов инновационной и инвестиционной деятельности в области зеленой экономики.

При сохранении общих принципов и подходов разработка и реализация национальных стратегических планов, что и предусмотрено основополагающим доку-

ментом ООН, должны учитывать собственные интересы стран, возможности и запросы общества.

Институционализация устойчивого развития в РФ

Международные документы по устойчивому развитию и климатической повестке, носящие индикативный характер, закрепляют управление достижением целей и их индикаторов за национальными государствами и соответствующими сложившимися институтами и механизмами управления, предусматривая лишь координацию общих направлений. Основными методами управления и в этой сфере являются институциональный (нормативный) и ресурсный (инвестиционный). Состояние и динамика экологических рисков зависят от деятельности хозяйствующих субъектов, компаний, включенных в рыночный механизм, не приспособленных к снятию экологических рисков на основе саморегулирования. Это – один из известных «провалов рынка», требующих участия государственного управления, основными методами в данном случае является налоговое и нормативное регулирование производителей и потребителей энергоресурсов. В большинстве стран со стороны государства сокращение экологических рисков осуществляется на основе стандартов, технических регламентов и администрирования налоговой нагрузки на корпорации. В ЕС в рамках реализации Парижского соглашения введена программа сбора отслуживших изделий из пластмассы, а также налог на ввозимые товары с «углеродным следом», то есть на изделия, при производстве которых использовались загрязняющие атмосферу энергоносители. Этот налог, поступающий в единый бюджет ЕС, предназначен для подталкивания промышленности и сельского хозяйства к ускоренному переходу к использованию возобновляемых источников энергии. Однако, по существу, это является мерой из арсенала протекционизма, сопряженной с политической конкуренцией на мировых рынках.

Устойчивое развитие социально-экономического развития РФ сопряжено с задачами национальной безопасности: «Стратегия является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу» [Указ... 2021].

Приоритеты устойчивого развития на государственном уровне рассматриваются как одно из направлений стратегии национальной безопасности, которые не сводимы к защите от экологических рисков и представлены в единой системе политики, экономики и социального развития. Стратегические цели социально-экономического развития включают все структурные элементы устойчивости, не сводимые к локальным проблемам экологии. Траектории социально-экономической динамики в РФ, устойчивости развития экономики, социальной сферы и экологии реализуются в системе стратегического планирования. Стратегические приоритеты и цели сокращения климатических рисков, решения экологических проблем определены в климатической доктрине РФ [Указ... 2023].

Климатическая доктрина фиксирует два ключевых направления стратегии климатической повестки, которые определяют цели и задачи управления. Во-первых, это обеспечение безопасного и устойчивого развития России с учетом институциональных, экономических, экологических и социальных факторов, включая демографию. Во-вторых, достижение с учетом национальных интересов и социальной динамики баланса между антропогенными выбросами парниковых газов и их поглощением к 2060 г. Взвешенный подход к определению срока достижения установлен на основе анализа динамики выбросов в атмосферу CO₂, запасов энергетических ресурсов, масштабов лесных и водных поверхностей, поглощающих выбросы. Существенным преимуществом РФ является структура источников электрогенерации, где более 60 % занимает природный газ.

К основным направлениям реализации климатической политики относятся развитие нормативно-правовой базы и организация государственного регулирования в области климата, а также улучшение экономических механизмов, направленных на адаптацию и смягчение антропогенного воздействия на климат. Это включает в себя уточнение технических регламентов по энергетической безопасности и охране окружающей среды, а также корректировку экологических сборов и налогов, применяемых в экономике, и формирование систем «зеленых финансов».

Новая стратегическая задача для государственного управления состоит в переходе от решения общих проблем защиты окружающей среды к обеспечению экологического благосостояния населения. Это определяет необходимость создания национальных проектов нового поколения на основе социологических прогнозов и мониторинга восприятия эффективности и сокращения экологического неравенства среди различных групп, слоев населения, территорий.

С 2025 г. в комплексе национальных проектов начинается реализация национальной цели «Экологическое благополучие». Комплекс задач и целевых показателей для новой программы определен следующим образом:

Таблица 2

Цели и индикаторы национальной цели «Экологическое благополучие»

Формирование экономики замкнутого цикла, обеспечивающей к 2030 г. сортировку 100 % объема ежегодно образуемых твердых коммунальных отходов	Поэтапное снижение к 2036 г. в два раза выбросов опасных загрязняющих веществ, оказывающих наибольшее негативное воздействие на окружающую среду и здоровье человека, в городах с высоким и очень высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха
Ликвидация до конца 2030 г. не менее чем 50 опасных объектов накопленного вреда окружающей среде, утилизация и обезвреживание к 2036 г. не менее чем 50 % общего объема отходов I и II классов опасности	Снижение к 2036 г. в два раза объема неочищенных сточных вод, сбрасываемых в основные водные объекты, сохранение уникальной экологической системы озера Байкал
Сохранение лесов и биологического разнообразия, устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий и создание условий для экологического туризма во всех национальных парках	

Источник: [Указ... 2024].

Следует выделить две главные особенности данного раздела стратегического планирования. Во-первых, установленные индикаторы развития направлены на повышение качества жизни человека. Эффективность реализации определяется мнением населения на основе социологических опросов. Во-вторых, все проекты реализуются за счет государственного бюджета, охватывая территории до муниципальных образований. Национальные проекты являются обязательными для выполнения и находятся в оперативном управлении в органах исполнительной власти. В-третьих, раздел не содержит специальных мер по энергопереходу к возобновляемым источникам, которые агрессивно продвигаются рядом правительственных и неправительственных организаций зарубежных стран и международных организаций.

Российские методики оценки реализации экологических проектов кардинально отличаются от зарубежных моделей, в основе которых позиционируются аргументы «пределов роста» в виде модели «скорректированных чистых накоплений». Росстат РФ в 2024 г. разработал ряд методик статистической оценки индикаторов достижения целей программы «экологического благополучия». Эффективность национальных проектов в данной сфере предстоит оценивать на основе социологических опросов населения [Методики... 2024].

В РФ методом снижения экологических рисков в условиях «провалов рынка» является специальный комплекс налогов и сборов. Это – рентные адвалорные налоги, где налоговая база рассчитывается не по стоимости выпуска продукции, а в количественном измерении (добыча газа, нефти, угля). За нарушение экологических стандартов применяются штрафные санкции. Но это не является стимулирующей налоговой функцией для сокращения выпуска и, соответственно, загрязнения окружающей среды. Это – получаемая государством рента за использование компаниями недр, находящихся в государственной собственности.

Источником загрязнения окружающей среды являются действующие субъекты хозяйственной деятельности, компании различных секторов экономики. Стимулом для разработки и реализации мер по сокращению загрязнения окружающей среды является минимизация издержек на выплату налоговых платежей и сборов экологической направленности.

На уровне компаний задачи устойчивости, включая экологическую устойчивость, решаются комплексом управленческих методов стандартизации, финансового управления, управленческого учета, антикризисного регулирования.

В практику зарубежных и российских компаний введено управление по стандартам, определяющим общие принципы качества менеджмента и отчетности, входящих в систему социальной ответственности бизнеса. Основными стандартами являются:

- стандарт качества менеджмента;
- стандарт социальной ответственности;
- стандарт охраны окружающей среды;
- стандарт менеджмента рисков;
- стандарт отчетности по устойчивому развитию.

Стандарты международной организации стандартизации (ISO) носят рекомендательный, общий характер.

Для вовлечения в решение задач сокращения экологических и социальных рисков руководством ООН было предложено крупным, публичным компаниям включать в свои стратегические планы принципы «экология – социальная ответственность – корпоративное управление» (ESG). Были разработаны специальные стандарты по линейке «экология – инвестиции на принципах ответственного инвестирования» (GRI). Наряду с финансово-экономической отчетностью компании стали разрабатывать и представлять стейхолдерам стандартизированные результаты системы показателей GRI. В стратегиях компаний, наряду с организацией и управлением процессами максимизации прибыли, внутрикорпоративная деятельность стала постепенно выстраиваться по комплексу задач ответственного инвестирования.

Международные стандарты GRI включают критерии и показатели линейки «экология, социальные отношения, корпоративное управление».

Таблица 3

Основные категории стандарта GRI

Экономическая	Экологическая	Социальная
Экономическая результативность	Материалы	Практика трудовых отношений и достойный труд
Присутствие на рынках	Энергия	Занятость
Непрямые экономические воздействия	Вода	Взаимоотношения сотрудников и руководства
Практики закупок	Биоразнообразие	Здоровье и безопасность на рабочем месте
	Выбросы. Сбросы и отходы	Обучение и образование

Источник: [Руководство...].

Отчеты по ответственному инвестированию в начале их применения в публичных компаниях представлялись в основном в имиджевых целях. Но затем определилось их прагматичное значение – оценка деятельности компаний по параметрам GRI как рекомендация для финансовых институтов для получения финансовых ресурсов. В практической деятельности публичных компаний и финансовых рынков это привело к началу формирования рынков зеленых инвестиций, которые направляются на финансирование защиты окружающей среды и инноваций, обеспечивающие технологический суверенитет.

Как и в зарубежной практике, крупные компании не мотивированы рыночным механизмом на стратегию системных технологических инноваций по защите окружающей среды, подготовки к энергопереходу, сокращения не безопасных для здоровья рабочих мест. Поэтому для долгосрочного планирования экологических программ необходимы механизмы комплексирования целеполагания государства и бизнеса в устойчивой экологической и социально-экономической динамике.

Источники и литература

Бобылев С. Н. Устойчивое развитие: парадигма для будущего // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 3. С. 107–113. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-3-107-113.

Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М. : Наука, 1989.

Данилов-Данильян В. И., Рейф И. Е. Биосфера и цивилизация: в тисках глобального кризиса. М. : URSS, 2018.

Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя. М. : Академкнига, 2007.

Методики расчета показателей национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс] : Росстат РФ. 2024. URL: [//restate.gov.ru/storage/media/bank/Suborn_met_NCR_2036.ham](https://restate.gov.ru/storage/media/bank/Suborn_met_NCR_2036.ham) (дата обращения: 21.01.2025).

Моисеев Н. Н. Быть или не быть... человечеству? М. : Россия молодая, 1999.

Парижское соглашение. Рамочная конвенция об изменении климата ООН. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement> (дата обращения: 12.01.2025).

Порфирьев Б. Н., Шилов А. А. Стратегии социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов: сценарии и реалии для России // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92. № 5. С. 415–423. DOI: 10.31857/S086958732205005X.

Порфирьев Б. Н., Терентьев Н. Е., Зинченко Ю. В. Планирование адаптации к изменениям климата: мировой опыт и возможности для устойчивого социально-экономического развития России // Проблемы прогнозирования. 2023. № 2. С. 154–158. DOI: 10.47711/0868-6351-197-154-168.

Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 21.01.2025).

Преодолевая пределы роста: Доклад Римскому клубу: монография / под ред. В. А. Садовниченко. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2024.

Руководство по отчетности в области устойчивого развития G4 [Электронный ресурс]. URL: <https://media.rspg.ru/document/1/e/6/e6aef2d23c03d8181b6230003f977361.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).

Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Указ Президента РФ от 26 октября 2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации».

Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

Форрестер Дж. Мировая динамика. М. : АСТ, 2003.

Цифры и факты [Электронный ресурс] : Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/actnow/facts-and-figures> (дата обращения: 15.01.2025).

Шилов А. А., Колпаков А. Ю. Целевой сценарий социально-экономического развития России с низким уровнем нетто-выбросов парниковых газов до 2060 года // Проблемы прогнозирования. 2023. № 6. 2023. С. 53–66. DOI: 10.47711/0868-6351-201-53-66.

Meadows D. H, Meadows D. L., Randers J., Behrens III W. W. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. New York : Universe Books, 1972.

Mesarovic M. D., Pestel E. Mankind at the Turning Point: The Second Report to the Club of Rome. New York : E. P. Dutton & Co., 1974.

Progress towards the Sustainable Development Goals: Towards a Rescue Plan for People and Planet. Report of the Secretary-General (special edition) [Электронный ресурс] : United Nations. 2023. July 10. URL: <https://hlpf.un.org/sites/default/files/2023-07/SDG%20Progress%20Report%20Special%20Edition.pdf> (дата обращения: 15.01. 2025).

Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future [Электронный ресурс]. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf>.

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегль 14); сноски подстрочные (кегль 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

В списке *Литература*: Кляйн Н. Доктрина шока. М. : Добрая книга, 2011.

В списке *References*: Klein N. Doktrina shoka [The Shock Doctrine]. Moscow : Dobraya kniga, 2011.

В списке *Литература*: Лукьяненко В. И. Homo Consúmens – человек потребляющий // Век глобализации. 2009. № 2. С. 149–159.

В списке *References*: Lukyanenko V. I. Homo Consúmens – chelovek potrebyayushchiy [Homo Consúmens – A Consuming Man] // Vek globalizatsii. 2009. No. 2. Pp. 149–159.

В списке *Литература*: Шишков Ю. В. Мировозражающий механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 25–47.

В списке *References*: Shishkov Yu. V. Mirohozayaistvennyy mekhanizm: dvizheniye k globalizatsii [TheWorld-Economic Mechanism: A Move to Globalization] // Mirovaya ekonomika: globalnyye tendentsii za 100 let [World Economy: Global Trends for the Century] / ed. by I. S. Koryolov. Moscow : Ekonomist, 2003. Pp. 25–47.

В списке *Литература*: Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

В списке *References*: Beck U. Kosmopoliticheskoye obshchestvo i ego vragi [Cosmopolitical State and its Enemies] // Jurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2003. Vol. VI. No. 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (accessed: 14.03.2011).

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

Статьи, имеющие признаки сгенерированных (написанные с помощью нейросети), к публикации в журнале не допускаются.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк), ключевые слова к ней и авторская справка на русском и английском языках, а также данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

Журнал «Век глобализации» внесен в список журналов, входящих в базу данных RSCI, а также в перечень ведущих рецензируемых научных изданий ВАК.

«Век глобализации».
3(55), 2025. – 200 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*

Корректор *Р. Ш. Эсанни*

Верстка *О. И. Вереницыной, М. И. Кухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»
400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.

Тел.: (8442) 42-04-08, 42-17-71.

E-mail: peruch@mail.ru, jurnal-uch@mail.ru

Подписано в печать 15.09.2025. Дата выхода: 29.09.2025

Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,5.

Тираж 1000 экз.

Оригинал-макет предоставлен издательством.

Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5
Заказ № 220665.